

BIBLIOTHECA HUNGARICA

ИШТВАН БИБО

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС
в Венгрии *после 1944 года*

МОСКВА «ТРИ КВАДРАТА» 2005

*b*IBLIOTHECA *h*UNGARICA

ИШТВАН БИБО

*Еврейский вопрос в Венгрии
после 1944 года*

Перевод с венгерского

«ТРИ КВАДРАТА» МОСКВА
2005

УДК 82-3
ББК 84(4Вен)-4
Б 595

Издание осуществлено в рамках венгерского культурного сезона в России в 2005 году при поддержке Министерства Национального культурного наследия Венгерской республики

Перевод с венгерского: Майя Цесарская
Редактор перевода: Вячеслав Середа
Комментарии и библиография: Александр Стыкалин
Издатель: Сергей Митурич

БИБО, Иштван. Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года.
Пер. с венгерского М. Цесарской (серия «bibliotheca hungarica», вып. 6).
М.: Три квадрата. 2005. — 256 с. — ISBN 5-94607-056-8

Венгерский общественед и публицист Иштван Бибо (1911–1979) — один из оригинальных европейских мыслителей XX века, исследования которого отличает особый интерес к социально-психологическим феноменам — страхам, предубеждениям, массовым психозам и истериям, накладывающим свой отпечаток на политику, а также внимание к историческим корням современных политических явлений, опирающееся на глубокое знание венгерской, среднеевропейской и — шире — всеобщей истории.

Как и предыдущая публикация автора в этой серии, книга Бибо «Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года» (1948) подготовлена к изданию на русском языке в рамках программы Российско-венгерской комиссии историков.

© Правонаследники Иштвана Бибо, 2005
© М. Цесарская, перевод, 2005
© А. Стыкалин, комментарии, 2005
© С. Митурич, предисловие, 2005
© «Три квадрата», 2005

ISBN 5-94607-056-8

От издателя

...У меня на стене висит наивная вышивка с типично украинским цветочным узором, датированная 1914-м годом. Тем не менее, это произведение еврейской бабушки моей жены. Она жила в местечке Бобровый Кут под Херсоном; там и погибла в 1941-м вместе со всей семьей в некоем страшном колодце. Тесть мой, вернувшись с фронта в родную деревню, снял эту картинку со стены в ближайшей украинской хате — она была экспроприрована соседом как бы «из любви к искусству».

...В Амстердаме я жил однажды у друзей в типичной узкой 4- или 5-этажной квартире на берегу Амстела, где на лестнице двоим не разойтись, а в туалетах на площадке между этажами до сих пор работают старинные бачки с тяжелыми цепями и чугунными висячими ручками. Чтобы спустить воду, надо раз двадцать дернуть за холодную чугунную гирию, разбудив весь дом. До войны это был еврейский квартал; десятки тысяч амстердамских евреев в 1945-м не вернулись в свои дома, и муниципалитет передавал невостребованные квартиры нуждающимся в жилье семьям. Так эту квартиру получили родители нашей гостеприимной хозяйки. В верх-

ней комнате *in memoriam* сохранена вся довоенная обстановка: старая супружеская деревянная кровать, стулья, пианино со стоящими на нем семейными фотографиями в деревянных рамках. Особенно запомнилась одна: в семье было много детей, и все они, человек 8–9, сфотографировались веселой толпой — построившись по росту, каждый взял переднего за плечи и наклонился в комическом поклоне... Никто из них не вернулся домой, но семья Марины, обычной голландки, хранит память об этих людях.

Предлагаемая читателю книга Иштвана Бибо (1911–1979), независимого венгерского политолога и публициста, бывшего недолгие дни в 1956-м министром в правительстве Имре Надя, была написана в 1948-м, в год водружения над Европой «железного занавеса» (это вторая книжка Бибо в нашей серии «*bibliotheca hungarica*» — первая, вышедшая год назад, называлась «"О смысле европейского развития" и другие работы» и разошлась очень быстро. Там же опубликована библиография его основных произведений).

Тема, которой посвящен этот текст, настолько же отчетлива, насколько и редка для общественных дискуссий в странах Восточной Европы — не исключая и России — на протяжении всего послевоенного времени. Скрупулезно, пунктуально и дотошно — сказывается обстоятельная профессиональная база Бибо-юриста — рассматривает автор историю холокоста в Венгрии и его последствия, исторические и социальные причины антисемитизма, аспекты вины и ответственности в этом всех сторон — государства, законодателя, венгерского общества в целом и различных его фракций, в том числе венгерской интеллигенции.

Сюжеты подобного рода — действительно редкость в нашем социалистическом и постсоциалистическом мире. Понятия, отраженные в названиях глав «Наша ответственность за произошедшее», «Причины морального краха общества», у Бибо становятся не просто констатацией факта или призывом к покаянию, но тщательным публичным исследованием анатомии явления, своего рода *национальной идеей*. Разумеется, здесь проявлена личная авторская позиция, которую можно дополнять и с которой, возможно, можно дискутировать. Однако это открытое предложение взвешенного общественного обсуждения болезненной для страны и общества темы.

Вскоре тень *призрака, бродившего по Европе*, накрыла и Венгрию. К тому же Бибо оказался реальным участником *венгерских событий* 1956-го (еще одна застенчивая идеологема!), поэтому тексты этого блестящего мыслителя не публиковались на родине до конца 1980-х, а для российского читателя открываются только сейчас.

Как известно, тема ксенофобии «не знает границ», она вполне актуальна и в нашем отечестве, а накал антисемитизма в некоторые периоды нашей новейшей истории так и остался без достаточно внятного общественного комментария. Найдутся у нас и еще кое-какие «скелеты в шкафу», причем не менее *убийственные*. Так уж сложилось, что слова *Бабий Яр* или *Катынь* страна чаще всего узнавала по слухам или из поэтических уст.

Поэтому на предлагаемую книгу можно взглянуть более широко, чем то следует из ее непосредственного сюжета. Старые ступени, которые должно преодолеть в своем движении гражданское общество, могут оказаться

гнилыми и будут долго и гадко скрипеть, однако, не пройдя их, не подняться выше. И в этом — еще один смысл работы Иштвана Бибо.

Сергей Митурич

С 1941 по 1945 год в трудовых ротах, в результате карательных акций, в ходе депортации, в лагерях смерти и вследствие нацистского террора [1] погибло более полумиллиона венгерских евреев [2]. И едва лишь развеялось первое потрясение, как выжившие и возвратившиеся после освобождения домой стали все явственней ощущать на себе вновь вспыхнувший антисемитизм. Официальные и полуофициальные, общественные и религиозные организации выступали по этому поводу с разного рода заявлениями, смысл которых сводим к двум элементарным положениям. Первое заключается в декларировании того, что большинство венгерского народа не причастно ко всем этим злодеяниям, творившимся немцами и их пособниками, а лучшие его сыны и сами всеми силами таковым противостояли. Второе — это осуждение новой вспышки антисемитизма и призыв к борьбе с ним всеми силами. И никакое собрание, какими бы благими намерениями оно ни вдохновлялось, где бы ни созывалось, какие бы ни пыталось найти нравственно возвышенные, по-человечески успокоительные слова, в конце концов, как ни крути, ничего иного, кроме двух этих вещей, сказать не может; причем подспудно все ощущают, что и то, и другое ни о чем не говорит, точнее, чего-то недоговаривает. Но до сих пор любая попытка произнести это нечто недоговариваемое вслух проваливалась, встречаемая с той явной или скрытой враждебнос-

тью, которая делает невозможным не только обсуждение, но и само продолжение разговора. Попытки сказать об определенной ответственности всего венгерского народа за преследования и убийства евреев и признать эту ответственность отвергались как властями, так и общественным мнением – негожеде выставлять себя в более черном свете, чем мы того заслуживаем. Когда же одно неофициальное собрание служителей культа от имени венгерского народа и собственной церкви напрямик обратилось к евреям с просьбой о прощении, то встречено это было ошутимым ропотом раздражения: слыхано ли – так унижаться! Откровения об ужасах произошедшего и власти, и общественное мнение тоже встречают с явным неудовольствием, признавая, правда, что воспрепятствовать естественному человеческому стремлению хоть как-то осмыслить пережитое невозможно. Были и иные высказывания, прозвучавшие уже прямым упреком евреям – никто, мал, не вправе узурпировать исключительное право на страдания, или то же, но в более щадящей форме – когда евреев предостерегали от утраты чувства меры в требованиях возмездия или призывали простить, наконец, и забыть прошлое. Подобные рассуждения еврейство встречало такими вспышками раздражения, что приходилось либо отрекаться от них, либо пускаться в оправдания. Складывается впечатление, будто все сговорились не допускать, чтобы об этом вопросе произносилось хоть что-нибудь, кроме вещей ничего не значащих. Есть ли смысл бередить раны? Толку от этого, может, и в самом деле немного, однако темнить, отказываться смотреть правде в глаза куда губительней. Так поставим же вопрос ребром – а годятся ли два этих общепринятых тезиса, звучавшие и по сей день звучащие изо всех уст, в качестве объяснения, ориентира: достаточно ли нам заявить, что большинство венгерского народа не преследовало и не убивало евреев, решим ли мы что бы то ни было, осудив, а может, и наказав, внешние проявления антисемитизма?

I.

НАША ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОИЗОШЕДШЕЕ

Законы о евреях

СНАЧАЛА о том, что же, собственно, произошло. С 1919 года в Венгрии доминировала такая, по существу, феодально-консервативная форма правления, которая, зародившись в самый разгар антиеврейских эксцессов [3], одновременно основывалась на вытеснении евреев из сферы политики и государственной службы и сохранении и даже укреплении – за счет монопольного капитала – их экономических позиций. Эта двойственная политика признания прав за политическим антисемитизмом и поддержки капитала, в значительной части сосредоточенного в еврейских руках, изначально питала ту напряженность, вследствие которой под «еврейским вопросом» и его «решением» понималась ликвидация экономической власти евреев, причем в качестве первой для страны *социальной* задачи. И хотя консервативная феодальная власть в принципе противилась постановке каких бы то ни было социальных вопросов, она, тем не менее, как неизбежному злу легче и охотней уступала упрощению проблемы до «еврейской», лишь бы не заниматься социальными проблемами по существу и во всей широте. Напряженность эта лишь усилилась с началом экономического кризиса тридцатых годов, а в особенности с приходом к власти гитлеризма в Герма-

нии. Вдобавок ко всему, после захвата Австрии соседство гитлеровской Германии и тот факт, что удовлетворения собственных территориальных требований лидеры страны и ее националистическое общественное мнение ожидали от политики по меньшей мере адекватной немецким политическим акциям, в конечном счете привели к тому, что венгерское правительство тоже встало на путь законодательной дискриминации евреев по происхождению [4]. При этом необходимость такого законодательства мыслящие более европейски элементы в консервативном правительстве оправдывали необходимостью выжидать и, пока не определится дальнейшая судьба гитлеризма, избегать прямой конфронтации с ним, идти навстречу требованиям немцев и отечественных антисемитов подобного рода декретами, что к тому же и для самих евреев будет злом меньшим, чем приход к власти нилашистов или же открытая конфронтация с немцами. Подобный ход мысли, если подойти к нему не с позиций долга однозначно противостоять фашизму, а исключительно прагматично, с позиций спасения отечественного еврейства, мог бы – при определенных условиях – оказаться и правильным. Как оказался он правильным для сохранения румынских евреев в Румынии, где в общем и целом сходная политика уберегла их от судьбы, постигшей евреев как в странах, однозначно подчинившихся немцам, так и в странах, однозначно им противостоявшим [5]. Но верной такая политика могла быть лишь в случае, если сама она совершенно ясно и совершенно четко осознавала бы, что именно этого и желает: ограничившись еще оправданным политически минимумом в области антиеврейских законов, одновременно с помощью самых жестких и решительных мер отсечь саму возможность политического успеха крайне правых и в удобный момент выйти из игры, разорвав со-

юз с немцами. В Венгрии же все вышло ровно наоборот. Основной закон венгерского антиеврейского законодательства – второй закон о евреях [6] – во многих своих пунктах превзошел этот самый минимум, послужить же средством спасения евреев он не мог, и даже не столько из-за содержания, сколько из-за обстоятельств своего выхода в свет: принимали его с подбадривания крайне правых, в торгах и соперничестве с ними, походя смирившись с тем, что призванный быть крайней уступкой, он воспринимался противоположной стороной в качестве отправной точки. И поскольку вместо полного и решительного разгрома крайне правых за законами о евреях последовала партийная агиткампания венгерских нилашистов и сторонников Имреди [7], травля евреев в печати, непрерывное заигрывание с немцами, то за основным антиеврейским законом с естественной неизбежностью ежегодно последовали все новые и новые законы, все более недвусмысленно расистские и репрессивные в своей основе. По ходу дела феодально-консервативные элементы в правительстве добились относительного успеха в том, чтобы антиеврейское законодательство, щадя по возможности крупный еврейский капитал, давило скорее на еврейский средний класс, мещанство и пролетариат, сохраняя тем самым весь тот социальный накал, который, хотя и в уродливых формах, присутствовал в настроении поддерживавших антиеврейское законодательство масс, ибо сам «вопрос», каким он осознавался и виделся им, оставался нерешенным. Вот и получилось, что антиеврейское законодательство не только не перехватило ветер, раздувавший паруса крайне правых, но, напротив, наполнило их ветром, не только не отвратило опасность кровавой расправы над евреями, но «легально» приучало венгерское общество к мысли о том, что общие представления

о защите человеческого достоинства на евреев не распространяются. Таким образом, в пылу соперничества с правыми за законами о евреях последовали и прочие меры, которые сперва свели на нет человеческое достоинство еврея во всех областях жизни и далее, набирая все больший темп, лишили его элементарной физической безопасности.

Преследования и убийства евреев

Началось с того, что факт воссоединения [8] и возможности военной власти на воссоединенных территориях значительная часть высшего офицерского состава и нижних чинов венгерской армии с самого начала, и чем дальше, тем больше, воспринимала как позволение в рамках своих полномочий ставить евреев, в общем-то, вне закона, руководствуясь в обращении с ними собственными представлениями о том, как подобает действовать подлинно националистической администрации. Вскоре началось массовое использование евреев на военных работах, что означало все более полную их зависимость, открыв простор всяческой подлости и издевательствам, кое-где на фронте принявшим форму настоящего истребления людей – нередко при явной поддержке старших командиров. В 1941 году, спустя некоторое время после нашего вступления в войну, венгерские полицейские власти, ссылаясь на «неурегулированный вопрос гражданства», выслали в Галицию около двадцати тысяч евреев; тамошнее немецкое военное командование приняло их и без долгих размышлений истребило. После этого подобного рода акции прекратились. Но и дальше то здесь, то там – где-нибудь на железной дороге, на городской набережной или Рим-

ском пляже в Пеште какой-нибудь рьяный местный начальник повыше или пониже чином вдруг принимался собирать евреев, измываться над ними, гнать их прочь. Всякий раз это пресекалось, однако не так, чтобы раз и навсегда отбить охоту у энтузиастов. Напротив, апогей безответственных акций был еще впереди: в январе 1942 года произошла резня в городе Уйвидек (Нови-Сад, Воеводина). Под предлогом облавы на партизан тыловые отряды регулярных венгерских войск заняли город и окрестные села, где по приказу и наущению нескольких старших командиров солдаты, не щадя ни женщин, ни детей, учинили кровавое побоище с грабежами, жертвами которого в подавляющем большинстве оказались евреи [9]. За этим, хотя главным виновникам и удалось безнаказанно укрыться в Германии, наступило очередное потрясение и затишье. Полгода ушло на то, чтобы компетентные лица согласились по крайней мере поверить в случившееся. И, тем не менее, с лета 1942 года, когда министром обороны стал Вилмош Надь, оказалось, что пресекать безответственные выходы отдельных военных хоть и нелегко, но все же возможно, и что трудовые роты тоже можно сделать относительно отлаженным военным производством. И хотя в угоду антисемитским настроениям масс продолжали выходить новые законы о евреях, все же казалось, что страна вот-вот начнет потихоньку высвобождаться из союзнических объятий Германии и что, несмотря все это одичание, евреев удастся уберечь от судьбы их собратьев, оказавшихся под непосредственной властью немцев.

Однако 19 марта 1944 года немцы оккупировали Венгрию, и после трехдневных колебаний регент сдался, назначив правительство Стояи [10]. Оккупанты спешно приняли решение о депортации и истреблении венгерского еврейства. Вскоре после ввода германских войск

вышел указ о ношении опознавательного знака, после чего евреев начали сгонять в гетто. Депортацию немцы проводили с помощью находившихся под управлением нилашистов органов правопорядка, главным образом жандармерии. На практике это происходило так: способ и распорядок отправки определялся немцами, сбор и погрузку евреев в вагоны проводили жандармы, притом с отменной жестокостью; немцы заказывали и принимали эшелоны, а венгерская армия и муниципальные власти с охотой ли, без, гуманно ли, бесчеловечно, выполняли все проистекающие из практики депортации второстепенные задачи – разбивали лагерь, обеспечивали продовольствие, выдавали и проверяли документы, рассматривали вопросы об освобождении, регулировали движение, и т. п. Уже сами сборы, допросы на предмет спрятанных ценностей, погрузка в вагоны и отправка чаще всего проходили в ужасающих условиях; гибло множество беременных женщин, рожениц, больных, детей и стариков, а физически здоровые люди нередко теряли рассудок. Большинство депортированных попало в немецкие лагеря смерти, где человеческое достоинство было поругано так, как никогда еще в истории, знававшей и античное и восточное рабство, и гладиаторские игры: содержавшихся в невероятных голоде и грязи людей, собрав всех скопом, невзирая на возраст и пол обритых наголо и раздетых донага, сортировали и отлаженными путями – через газовые камеры и каменоломни, переполненные бараки, многодневные переходы, фронтовые бордели, лаборатории, где ставили опыты на людях, отправляли на гибель – от газового душья или в огне, от выстрела в затылок, от побоев и пыток, от изнурения, от голода, холода или медицинских экспериментов. Со всей увеличившейся венгерской территории было согнано и депортировано около

семисот тысяч людей; подавляющее их большинство погибло в лагерях смерти; около ста тысяч из тех, кто выжил или пережил эти времена в менее страшных лагерях, на сельскохозяйственных работах, вернулись обратно, остальные рассеялись по Германии и дальше, за границей [11].

К лету 1944 года и власти страны, и ее общественное мнение уже имели достаточно ясное представление обо всех этих вещах; почти в одно и то же время до правительства дошли петиции шведского короля, папы римского и венгерских церквей с требованием прекратить депортацию и заявления союзных властей с выражением глубочайшего омерзения и угрозами последующих санкций. Одновременно с этими заявлениями и под их непосредственным влиянием нилашистские элементы в правительстве Стояи были отеснены на задний план, имредисты же вышли из правительства еще ранее, по другим причинам. В результате всего этого депортация была прервана и угон будапештских евреев не состоялся. Немцы все же успели захватить врасплох лагерь в провинции, куда были согнаны евреи окрестностей Будапешта, и вывезти из него людей.

Еще несколько месяцев прошло в половинчатых и противоречивых попытках под разными предлогами оградить евреев при одновременном разыгрывании перед немцами антиеврейского энтузиазма; длилось все это вплоть до 15 октября 1944 года, когда регент объявил о выходе из войны, и тут же, не оказав ни малейшего сопротивления, не отдав приказа о сопротивлении, уступил власть нилашистам. Передышку сменила новая, на сей раз почти неуправляемая волна преследований. Евреев Будапешта согнали в одно крупное гетто, по городу шныряли отряды нилашистов, которые выслеживали и убивали прятавшихся – детей в детских домах,

больных в больницах, просто прохожих, пойманных в гетто наобум. В неразберихе осады уничтожение гетто – а план его уничтожения нилашисты вынашивали до последней минуты – все откладывалось вплоть до самого освобождения, до которого дожили, в подавляющем большинстве в Будапеште, около ста тысяч евреев.

Общее число жертв, включая погибших в депортации, трудовых ротах, во время событий в Воеводине и прочие жертвы, как ни считай, превысило полмиллиона и означало полное или частичное истребление еврейства венгерской провинции, Прикарпатья и Трансильвании.

Венгерское общество и законы о евреях

СПРАШИВАЯ сегодня, как воспринял венгерский народ все эти акции, нам следует помнить об одной существенной разнице: одно дело, кто и как поддавался гипнозу, когда общественному мнению внушалось, что экономическое вытеснение евреев – первейшая задача нации, другое – кто и как был причастен к поруганию человеческого достоинства и массовому угону людей на бойню. Меры, направленные на ослабление экономических позиций евреев, в свое время опирались на довольно мощную поддержку в массах. Задаваясь вопросом о том, стояла ли или не стояла за этими настроениями большинство венгерского народа, нам прежде всего следует опасаться заблуждения, в которое легко вводят выражения вроде «большинство венгерского народа». Большинство венгерского народа составляет изолированная в своей среде крестьянская беднота, она же в массе своей никогда не была ни «за», ни «против» тех вещей, которые сталкивали между собой обитателей далекого го-

рода, включая и антиеврейское законодательство. Если, однако, пренебречь пассивным безразличием венгерской крестьянской бедноты, как окажется, что за это законодательство стояло если и не явное большинство, то уж во всяком случае куда больше общественных сил, чем против, и на момент выборов 1939 года было очевидно, что те симпатии, которые в Венгрии во все времена причитались самой активной и самой драчливой оппозиционной партии, на сей раз чуть ли не целиком отданы нилашистам и другим правым партиям[12]. Бесспорно, что, рабочее движение – единственная по-настоящему организованная в то время политическая сила – выступало против законов о евреях, но задумай кто-либо, если это вообще было мыслимо в те времена, мобилизовать всю эту организованную и массовую силу на решительную борьбу с антиеврейским законодательством, он вынужден был бы опираться лишь на самых сознательных, самых организованных членов движения, а уж никак не на то множество присоединившихся, которое, собственно, и создает массы вокруг сознательного и организованного ядра.

Такие настроения масс в поддержку антиеврейского законодательства были, несомненно, тяжким симптомом тупика в политическом развитии страны, дефицита политической зрелости у правящей верхушки и масс, слабой укорененности европейского образа мысли, исповедующего политическое равенство и равенство в человеческом достоинстве. Зная же, в какой глубокий тупик зашло политическое развитие страны за последние сто лет, а особенно за двадцать пять лет контрреволюции, тем паче не следует удивляться, сколь убедительно звучало и сколь повсеместным было суждение, согласно которому основная причина нездоровой социальной и экономической жизни страны – не что иное, как то вы-

дающееся положение, которое занимают евреи в структуре венгерского капитализма; на деле же оно было лишь второстепенным симптомом того, что буржуазное развитие Венгрии завязло в структурах феодальной иерархии, и высвободиться из них одним рывком не было никакой возможности. Вот и получилось, что сентенция: «Надо как-то решать еврейский вопрос» стала одним из тех общих мест, отрицать которые наотрез было почти безнадежно, а длинные и обстоятельные опровержения люди пропускали мимо ушей. При этом «решение» большинство понимало по-детски просто: издается несколько декретов, вменяющих еврею зарабатывать меньше, а нееврею больше, а в экономике и обществе по сути ничего не меняется. Ну а то, с какой легкостью разжигаемая или выпущенная на свободу под предлогом «сглаживания определенного неравенства доходов» антисемитская истерия и подхлестываемая ею дискриминация по признаку происхождения могут перерасти в преследования и убийства, – такой исторический опыт тогда, в тридцатые годы, был в крови только у евреев, для остальных же убедительной силы он не имел, и удивляться тут нечему. Было нереально рассчитывать, что лишение евреев гражданского равенства вызовет решительное сопротивление в стране, правящая верхушка которой никогда не принимала всерьез принцип гражданского равенства в отношении собственного народа, а интеллигенция, буржуазия и средний класс – равно еврейского и нееврейского происхождения – вот уже сотню лет были по преимуществу пассивными соучастниками таких форм власти, которые, на словах признавая гражданское равенство, на деле пренебрегали им.

Но на весы нравственной оценки законов о евреях, помимо их одобрения, ложится еще одна, более весо-

мая гиря – деградация общественной нравственности, выявившаяся в ходе исполнения этих законов. Дело в том, что для широких слоев среднего класса, сложившейся уже или только опережающейся мелкой буржуазии законы эти означали возможность занять новое, более выгодное положение в обществе за чужой счет, без каких бы то ни было личных усилий, благодаря только государству, безо всякого на то серьезного оправдания подлинно глобальной социальной задачей.

Как бы ни выдавали подобное за акт социальной справедливости, творимый во имя более равномерного распределения коллективных благ, в действительности ничего подобного из него выйти не могло; вся суть его в том и заключалась, чтобы избежать подлинных социальных реформ, и стоило только социальной фразеологии или демагогии перейти установленные границы, как обычно неповоротливое контрреволюционное правительство тут же соображало, где у него кулаки. Социальная фразеология требовалась лишь для того, чтобы преодолеть моральное сопротивление множества колеблющихся, что уж говорить о тех, кто выигрывал чисто косвенно, просто за счет увеличения вакансий и возросших возможностей, не сталкиваясь лицом к лицу с вытесненными со своих прежних позиций людьми. Так лживая насквозь, заведомо лишенная возможности опираться на чистые и искренние стремления к реформам политика вынуждена была апеллировать к побуждениям более низменным. Начиная с этих пор широкие слои венгерского общества приучались к тому, что преуспеть в жизни можно не одним лишь трудом или предприимчивостью – достаточно просто облюбовать себе чужое, готовое, донести на его обладателя, вынюхать насчет прародителей, вышвырнуть человека с работы, выхлопотать себе его место, лавку, а то и самого интер-

нировать и завладеть всем его состоянием. Эти возможности, с одной стороны, вскрыли, а с другой, усугубили процесс нравственного падения венгерского общества, высветив столь удручающую картину ненасытной алчности, ханжеской наглости или, в лучшем случае, холодного карьеризма, которая обернулась незабываемым потрясением не только для испытавших все это на собственной шкуре евреев, но и для всякого порядочного венгра.

Венгерское общество и преследования евреев

ЗНАЯ ПРИЧИНЫ, по которым широкие слои населения столь успешно приняли «решение» еврейского вопроса с помощью законов о евреях за социальную реформу, тщетно было бы надеяться, что в этой обстановке страна со стихийным возмущением отвергнет законодательную дискриминацию евреев, меры, направленные на их экономическое сдерживание, снижение пропорций занятости, дележ принадлежащих им земель и пр. Но уж никак не назовешь беспочвенной надежду на то, что когда дело дойдет до поругания человеческого достоинства, до физического преследования людей, то хоть тут то же самое общество, потрясенное, воспротивится. Некоторые признаки этого действительно появились, и в облике венгерского общества, каким оно предстало в этой обстановке, несомненно, обнаружили и положительные черты. Множество людей, особо не слывших ранее ни покровителями евреев, ни демократами, ни антифашистами, начиная с этого момента бросились спасать евреев – организовывали акции, бегали по инстанциям, взывали к совести власть предержащих, строчили петиции, прятали людей в иностранных представительств

вах, в монастырях, приходах, в помещениях рабочих организаций, в квартирах и подвалах, в сельских домах, брали к себе детей, подделывали документы, переправляли беглецов в безопасные места; порой помощь приходила оттуда, откуда ее никто не ждал, от неизвестных, от забытых знакомых. Наверняка найдутся тысячи людей, обязанных своей жизнью таким единичным или более организованным усилиям. Но все это было каплей в море, и даже не во враждебном море, а того хуже – в море сбитых с толку, колеблющихся, сторонящихся, не смеющих помочь. Не забудем, что из оставшихся в живых двухсот тысяч венгерских евреев около ста тысяч пережило осаду Будапешта в гетто, и не столько благодаря хлопотавшим об их спасении или еще менее всему венгерскому обществу, сколько потому, что у палачей уже не хватило ни времени, ни решимости их уничтожить; остальные выжившие вернулись большей частью из лагерей. Подсчитывать, сколько наших знакомых прятались и спаслись с чьей-то помощью – оптический обман; те, кому помогли спастись, большей частью были людьми, принявшими христианство, жившими в смешанных браках, чьи-то друзья, коллеги, члены венгерских интеллектуальных, профессиональных группировок, участники рабочего движения, то есть те, для кого спасение стало возможным благодаря связям и солидарности какого-либо более узкого круга. Те же, кому, не имея никаких особых связей, просто довелось испытать милосердие, жертвенность, готовность помочь со стороны людей, с которыми их столкнула судьба, находятся в явном меньшинстве. Сколько бы сочувствия, готовности помочь ни проявлялось то тут, то там по всей стране, преследуемые не чувствовали и не могли чувствовать, что страна, общество целиком за них, целиком сочувствует им. Мы можем рассказывать сколько угодно правдивых

героических историй о человеколюбии и помощи, проявленных в отечестве, но кому придет в голову хоть на мгновение всерьез вообразить себе, что у всего как есть преследуемого еврейства есть причины испытывать благодарность ко всем как есть венграм, что в дни гонений судьбы их сплелись теснее, чем прежде, как сплелись они на самом деле у датчан, голландцев, югославов, французов и даже итальянцев? И это главное, остальное – байки. Коль скоро, положим, в Дании – назовем не воевавшую страну – преследуемый оказывался в таком положении, когда приходится искать убежища в первой незапертой подворотне, просить помощи в первом встречном доме, он мог быть почти уверен, что так или иначе получит их, и даже если не везде будут готовы на самопожертвование, его, во всяком случае, встретят с участием и попытаются разделить его заботы, куда реже его могли ожидать безразличие, отказ, осторожная попытка отстраниться, но рассчитывать, что его могут выдать преследователям, он мог только как на редчайшее, исключительное несчастье. В Венгрии же, посмей он вообще постучаться в незнакомые ворота, с наибольшей вероятностью ему приходилось рассчитывать на безразличие, отказ, с меньшей, но вполне реальной – на то, что выдадут, а на помощь – лишь как на случайное, неожиданное везенье.

Эти вероятностные выкладки – выражение того, что проявилось в поведении венгров как общности, как единого целого в их отношении к преследуемым; и несмотря на то, что почти все, попавшие в беду и брошенные в беде, не пережили ее, даже среди оставшихся в живых больше тех, кто помнит об отвернувшихся и безучастных, о собственной затравленности и унижениях, чем о помощи и сочувствии. И все же самым страшным опытом пережитого были не явная ненависть и не самые за-

урядные безучастие или трусость. Ведь евреи давно уже знают, что повсюду в мире, и здесь, и у нас, тоже, многие их ненавидят; знают они и то, что среди людей всегда было немало безучастных, неблагодарных, ленивых и трусов, как знает это всякий попавший в беду и нуждающийся в помощи. Труднее всего забыть не это, а поведение людей порядочных, тех, кто по-прежнему общался с ними, жалел их, быть может, даже не отказывал им в помощи – забыть нелепое замешательство, непонятливую глухоту к тому, как они крайне зависимы, загнаны, к их страху смерти перед лицом бесчеловечности, дикой кровожадности и морального нигилизма преследователей – забыть того знакомого, который никак не мог поверить в то, перед чем они трепетали, и не зря; или другого, который, выразив им свое искреннее сожаление, добавлял, что, тем не менее, как истинный мадьярский патриот или убежденный противник большевизма, он и далее вынужден желать немцам победы; сочувствующих, что добавляли к своим соболезнованиям доверок нравоучения – нечего, мол, было, пока все было хорошо, быть такими-то и такими-то, или, ишь, де, какие вы до сих пор были наглые да настырные; доброжелателей, выражавших готовность помочь или похлопотать «за тех, кто этого заслуживает»; священника, который любезно и охотно пошел навстречу их намерению принять крещение, но не преминул раздраженно попрекнуть их недостаточным усердием в усвоении катехизиса, отсутствием внутренней убежденности и «корыстью» побуждений; чиновника, который вежливо выдал им какое-то свидетельство, а когда они, расхраб्रившись, попросили кое-что подправить в нем, возмущенно отказался и не то прямо сказал, не то просто дал понять – вот, мол, вы какие, вам ничего не стоит ради своих эгоистичных «интересов» ввести в грех безупреч-

ного государственного служащего. Все это рождало в преследуемых евреях невыносимое ощущение того, что помимо ненависти и трусости в этой стране их окружает еще и глухая стена непонимания и отчуждения, пробить которую невозможно.

Позиция аппарата управления и церкви

УЩЕРБНЫМИ оказались и те организованные средоточия европейского мышления и человечности, от которых даже в обремененной тяжелой предысторией венгерской действительности можно было ожидать, что хотя бы они сумеют с успехом воспротивиться втаптыванию в грязь цивилизованных методов и человеческого достоинства. Таковыми были образованная, уважающая закон, европейски мыслящая половина венгерского чиновничества и христианские церкви страны. Сегодня нам нередко приходится слышать декларации о том, что уж они-то действительно держались в стороне от преследований – как правило, это звучит в опровержение обвинений, которые, исходя из отдельных неприглядных фактов, выставляют их прямыми пособниками преследователей. Не думаю, что следует особенно сомневаться в том, что, в общем и целом, они и впрямь держались в стороне, – в том-то и беда, что, большей частью, как раз далеко в стороне от жуткой реальности преследований.

В венгерском *управленческом аппарате*, среди его служащих, бесспорно была и европейская половина, которая своим профессионализмом и добросовестностью явно и резко отличалась от другой, состоящей из самодуров и дилетантов, не уважающих человеческого достоинства. Служащие, принадлежавшие к этой лучшей половине венгерского управленческого аппарата, во

времена антиеврейских законов стремились удерживать их исполнение в рамках правопорядка и законности, ибо тогда ничего лучше и умнее этого они сделать не могли. Однако в некотором отношении (в делах о гражданстве, бывшем вопросом жизни и смерти [13], в исполнении закона об оскорблении расы [14] и пр.), особенно с определенного момента, с момента немецкой оккупации, требовалось уже нечто большее: требовалось констатировать сначала частичную, а затем и полную политическую, моральную и юридическую несостоятельность всей государственной власти в целом и действовать сообразно с этим. Но управленческий аппарат, даже в сравнительно более человеческой своей части, в основном продолжал трудиться в убеждении, будто проводит в жизнь законные распоряжения законного правительства, а чудовищные последствия – лишь результат жестокости и насилия исполнителей. Местное начальство, лагерная администрация, служащие бюро регистрации гражданских состояний, занятые депортацией, пусть неохотно, но все в том же духе исполнения обязанностей продолжали делать свое дело и, не рискуя проявить серьезное неповиновение, подчинялись вышестоящему начальству и указам. Ни о каком продуманном, скоординированном бойкоте этих распоряжений со стороны венгерского управленческого аппарата не было и речи, а ведь это могло бы существенно снизить индивидуальный риск, создав при этом почти непреодолимые, а с ростом военной неразберихи тем более непреодолимые препятствия на пути сил, намеренных реализовать депортацию. Не последовало не только всеобщего протеста, но были сравнительно редки даже отдельные, частные случаи служебного неповиновения и нелояльности; большинство чиновников продолжало избегать всяческого обмана, подделок, не желая заме-

чать, что речь идет всего-навсего об обмане государства-убийцы, государства-разбойника – им представлялось возможным блюсти моральную чистоту, убеждая себя с помощью веских доводов в том, что в данном конкретном случае в обмане нет ни смысла, ни пользы. Лишь очень немногие осознали, что государством правит кучка бандитов, что ее указы – клочки бумаги, а неповиновение им, подделки и обман – моральный долг. Больше людей пришло к этому уже позднее, после 15 октября 1944 года, но неопределенности, которую проявила правящая верхушка, объявив о выходе из войны и уступив власть правительству Салаши [15], оказалось все же достаточно, чтобы сбить с толку многих.

Та же вера в законность государственной власти и нежелание замечать гитлеровского морального нигилизма парализовала и действия *церкви*. Я говорю не о религиозном антисемитизме, носители которого не осудили дискриминации евреев даже в ограниченных церковными принципами и практикой рамках, не об антисемитизме, с позиций которого церковные мужи вплоть до сегодняшнего дня нередко подвергают евреев нравственному осуждению, и нет ничего удивительного в том, что евреям это не нравится, – все это, однако, еще не причина смешивать этот антисемитизм с современным антисемитизмом массовых убийц, и хотя религиозный антисемитизм и является историческим предшественником последнего, но вовсе не равнозначен ему безоговорочно ни в социологическом, ни в моральном отношении.

Беда началась, когда современные антисемиты-убийцы давно уже буйствовали вокруг, по соседству с нами, а венгерская церковь по-прежнему подходила к вопросу с привычными мерками, поскольку с удовлетворением констатировала, что правительство у нас консервативное, несомненно отдающее должное европейским нор-

мам, уважающее церковь и ее резоны, а стало быть, и не время сверх меры заострять внимание на гитлеризме и моральном нигилизме расовой теории, причиняя тем самым неприятности этому славному правительству, пусть даже оно в силу внешнеполитических причин вынуждено, в некотором роде, двигаться в ногу с гитлеризмом. Проголосовать за первые два антиеврейских закона церковные власти побудили те же аргументы, которыми обычно мотивировали этот шаг консервативные и европейски настроенные элементы правительства; мы о них говорили выше. По поводу расовой теории, туманной метафизики национализма, обожествления расы, нации, крови и насилия время от времени звучали осуждающие заявления церковных деятелей; закон о защите чистоты расы явился поводом для официального протеста против полного пренебрежения религиозной принадлежностью, фактами принятия крещения и пр., а депортации – для официального протеста и ходатайств, отчасти успешных, против их продолжения и принудительной отправки в гетто принявших крещение.

И тем не менее даже в период с 19 марта по 15 октября церковные иерархи не видели причин отбросить всякий пиетет в отношении столь почтительного к ним венгерского правительства с его так хорошо знакомыми, привычными им фигурами и поставить знак равенства между лидерами этого государства, его указами, исполнителям и стоящим за ними и управляющим их действиями безумным, языческим и преступным гитлеровским государством. Так случилось, что наряду с необычайным героизмом отдельных священников, монастырей и организаций, вся масса церковнослужителей своим поведением являла столь же пеструю картину сочувственной помощи, отстраненного непонимания и раздраженной злобы, что и все венгерское общество в

целом. А когда среди этих крайностей возникала нужда выработать какую-то единую позицию, церковным мужам представлялось, что они поступят правильно, если как в ответ на попеременные угрозы и заискивание правых, так и в ответ на попеременные упреки и надежды евреев они будут твердо стоять на теологических и религиозно-правовых принципах. И ошибка была не в том, что они исповедовали религиозные и теологические принципы – что еще они могли исповедовать? – а в том, что они игнорировали моральные и политические обстоятельства дела и, соответственно, не учитывали их в своей позиции.

Попробую проиллюстрировать это на одном-единственном примере – на церковной позиции в вопросе крещения. Общеизвестно, что уже лет сто, как у отцов церкви – по причинам вполне понятным – зреет раздражение в связи с тем, что значительная часть принимающих крещение евреев – по не менее понятным причинам – видит и ценит в этом не путь к христианской общине и вере, а лишь способ покинуть еврейскую религиозную общину и вступить в неразделенное ритуалами буржуазное сообщество. Беда только в том, что в сороковые годы и отчасти даже в сорок четвертом церковь все еще не замечала, что проблема уже не в том, что с ростом принимающих крещение не по убеждению для этого раздражения становится все больше оснований, а в том, что исподволь, но коренным образом меняются сами обстоятельства, стоящие за принятием крещения. Дело в том, что по законам о евреях новое значение приобретали даты принятия крещения, они могли оказаться спасительными в спорных случаях – для полукровок, для живущих в смешанных браках и пр. В связи с этим все новые и новые массы принимали крещение, осаждая церковные приходы ради получения

считавшегося залогом обращения свидетельства. Между тем оголтелая правая пресса, правые партии с неистовым раздражением обрушивались на церковь за раздачу без разбора свидетельств, позволявших уклониться от закона. Осаждаемая с обеих сторон церковь сочла, что в вопросе выдачи свидетельств как с жаждущими крови, заблудшими в потемках расовой теории правыми, так и с «желающими воспользоваться крещением как страховкой» евреями вернее всего будет придерживаться неопровержимой в своей чистоте теологической точки зрения: свидетельство – святыня, а посему в иных целях употребляться не может, выдается по истечении стольких-то месяцев обучения, после надлежаще основательной проверки, действительно ли приобщилось к лону заинтересованное лицо.

Что таковы были официальные заявления, можно понять. Что до весны сорок четвертого, пока у власти находилось более или менее умеренное правительство, церковь придерживалась этой практики, еще куда ни шло; беда началась, когда *в очень многих местах* продолжали подходить к этому вопросу точно так же и после 19 марта сорок четвертого года, когда то здесь, то там в ощущении смертельной опасности люди бросались перед священником на колени, чтобы он окрестил их и не спрашивал, верят ли они в непорочное зачатие или предрешенность судьбы. Сталкиваясь с убеждением евреев, что крещение для них вопрос жизни и смерти, и уклоняясь от «легкомысленной» раздачи свидетельств и подделки документов, добронравные церковные мужи пытались оправдаться тем, что тут скорее массовый психоз на почве очередных новостей, чем реальная возможность спасения, ведь правые государственные власти, как правило, ни во что не ставят факт крещения, и священникам следует быть осторожными хотя бы потому,

что девальвация крещения лишь ухудшит положение принявших его ранее, без того чтобы помочь новообращенным. Это было действительно верно в трех случаях из четырех, но не было верно в отношении множества спорных ситуаций. Обо всем этом, однако, можно было бы говорить только после признания того, что в новой обстановке видоизменилась и сама теологическая проблема: с началом серьезных преследований евреев вопрос состоял уже в том, позволительно ли совершать крещение и выдавать свидетельства о таковом, *не заботясь о том, есть ли время и есть ли возможность для убеждения и обращения*, а исключительно для того, чтобы отстранить реальную смертельную угрозу, нависшую над чьей-то головой. Потому что в это время вопрос уже стоял именно так, а не иначе, и я не думаю, что ответ мог вызывать сомнения. А то, что массы тех, кого это затрагивало, возможно, ошибочно судили о том, насколько непосредственна угроза их жизни и имеет ли смысл крещение и, осаждая церкви без пользы для себя, навлекали опасность на остальных, это уже следующий вопрос, и разрабатывать и сообразно применять какие-либо практические принципы подхода к нему можно лишь *после* однозначного ответа на первый. Мы знаем, что многие сами задали себе этот вопрос и сами нашли на него ответ; быть может, авторитетные силы и пришли к какому-то принципиальному мнению, однако единой, продуманной и четкой позиции у церкви так и не сложилось. Она наверняка сложилась бы и в этом, и в других вопросах, затянулись немецкая оккупация и власть нилашистов надолго; однако ни церкви, ни всей стране такой более обширной возможности проявить себя в испытаниях не представилось.

Позиция венгерской интеллигенции

РЕШАЮЩИМ вопросом при подведении нравственного итога является и позиция венгерской *интеллигенции*. На сей раз мы не вправе ограничиться делом евреев и помощи им, а в силу природы вещей духовных должны рассмотреть, как восприняла фашизм и гитлеризм венгерская интеллектуальная среда в целом. Нельзя сказать, что взятое в целом, за редкими известными исключениями, ее поведение в этом вопросе давало бы повод для стыда. Известно множество выступлений венгерской науки, литературы, высокой публицистики; там, где открытые выступления были невозможны, использовались различные формы завуалированного выражения мнений, а где невозможно было и это – большей частью хранилось демонстративное молчание. Когда государственная власть, проводя контрреволюционный курс, либо следуя политике лавирования, порой пыталась найти духовную опору у интеллигенции, то ее представители, выслушав лозунги и призывы официоза, произносили те или иные правильные общие места или отмалчивались в ответ, но желанной поддержки правительство так от них и не дождалось. А между тем требовалось нечто большее: многочисленные торжественные и общие выражения верности высоким и вечным идеалам следовало бы очистить от нередко умышленно оставленных в них двусмысленностей; следовало бы рассеять любые заблуждения касательно того, что европеизм писателей не имеет ничего общего с антибольшевизмом господствующей феодальной реакции, а радикализм писателей – с фашистским радикализмом массовых убийств. Прояснив всё это, далее следовало найти такие четкие и ясные слова для программы сопротивления и гуманизма, которые как в отношении

еврейского вопроса, так и в общенациональном смысле смогли бы увлечь за собой большинство колеблющихся, большинство порядочных людей, большинство молодежи. Ни того, ни другого венгерская интеллигенция сделать не сумела: она не рассеяла двусмысленностей и не нашла тех ясных и четких слов для программы сопротивления и гуманизма, перед лицом которых всякое заблуждение выглядело бы мелким и случайным. Были лишь отдельные попытки нащупать позицию такого масштаба, однако все они оказались слабы, несли на себе печать неискренности или узости и в конечном счете сошли на нет в общем для всей венгерской политической оппозиционности тупике.

Первой и самой провальной попыткой такого рода стал сформулированный совместно официальными еврейскими организациями и левыми буржуазными партиями протест против лишения евреев *равенства в гражданских правах*. В тогдашней обстановке напряженности и национальных обид у обращения в защиту гражданских прав евреев, не подкрепленного не менее радикальной позицией в отношении проблем венгерского народа, венгерских масс, а, с другой стороны, даже не попытавшегося показать всей реальной и вне связи с угрозой еврейству опасности того, что национальные обиды толкают венгерскую интеллигенцию в сторону немцев, — у такого обращения заведомо не было шансов быть услышанным. Подобные половинчатые выступления вообще не слишком выходили за рамки вполне иммунной к угнетению масс и уже с рубежа века все более пустеющей либеральной фразеологии времен празднования тысячелетия [15а] или буржуазной ностальгии по бетленовской консолидации [16]; все они оставляли после себя стойкое впечатление, будто речь тут в первую очередь о еврейской самозащите.

Другая попытка исходила от консервативного, европейски мыслящего крыла контрреволюционно настроенных и именно благодаря этому вполне неуязвимых, имеющих возможность высказываться общественных деятелей – эти выступали против законодательства о евреях и преследования евреев с позиций растущей и все более злободневной *германской опасности*, изобличая неотесанность правых, родство их социальной и революционной фразеологии с большевизмом. Здесь сосредоточились немалые духовные силы, однако их очевидная враждебность массам и революции, их замешенный на легитимизме, реставрации и государственности в духе Иштвана Святого антигерманизм навлекли на себя едкие обвинения в «куруцствовании» [17] и оттолкнули немало добропорядочных венгерских радикалов.

Третье течение провозглашало необходимость сопротивления во имя *сохранения нации* перед лицом одновременной германской и еврейской экспансии. Это течение, хоть и смело выступало против немцев и их приспешников, тем не менее взяло на себя огромный моральный риск, сыграв на руку преследующим евреев правым, и к моменту великого испытания 1944 года, когда немецкой оккупации надлежало противопоставить венгерское сопротивление, а преследованию евреев – венгерский гуманизм, для уяснения понятий уже не годилось. Все те добрые мадьярские силы, что поддались соблазну антигерманизма с консервативной и легитимистской подоплекой, в большинстве своем оказались в сходном положении – и сколь негоже мерить одной и той же человеческой мерой их искренний национальный пессимизм и романтику с туманной и губительной метафизикой германского господства, столь же негоже за искренностью этого романтического пессимизма забывать о его призрачности и бесплодии. Сто-

ит заметить, что и сам Деже Сабо [18], бывший духовным отцом всего этого направления, с началом войны перестал, наконец, мерить одной меркой швабский вопрос и еврейский вопрос и порой оценивал обстановку с поразительной трезвостью, хотя обойти западную национальную и крестьянскую романтики и собственной особой фразеологии не удалось и ему.

Четвертое направление сформулировали лидеры социалистического движения; низведению социальных проблем до еврейского вопроса они противопоставили необходимость *уничтожения всяческой эксплуатации, освобождения венгерских масс*, для чего и призывали к общенациональному сопротивлению германскому фашизму. Это направление было сформулировано четко и ясно, но в том притесненном, отчасти даже нелегальном положении, в котором находился социализм в контрреволюционной Венгрии, оно не могло рассчитывать на отклик всех тех национальных сил, чья помощь была бы необходима в борьбе с германской экспансией и преследованием евреев. Потому так отчаянно и искали рабочие партии союзников среди других национальных сил, в то время как те даже на идейном уровне в подавляющем своем большинстве до последней минуты пребывали в состоянии растерянности и разброда.

Так что же требовалось на самом деле? По сути дела то, о чем рабочее движение уже заявило своим призывом к общенациональной борьбе, но произнесенное теми и так, чтобы уже ни под каким видом нельзя было подвергнуть сомнению, что сказано это от имени нации и в интересах нации. Это значит, что общепризнанные, не попавшие в изгой из-за своего происхождения или политических взглядов представители венгерской интеллигенции должны были первым делом четко и ясно осудить вредоносную бессмысленность антиеврейского

законодательства и бесчеловечность преследования евреев, после чего выступить в защиту свободы венгерского народа перед лицом германской опасности, не играя при этом на легитимизме и страстях по Иштвану Святому, затем призвать к полному освобождению венгерского народа от любой – а не только еврейской – экономической эксплуатации, причем не прибегая к фразеологии классово-борьбы, и, наконец, предложить союз всем желающим того же силам. Иными словами, эта единственно пригодная для того, чтобы спасти страну как в моральном, так во внутривластном и внешнеполитическом отношении, позиция нуждалась в куда более прочном идейном фундаменте. Конечно же, в отличие от прочих – двусмысленных, безвредных или бесполезных, она не снискала бы поддержки у власти и правых сил и не могла бы рассчитывать на поощрение с их стороны. И, тем не менее, в среде венгерской интеллигенции ощущались уже весьма обнадеживающие предпосылки для формирования такой позиции, были и люди, которым не так уж доставало возможностей или таланта найти наиболее подходящие моменту слова, достаточно притягательные, чтобы вызвать отклик и создать очаги действия. И они, в том числе и скромный автор этих строк, в ответе за то, что так и не сделали этого.

Причины морального краха венгерского общества

ИТАК, задавшись целью обобщить опыт пережитого преследуемыми евреями в венгерском обществе, мы вынуждены будем констатировать, что злоба и безучастие, ограниченность и трусость проступят самыми резкими и горькими его чертами. Возразить тут нечего – опыт ре-

альный. А между тем мы знаем и чувствуем, что общество это, страна в основе своей не злобны, не безучастны, не глупы и даже – всей видимости вопреки – отнюдь не трусливы. Но человечность, сочувствие и смелость не суть индивидуальные, заведомо присущие нам «качества в себе», а вещи, во многом обусловленные обстановкой в обществе. Чистой воды романтизм воображать, будто человечность или смелость страны, общества, коллектива выражаются в том, сколько наберется среди них пылающих бескорыстной любовью к ближнему святых, какие полчища неустрашимых героев, готовых сражаться не на жизнь а на смерть, сумеют вывести они на поле брани. Бесспорно, человечность и смелость требуют и индивидуальных черт, однако возможность проявить их зависит от условий, царящих в данной общности, от того, способны ли действующие в ней авторитеты, вопреки замешательству и распаду, добиться непреложности принципов полноценного морального противостояния, удастся ли им сделать эти принципы примером для подражания в видимых и невидимых структурах данной общности, сумеют ли они сообщить нравственный заряд боевитости физически храбрых, а для тех, чьим благим намерениям мешают сомнения, робость или леность, обеспечить надежные тылы всеобщего одобрения, поддержки и солидарности.

Как раз этого-то нам и недоставало, более того, общественная мораль, здоровые общественные инстинкты постепенно приходили в упадок. История этого распада уводит в прошлое, точнее к тем временам, когда после поражения освободительного движения 1848–49 годов все политическое чутье интеллигенции и правящих слоев, вся их восприимчивость к опасности сфокусировались в одной-единственной болевой точке – боязни распада исторической Венгрии; следствием этой боязни и

самозащиты имущих слоев явилась ложная и противоречивая политическая конструкция Соглашения 1867 года [19], в котором общественная жизнь страны, ее социальная активность заглохли, обесплодели; позднее революции 1918-19 годов и версальский мир лишь подкрепили эти судорожные страхи как в социальном, так и в национальном отношении, и в итоге политика окончательно увязла в мечтах о реванше и в антибольшевизме. В ходе этого постепенно складывалась ситуация, когда венгерским правящим классам и группам, продолжавшим сохранять внешний лоск, способность к гибкой политической ориентации и общению, то есть политические навыки, все больше изменяли элементарные инстинкты, лежащие в основе всякой нормальной политики – способность здраво и уверенно оценивать обстоятельства, чувствовать опасность и мгновенно реагировать на нее, умение взвешивать преимущества, риск, возможности и потребности, ощущать устремления общества, одним словом, все то, что в совокупности именуется политическим чутьем. Политическое чутье вытеснили все более судорожные и все более призрачные политические навязчивые идеи, вроде возрождения исторической Венгрии с ее патриархальной иерархией.

Роковые последствия всего этого сказались в канун Второй мировой войны и разразившегося одновременно с нею глубокого европейского кризиса, который обернулся величайшим испытанием политического чутья и политической морали для каждого европейского народа. Некоторое время рутинные навыки венгерской политической верхушки еще скрадывали роковой процесс атрофии ее политического чутья. То, как лидеры страны достигли двух венских решений о пересмотре Трианонского мирного договора [20], не ввязавшись при

этом в войну с союзниками, или как позднее, уже после вступления в войну, правительству Каллаи [21] удавалось исподволь отдаляться от гиблого дела гитлеризма, со стороны могло показаться, да, собственно, и казалось высшим классом политической шахматной игры. Однако при ближайшем рассмотрении, как мы уже упоминали при анализе законов о евреях, за этими видимыми успехами проступали сплошная непродуманность и суета, причем очередной поворот то и дело меняющейся обстановки зависел лишь от того, кто на сей раз одержал верх – рутинеры или маньяки. Вот и выходило, что после удачно разыгранных политических шахматных партий, безо всякого перехода, вдруг делались самые роковые, самые безответственные шаги; таковыми были нападение на Югославию [22] и необдуманное, нелепое вступление страны в войну в самом ее начале, или же позднейшая попытка разрыва с немцами 19 марта 1944 года, вслед за которой правительство терпит крах, а регент покоряется воле Германии.

В этом отношении самая тяжкая вина лежит на бывшем регенте и правительстве Каллаи, пытавшихся отдалиться от немцев, но не взвесивших до конца возможных последствий такой политики. До какой степени эта политика сама не ведала, что творит, выяснилось, когда 19 марта 1944 года было воспринято ею как катастрофа, между тем по всякому мало-мальски трезвому размышлению этот день мог бы обернуться успехом и торжеством политики Каллаи, ведь он же на блюдечке с голубой камочкой поднес ему небывалый шанс [23] выхода из войны и конфронтации: тут уж даже консервативное общественное мнение можно было бы почти целиком повернуть против немцев! Вместо этого правительство, не пикнув, подает в отставку, регент назначает угодный немцам кабинет, после чего регент и немцы, венгерская

армия и нилашисты, которые еще каких-то три дня назад были едва ли не на ножах, внезапно и все вместе вдруг начинают делать вид, будто роковой поворот можно считать небольшим инцидентом, смертельное оскорбление – мелким недоразумением, крайнюю опасность – обнадеживающим партнерством, а готовящиеся массовые убийства – национальным благом. Здесь политическое оболванивание страны, потеря элементарных ориентиров достигают своего апогея – шаг этот убил самоуважение венгерской армии, с ним потеряла всяческий смысл, более того, обернулась во зло каждая из уступок, на которые правительства Телеки и Каллаи шли ради того, чтобы выиграть время, и антиеврейские законы в том числе, и, наконец, этот шаг сохранил для официального общественного мнения и всего чиновного состава иллюзию перманентной законности, побудив функционировавший без единой паузы административный аппарат оказывать всяческое содействие правительственным мероприятиям, между тем как в этот период войны уже не только активное сопротивление, но даже заурядная нерадивость или саботаж со стороны администрации могли бы доставить оккупантам и их марионеточному правительству немало хлопот.

Итак, начав с мнимого врачевания подлинных и несомненных национальных обид и само не замечая собственных зигзагов, венгерское общественное мнение не протрезвело и тогда, когда осталось в последних союзниках самого преступного, самого безумного и жестокого в мире разбойничьего государства. А как и когда случилось, что политика национальной сатисфакции и экономического сдерживания евреев превратилась в обыкновенный авантюризм и истребление людей, для публики не особо разборчивой прошло незамеченным. Еще стояла нетронутой крупная еврейская собствен-

ность, еще заметно было немало следов еврейского достатка, но уже не один «небольшой» кровавый погром отягощал совесть правительства, но на железной дороге, на улицах евреи были уже беззащитны перед любыми возможными издевательствами. И никто не объявил во всеуслышанье, что от поглощения венгерского островка сравнительной – да, да, сравнительной! – безопасности гитлеровскую истребительную машину удерживает всего лишь эквилибристика ловчицы мошенника на острие бритвы. Вот как могло случиться, что когда государственная власть приняла к сведению немецкую оккупацию, ступив тем самым подлинную сущность перемены, столь многие даже не взяли в толк, что из рук ограниченных, реакционных, но более или менее блюдущих собственные правила и формы господ власть теперь уже бесповоротно ушла в руки безумцев и мерзавцев, как не взяли в толк и того, что вот-вот уже должно было начаться с евреями. Что издевательства внезапно умножились, видели все, но ведь такое уже случалось и раньше, полагали они, на то и законная власть, чтобы навести порядок. В итоге такого постепенного приучения общество без всякого протеста приняло к сведению вменение желтой звезды, тогда как повсюду, где восприимчивость к унижению человеческого достоинства не атрофировалась, ответом явилось всеобщее нескрываемое возмущение.

Настроения заметно не изменились до тех пор, пока в провинции не началась депортация евреев и пока все не увидели воочию, какими методами она производится. Тут-то уж большинство венгерского населения и в самом деле с изумлением, отвращением и ужасом огляделось вокруг, но оно было уже настолько деморализовано и запугано, да к тому же дезориентировано сохранением видимости законности, что сознательно

организованной помощи не последовало – помогали от случая к случаю, и эсэсовцы с жандармами, разумеется, сделали все, чтобы и от этой малости отбить у людей охоту. И хотя к лету сорок четвертого уже ясно было, что речь давно уже не об ограничении еврейской экономической экспансии и что означает «выселение» евреев, равно как и то, что страна превратилась в союзницу убийц, тем не менее какие бы то ни было проявления мужества и человечности со стороны колеблющихся, оказавшихся между двух огней простых людей были по-прежнему невозможны отчасти из-за их собственных тяжелейших политических предрассудков, отчасти из-за заблуждения, в которое ввело их позорное поведение политического руководства страны. Вследствие всего этого им представлялось, что, несмотря на весь ужас истребления евреев, они с прежней лояльностью должны подчиняться официальному государственному аппарату и, будучи добрыми мадьярами, желать немцам победы, иными словами, они пытались представить себе происходящее так, будто речь шла о «вырождении» в замысле справедливого, имевшего благие намерения и правильно начинавшегося дела. И если они жалели евреев, а тем более, если помогали им, то поступали так вопреки этому своему убеждению, раздираемые противоречиями, колеблясь, испытывая угрызения совести.

Да и не только все венгерское общество, но и сами венгерские евреи стали жертвами поразившего это общество нравственного оптического обмана. Мы немало слышаны о скрывавшихся, о фальшивых бумагах, но взглядевшись повнимательней, куда больше удивляешься тому, как мало людей отважились прятаться и подделывать документы, как даже когда уже не оставалось никаких сомнений по поводу намерений преследователей, они в массе своей все еще продолжали подчиняться

привычным исполнительным органам государственной власти, хотя в неподчинении тогда уже было не слишком много риска. Наблюдающее преследования венгерское общество отмечало – подчас не без злорадства! – бросающуюся в глаза ущербность еврейской солидарности: как вместо совместной защиты многие, причем нередко как раз сами вожаки, выискивали сомнительные пути индивидуальных исключений, едва ли не смирившись с теми преследованиями, которые подпадавших под исключение не касались; как они до последней минуты продолжали мелкие свары, как пустыми капризами ставили в затруднительное положение помогавших им, и прочее. Однако задавшись вопросом, такие ли уж это особые «еврейские» свойства, мы с ужасом обнаруживаем, что речь тут совсем о другом. Какая еще нация с покорностью стада подчинилась ясным как день губительным намерениям и до последнего предпочитала вообразить себя исключением, в то время как на каждый народ Восточной Европы немцы нацепили видимую или невидимую желтую звезду? Где еще во время осады, в подвалах общество явило столь наглядные примеры отсутствия людской солидарности, нежелания помочь или потребительского отношения к помощи, где еще облеченные властью бросали на произвол судьбы вверенных их заботам и верящих им людей? Боюсь, что вместо «еврейских» черт мы скорее вынуждены констатировать чудеса ассимиляции евреев с венгерским обществом, точнее, тот факт, что все слои и группы этого общества равно претерпели *распад* общественной морали, норм, рефлексов!

Только этим объяснимо, почему это общество, узнав – насколько оно вообще узнало – о массовых пытках и убийствах, не почувствовало при этом если уж не вины, тому были разные причины, то хоть угрозы собственной

безопасности. Того, что в германском мире не много надо для того, чтобы с венграми произошли те же вещи, что и с евреями, от этой мысли венгерское общество до последней минуты раздраженно или пренебрежительно отмахивалось как от очевидной несурязицы, не видя в ней ничего, кроме наивных стараний евреев, чувствующих свою погибель и выдающих грозящую им опасность за общую. А ведь мы-то знаем, что как ни уникальны были те истерические ненависть и страх, с которыми гитлеризм относился к евреям, с поляками, например, в особенности с польской интеллигенцией, он обращался немногим лучше. И тому, кто способен был хоть немного прочувствовать мироощущение расовой теории, превосходства германской расы и всего того, что из этого вытекает, не трудно было догадаться, что раз это причитается полякам, то и за венграми дела не станет, а когда – вопрос очередности, не более.

То, что несмотря на все предупреждения эту опасность снова и снова удавалось с успехом умалить в глазах венгерских правящих верхов и интеллигенции, объясняется историческими причинами – со времен Соглашения 1867 года эти слои привыкли к тому, что разногласия в вопросах международного права у венгров возникают большей частью с австрийцами, а немцы в общем и целом, скорее, союзники, к тому же венгры на своей исконной территории призваны взять на себя ту же руководящую роль, испытывать то же чувство ответственности, что немцам, в соответствии с представлениями о великой Германии, предначертаны в мировом масштабе; германо-венгерский союз в обеих мировых войнах лишь укрепил подобные представления. В итоге у солидной части представителей правящего слоя выработался особый рефлекс: стоило им услышать о притязаниях немцев на господство и превосходство над народа-

ми Восточной Европы, первое, что им приходило на ум, было то, что у *них самих* точно такие же притязания на власть и господство в отношении иноплеменных жителей исторической Венгрии, а никак не то, что это означает господство и над *ними самими*. Этот-то глубоко въевшийся в сознание самоубийственный рефлекс и «уберегал» венгерское общество до последней минуты, не дав ему узреть в гибели евреев возможность собственной гибели.

Доводы в оправдание

МЫ ПЕРЕЧИСЛИЛИ от начала до конца, не пропустив ни одного, все важные факты, стремясь найти объяснение даже самым неприглядным из них. Сознательно держались умеренности в формулировках и старались не путать степеней моральной ответственности. Не из желания смягчить или затушевать что бы то ни было, а с тем, чтобы, когда настанет черед, заговорить об ответственности, мы могли исходить исключительно из того, что неопровержимо достоверно, не опасаясь натолкнуться в ответ на солидарную оборону с переходом в наступление, как это обыкновенно случается в результате любого несправедливого или чрезмерного обобщения. Такая предосторожность необходима, ибо заключение о том, что венгерское общество разделяет ответственность за случившееся, от кого бы оно ни исходило – иностранца или венгра, христианина или еврея, – всегда встречает массу возражений и контраргументов.

Первое возражение заключается в том, что миллионами евреев убивали не мы, а немцы, и что было бы чрезмерным чувствовать и брать на себя вину за их злодеяния. Это верно, об этом речь не идет. Можно, прав-

да, спросить, а нет ли и на нас какой-то вины в том, что немцы *пришли* к нам в страну и *как* они пришли. Хотя тут можно подойти и с другой стороны, признав, что вся политика выжидания Телеки-Каллаи с ее антиеврейскими законами с точки зрения спасения евреев *потенциально* могла иметь и положительный исход, а ответственность за то, что попытка 19 марта потерпела крах, оставим на правителях страны. Итак, исключим ответственность за немцев – мы ведь и раньше говорили не об этом – и ограничимся ответственностью за все остальное: за преследования и истребление евреев, проходившее при сознательном участии венгерских гражданских и военных властей, а также за то, как венгерское общество с его различными официальными и общественными органами *смотрело* на преследование, депортацию и убийство евреев.

В качестве последующего возражения мы часто слышим и то, что надо говорить не об этом или не только об этом, а надо говорить о военнопленных, о страданиях, принесенных войной, об интернированных, о произволе, что творился именем демократии; в «лучшем» случае мы слышим, что – принимая все это во внимание – не надо говорить ни о чем, а просто подвести черту и считать, что страдания евреев уже окупились всевозможными страданиями, выпавшими с тех пор на долю неевреев. Какие ошибки и злодеяния были совершены со времени освобождения – вопрос отдельный. Здесь, в этой связи, нам следует, во-первых, очень решительно подчеркнуть, что этим вопросом мы вообще можем заниматься только в отношении *невинно* интернированных и *незаконно* пострадавших, ибо я надеюсь, что страдания, причиненные наказанием настоящих убийц и их подручных, никто, даже те, кто так сочувствует *всем* страждущим, не сочтет страданиями, искупающими ви-

ну за массовые убийства и ужасы сорок четвертого. Во-вторых, следует подчеркнуть, что лишь часть этих страданий можно назвать возмездием, остальное же – это такие события, которые никак не связаны с ответственностью за преследования евреев. И, в-третьих, следует подчеркнуть, что ни плен, ни интернирование, ни полицейский произвол – вещи, и между собой достаточно разнящиеся – несопоставимы, даже если они и стоили человеческих жизней, с тем, что произошло с евреями.

Я говорю это не матерям, не женам, не детям и не близким погибших или искалеченных, ибо я не вправе делать различие между их трауром, их утратами и трауром и утратами еврейских матерей, жен и детей, хотя мы знаем, что, помимо самого факта траура и утраты, их обстоятельства тоже немаловажны, и для евреев они, бесспорно, были ужасней. Но я обращаюсь к тем, кто полагает, что как наблюдатели или даже как невинно угнанные в плен, пострадавшие от произвола они вправе и могут подвести исторический итог и, приравняв друг к другу соответствующие графы, «погасить долги». Произвол, лишения, издевательства, которыми они это аргументируют, принадлежат к той категории человеческих страданий, которые с незапамятных времен в силу суровости исторических обстоятельств, равно как и человеческой подлости, жестокости, самодурства, всегда сопутствовали войнам, плену, массовым судам. У нас есть все основания, чтобы и дальше бороться с подобными вещами, но не будем же терять чувства меры – упоминать любое из них рядом с массовым истреблением евреев – это либо дурной тон, либо заведомая недобросовестность. Не только за столетия христианства и цивилизации, но и за тысячелетия истории человеческой жестокости всегда соблюдалась некая гра-

ница, которую в теории не нарушали почти никогда и на практике тоже не слишком часто и которая предписывала определенное снисхождение, когда речь шла о жизнях стариков, женщин и детей; в массовом истреблении, которому подверглись евреи, в соответствии с расовой теорией и намерениями тех, кто направлял его, старики, женщины и дети были такими же жертвами, как и мужчины.

Причем методы отбора и мучений были таковы, что среди тех, кому все же удалось пережить все это, десятки тысяч душевнобольных в клиническом смысле слова. Среди нас ходят и живут люди, на глазах которых муштровали и избивали их нагую, обриту наголо жену или мать перед тем, как отправить ее на смерть, родители, которые видели, как бросают в огонь их ребенка, как бьют новорожденного о стенку вагона; те, кто до умопомрачения изводит себя мучительными и бесконечно напрасными угрызениями совести за то, что сами отпустили, отправили близких в путь, оказавшийся для них смертным. Рядом с ними чуть ли не жизнерадостными, свободно дышащими людьми выглядят те, у кого близких отняла бомбежка или неожиданная болезнь, и даже тому, кто потерял родных из-за человеческой подлости или жестокости, но гибель их была какой-нибудь привычной, знакомой, все равно хоть немного, да легче, ведь он имеет дело со старым, задушевым другом человека, с отвлеченной и безликой Смертью, а не с теми безумными садистскими картинами искусственно созданного Ужаса, от которых почти нет избавленья. Пусть даже тот, у кого есть веские или не слишком веские причины отгонять от себя мысль о сопричастности к этой вине, представит свою мать, свою жену, своего ребенка на месте тех и ужаснется, и, быть может, потеряет охоту поминать это в один день с самым долголетним пле-

ном, с самой голодной ссылкой, с какими угодно полицейскими несправедливостями. И наконец, в-четвертых, следует подчеркнуть, что даже если бы нам выпало в возмездие пережить то же самое и в полной мере, то у нас была бы всего лишь причина не просить прощения, но не причина отказываться от самоанализа и снимать с себя ответственность.

Приходиться слышать и такое возражение, что венгерское общество в большинстве своем не знало о том, что происходит в лагерях смерти, а даже если до него и доходили кое-какие слухи об этом, то они звучали так невероятно, что им не доверяли. То, что такому нельзя поверить с первого слова, это естественно. Да и не в том суть, поверим ли мы этому с первого слова или будем сомневаться до последнего. Суть в том, что человек со здоровым нравственным чутьем, едва услышав о том, что такое вообще *возможно*, должен был бы невольно содрогнуться и действовать. Мы же начинали не «верить» в лагеря смерти как раз тогда, когда знали уже достаточно о вагонах для депортации, чтобы поверить и в сами лагеря – и не верили мы вовсе не потому, что наперекор всему полагались на человеческое милосердие, а чтобы не оказаться лицом к лицу с собственной ответственностью.

Следующее возражение состоит в том, что беспрерывно и сверх меры говоря о собственной ответственности, мы сыграем на руку таким силам за границей или здесь, у себя дома, которые были и есть ничуть не лучше нас самих, зато извлекут из наших признаний политическую или моральную выгоду для себя, мы же навлечем на себя такие политические, моральные и прочие последствия, которых не заслуживаем. Пора нам, однако, избавиться от привычки вечно коситься на других, прикидывая, что скажут на это евреи, чехи, словаки, загра-

ница, когда мы признаем и берем на себя ответственность, ибо этим мы лишаем собственное признание моральной цельности. Если это наша вина, то и надо смотреть ей в глаза прямо и не увиливать, потому что только так мы сумеем стать взрослой нацией, только так сумеем очистить свою совесть. И мы можем быть уверены, что в конечном итоге уважение мира к нам или сравнение между нами и кем бы то ни было будет зависеть не от того, что мы признали, от чего открестились, а что объяснили, а от того, сколь серьезно и решительно мы определили собственную ответственность, ибо только от такой страны можно ожидать, что в следующий раз она поведет себя иначе, более достойно.

Еще мы имеем обыкновение смягчать собственную вину, утверждая, что очагами позорного поведения были прежде всего венгерские правящие слои, средний класс, интеллигенция, тогда как простые люди, пролетариат, крестьянство с осуждением отстранились от всего этого. В ходу также и менее афишируемое, но весьма распространенное среди интеллигенции и среднего класса обратное мнение, согласно которому в стороне оставались как раз образованные, европейские по своему уровню слои, а вот неотесанные аристократы-недоучки, полупролетарии и пролетарии, напротив, находили отраду в издевательствах над евреями и грабеже их добра. Известен и вариант, согласно которому даже венгерские участники безобразий были большей частью немцами по крови, как в правящих слоях, так и в народе.

Что касается первого упомянутого положения, то признание преимущественной ответственности за правящими слоями и интеллигенцией вполне уместно, если мы говорим о ней постольку поскольку на то они и руководители, на то и интеллигенты, чтобы быть в от-

вете не только за себя, но и за других, за свое влияние на других, за дурной пример или за отсутствие примера, достойного подражания. В самом деле, по какому праву правящие правила, если они не желают нести даже моральной и политической ответственности за свое правление, и в момент, когда их призывают к таковой, предпочли бы приравнять себя к кроткому и сирому народу? Но если этим мы хотим сказать, что в преследованиях евреев усердствовали прежде всего господа, а народ сознательно держался в стороне, то мы окажемся жертвами опасного романтического самообмана, особенно опасного, ибо он ведет к иллюзии, будто с тем, что наступил конец миру господ и к власти пришел народ, сама по себе отпала возможность возникновения в будущем ситуаций, в которых народ вновь может оказаться безответственным или безучастным. Одних политических и общественных перемен для этого мало, они могут стать лишь предпосылкой, но и для этого надо коренным образом повзрослеть, и политически, и морально.

Разумеется, не больше истины и в том утверждении, будто во время преследования евреев злобно и бесчеловечно вели себя низшие слои. Верно лишь то, что люди высокого культурного уровня действительно оставались в стороне, к какому бы слою они ни принадлежали, но это настолько само собой разумеется, что об этом и говорить не стоит. Говорить же с особым ударением попросту опасно, ибо давно уже известно, что стоит людям высокой культуры в Венгрии хоть в чем-то хорошо зарекомендовать себя, их заслугами чаще всего тут же спешат воспользоваться господа, которые полагают, что они и культура – одно и то же. Действительность же такова, что если присмотреться к классовому составу участников преследований, то окажется, что правящие слои большей частью были представлены среди них

сельским начальством, привыкшим к вседозволенности, поборам и мордобоею в обращении с мужичьем, но и городское чиновничество, и весь средний класс в целом тоже порой являли такие образчики бесчеловечности и разбойничьих инстинктов, что даже человек, лишенный всяких иллюзий, такого бы о них не подумал. Ну а остальные, то есть те, кто вели себя как подобает культурным людям из высшего, среднего класса или интеллигенции, в большинстве своем были слишком пассивны, чтобы решающим образом повлиять на общий для правящего слоя итог. Что же касается народа, то восприимчивые к фашизму, застрявшие в тупике социального развития мещанские и полупролетарские слои, равно как и лишенный всяческих нравственных тормозов люмпен-пролетариат в охоте на людей и грабежах тоже представили себя соответствующим числом; в оправдание им остается поведение сознательных членов рабочего движения, но они, опять-таки, были лишь частью всего пролетариата. Венгерское крестьянство и в самом деле держалось от всего этого *сравнительно* дальше остальных слоев, проявилось это отчасти в обычной крестьянской отчужденности, отчасти в сочувствии и помощи, однако и тут не сложилось никакой осознанной, общей моральной позиции. Что до роли немецкой крови, то несомненно лишь одно – все те, кто обнаружили ее в себе под влиянием германской расовой теории, ощутили при этом и более явное, чем у среднего венгра, призвание поучаствовать в общем деле, и большую склонность закрывать глаза, лгать самому себе или вгонять себя в раж, если кое-что в этом деле вдруг вызвало в них ужас и отвращение. Однако говорить на основании этого о преимущественном участии и преимущественной ответственности венгров немецкого происхождения – иллюзия и самообман.

*Ответственность
и признание ответственности*

И КАК САМЫЙ последний довод против постановки вопроса о нашей собственной ответственности, можно было бы привести следующее: раз уж так хорошо объяснимы все те политические и общественные аспекты, исторические потрясения, опыт, что обернулся заблуждением, дурные рефлексы, которые предопределили поведение венгерского общества и завели его туда, куда завели, то какой смысл рассуждать об ответственности и о вине там, где на самом деле речь идет о великих процессах истории; их понять надо прежде всего, а не усложнять такими уместными скорее на уроках закона божьего нравственными категориями, как ответственность и вина? Подобный подход к проблеме – не что иное, как превратное толкование самого существа понятий ответственности и вины. Установить вину и ответственность не значит доказать, что преступник действовал не под влиянием присущих ему общественных, групповых, врожденных или привитых воспитанием качеств, а в силу свободного и независимого от всего этого решения совершить злодеяние; и, напротив, сумей он доказать, что всего лишь уступил обстоятельствам, на что у него имелись различные веские причины и серьезные предпосылки, то, стало быть, он не виновен и ответственности не несет. Зло, дрянные поступки и трусость состоят не в некоем свободном и импозантно дьявольском решении, а как раз в том, как мы в своем убожестве помимо осознания и свободной воли совершаем то, и только то, на что побуждают нас наши общественные, групповые и личные качества, воспитание, собственный искаженный и искажающий опыт, вьевшиеся в нас предрассудки, затертые общие места, глупость и

лень, облеченные в формулы. Правда, убеждать такого человека взять ответственность на себя бесполезно, ибо смысл этого словосочетания попросту не дойдет до его сознания. Что, однако, не освобождает его от привлечения к ответственности, то есть от последствий совершенных им поступков. Зрелость и свобода начинаются там, где мы замечаем, что наши целиком предопределенные поступки скверны, и начинаем брать на себя ответственность за них, и действовать по своей воле и ответственно.

По-христиански обо всем этом говорят, что над грешником тяготеет рабство первородного греха, и даже добрые свои поступки он совершает по принуждению закона, и потому грош им цена; человек же свободный, просветленный поступает по своей воле и от души.

О том же самом *по-марксистски* говорят, что поступки человека предопределяются его классовым положением, однако с пониманием классового положения он формирует собственную позицию уже осмысленно, и если классовое положение побуждает его к служению делу исторического развития, то он идет на это сознательно, а если оно же противопоставляет его делу исторического развития, то он поступает вразрез со своим классовым положением.

Вот в таком смысле мы и должны поставить вопрос о своей собственной ответственности, об ответственности своей нации, своего общества.

Если венгры и в самом деле рабская духом, подобная стаду нация, такое общество, которое готово переложить вопрос ответственности на своих хозяев и оккупантов, то тут и впрямь нечего говорить о том, чтобы это общество взяло ответственность на себя, и если мы и поставим вопрос так, оно его отвергнет. Но я не думаю, чтобы сейчас или когда бы то ни было по глубине

падения и угнетенности венгров можно было бы уподобить стаду. И пусть за последние сто лет общество так и не сумело найти верного пути к своему подъему, но ведь оно, ведомое немалым числом лучших своих умов, беспрерывно и воистину осознанно искало его. И как ни огорчало нас ощущение тупика, все крепче и крепче заклинивавшего венгерское политическое и социальное развитие за эту сотню, а в особенности за последние несколько десятков лет, и, наконец, сильнее всего за годы Второй мировой войны, мы снова и снова ждали и надеялись, что в конце концов все-таки произойдет нечто такое, что пробудит к жизни то лучшее, что, как казалось нам, еще не погибло окончательно. Правда, та степень безответственности, неспособности оценить обстановку и с достоинством выстоять, которую проявила страна в сорок четвертом году, превзошла даже самые мрачные из наших ожиданий. Но если, тем не менее, мы с большими или меньшими основаниями смели надеяться на лучшее, подобное тому лучшему, что на деле проявили другие нации, на первый взгляд не лучшие нас самих, и если с тех пор и в мадьярстве снова повеяло надеждой, значит, все же есть смысл говорить о нашей ответственности и надеяться, что в этой стране такие слова прозвучат не совсем впустую.

Нельзя, однако, утверждать, будто сегодня взять на себя ответственность от имени всей нации, всего общества легко и просто и что успех обеспечен. Если бы это было так, то это бы уже давно произошло, между тем нам известно, что все такие попытки закончились неудачей. Мы уже упоминали, какое раздражение навлекли на себя те, кто от своего имени и от имени венгерского народа попросили у евреев *прощения*. Что ж, извинение, пожалуй, действительно не самая удачная форма, ибо, будучи обращенным к другому человеку или

людям, для просящего оно всегда таит в себе опасность переигранного самоуничтожения, а тому, к кому обращено, подает повод для выпяченных жестов морального превосходства или милостивого снисхождения. Но общество, в котором сильно чувство ответственности, не споткнулось бы на словах или форме, а, поправив их надлежащим образом, перешло бы к сути, нашло бы, как установить свою ответственность, взять ее на себя и понести. Но у нас все вышло иначе; последовал весьма раздраженный протест, и сколько еще понадобится усилий, прежде чем наше общество сумеет отказаться от доводов или лжедоводов самооправдания. И стало быть, тот, кто снова попытается высказать что-либо дельное и правдивое от имени венгерского народа, венгерского общества, вновь натолкнется на раздраженный вопрос о том, кто его об этом просил.

В таком положении остается лишь одно – установить и взять на себя приходящуюся на нас самих, нашу личную долю общей вины. Установить, например, какой ничтожной и жалкой была вся та помощь, которую по велению ли совести, по просьбе ли оказывал или пытался оказать автор этих строк, сколь далека была эта помощь от того, что было нужно и можно, как тяготели над ней многочисленные пустые предосторожности и душевный комфорт, как при всей доброй воле и усердии недоставало ему готовности полностью взвалить на себя заботу о спасении того или иного обратившегося за помощью, а что случилось и рисковать – так насколько это было скорее волей обстоятельств, чем вызовом им! И такой итог должен подвести для себя самого каждый из нас, и вовсе не с тем, чтобы заслугами и оправданиями уравновесить вину и промахи, а просто чтобы знать обо всем, за что *в ответе* сам, к чему сопричастен. Тогда, быть может, со временем и сложится более чистый и

мужественный, не боящийся взглянуть в лицо ответственности общий национальный итог.

Если бы все, о чем мы говорили до сих пор, было сказано нами в момент освобождения, то на этом можно было бы и остановиться. Мы бы не охватили этим всей проблемы, но сказали бы то, что после сорок четвертого года было самым важным. Между тем прошло три года и вырос новый – или ожил старый – антисемитизм, и как мы убедились, когда заходит речь об ответственности за массовое истребление евреев, в ответ чаще всего раздается вопрос – а почему мы не говорим и о тех страданиях, которые выпали с тех пор неевреям? Таким образом сегодня уже нельзя избежать разговора о вновь проснувшемся антисемитизме и его причинах. Не потому, что, как мы уже говорили, страдания те и эти сравнимы, измеримы одной мерой, а потому, что если вообще еще возможно достучаться до людей сквозь тот панцирь из страданий, обид и нечистой совести, который нарастили они, то только силой полной правды.

II.

ЕВРЕИ И АНТИСЕМИТЫ

НО ЕСЛИ УЖ мы заводим разговор о выросшем в наши дни антисемитизме, то ограничиваться одними лишь венгерскими обстоятельствами и событиями уже нельзя, здесь нам придется сначала задаться вопросом о происхождении и причинах антисемитизма как такового, во всей его широте, заодно с вопросом о тех общественных и психологических условиях, которые определяют положение европейского еврейства в окружающем его мире. Мы не ставим перед собой цели проанализировать все религиозные, психологические и экономические аспекты антисемитизма, ибо о них можно было бы говорить до бесконечности. Антисемитизм интересует нас главным образом как патологическое общественное явление, особенно в той его форме, которая в последнее время обретает в Восточной Европе политическое значение. Так что различными религиозными, психологическими и экономическими аспектами мы будем заниматься по преимуществу постольку, поскольку нам придется столкнуться с ними в качестве причин, предпосылок или объяснений означенного патологического явления.

Взгляды на еврейство и антисемитизм

А ЧТО ЭТО, собственно, за общественное образование такое – европейское еврейство? В венгерской общественной жизни вопрос этот десятилетиями уже ставится так: «раса это или вера»? В правомочности такого вопроса сходятся самые ярые антисемиты и живейшим образом заинтересованные в ассимиляции евреи. Ибо антисемит берет и играючи – ибо так оно и есть – доказывает, что значимость еврейства как общности заходит далеко за ту черту, за которую с секуляризацией отодвинулось общественное значение христианских конфессий, из чего и следует вывод о том, что не религия, а раса. Противники расовой теории, напротив, играючи – ибо так оно и есть – доказывают, что «еврейской расы» не существует, и что признаки, известные в качестве еврейских, на самом деле представляют собой часто взаимоисключающие признаки десяти разных типов, и что, стало быть, «не раса, а религия». Таким образом, ложной оказывается сама постановка вопроса. Сионисты – евреи с национальным и политическим самосознанием, полагают, что еврейство не раса, не религия, а нация или национальное меньшинство. Однако справедливо это лишь для евреев с политическим самосознанием: они действительно являются нацией или национальным меньшинством. Все же еврейство в целом не принадлежит к единой нации и не осознает себя единой нацией, не имея ни общего государства, ни общего стремления к созданию такового. Всё, что вправе утверждать сионисты и прочие, что надо бы, хорошо бы, чтобы это было так, что хорошо бы пробудить такие устремления – и не более того. Однако все признаки указывают на то, что немалая часть евреев не желает становиться на этот путь и не встанет на него. Стало быть, вряд ли возможно одним единственным сло-

вом, одной формулой выразить суть сегодняшнего общественного положения еврейства, находящегося на полпути сразу в нескольких направлениях.

И когда в дальнейшем мы будем говорить о *евреях и еврействе*, то это не будет, да и не может означать одного и того же круга одних и тех же людей; всякий раз мы будем иметь в виду какую-то одну, меняющуюся по степени и характеру охвата группу – в зависимости от аспекта, о котором пойдет речь: говоря о еврействе в древности – принадлежавших к ритуальной общине, о еврейской религии – верующих евреев, о еврейской нации или о национальном меньшинстве – тех, в ком сильно национальное самосознание, о душевном складе и поведении евреев – тех, кто еще принадлежит к какой-либо еврейской общности, о реакциях окружения в отношении к евреям – тех, кого окружение причисляет к таковым, о преследованиях – круг, очерченный преследователями. Я не нахожу смысла в употреблении какого-либо иного выражения, кроме слова «еврей» – раньше его избегали, теперь же употребляют все, и евреи, и неевреи; «иудей» сегодня звучит не менее архаично и выпенренно, чем если бы мы поминали своих «соотечественников Моисеева закона».

Если, говоря о сущности еврейства, мы сравниваем лишь несколько мнений, то относительно сущности и причин антисемитизма известно множество самых различных объяснений, даже если ограничиться только теми из них, которые могут всерьез претендовать на объективность и доказуемость. Одно из весьма распространенных объяснений видит корни антисемитизма в том сложившемся по отношению к евреям фанатичном средневековом *предрассудке*, который вменяет евреям в вину распятие Христа, присовокупляя к ней массу прочих суеверных обвинений; таким образом, антисемитизм в его сегодняшней светской форме, по сути, вы-

водится из этого предрассудка, из чего следует, что борьба с антисемитизмом есть не что иное, как борьба с религиозной нетерпимостью и преследованиями, суевериями и невежеством. Это объяснение верно схватывает отправную точку, но не объясняет, как и почему из предрассудка религиозного, каким он был первоначально, антисемитизм превратился в предрассудок людей, для которых религиозные убеждения в этом отношении не играют уже никакой роли. При этом на всем объяснении лежит некий *исторический* отпечаток: однажды где-то и почему-то возник такой-то и такой-то религиозный по своему происхождению предрассудок и начал себе жить, распространяться, сеять заразу, пока, наконец, оторвавшись от своих религиозных корней, не окреп и не превратился в самостоятельный «изм», оставаясь при этом самим собой.

Исторический материализм, напротив, полагает что причины антисемитизма вовсе не идеологические, а экономические и социальные: еврейству, обретшему свободу в процессе эмансипации и вступившему на путь обогащения, с самого начала противостояли враждебные по отношению ко всякой эмансипации феодальные слои, а отчасти и располагающая капиталом зажиточная буржуазия; в дальнейшем и те, и другие пришли к определенному согласию с еврейством, но по мере того как рабочее движение становится смертельной угрозой власти феодалов и капитала, феодальные силы и нееврейский капитал, дабы отвлечь от себя гнев масс, начинают разжигать антиеврейские настроения невежественного мещанства и люмпен-пролетариата и поддерживать всевозможные лжеревolutionные фашистские движения. Так возникает современный антисемитизм, который, естественным образом, прекратит свое существование тогда, когда фашизм и капиталисти-

ческая экономика потерпят крах и жизнь бесклассового общества по-настоящему наладится. Это объяснение вскрывает такие взаимосвязи, которые бесспорно существуют на самом деле *и действительно таковы*; верно и то, что в обществе, построенном на качественном равенстве и равном достоинстве людей, движения, питаемые верой в какую бы то ни было качественную их неравноценность, действительно должны отмереть. И все же это объяснение не объясняет, почему накал страстей определенных общественных масс *можно* отвлечь именно в направлении антисемитизма, почему можно заставить множество людей поверить в столь очевидную, опровержимую простейшими фактами и опытом, противоречащую элементарным интересам чушь, будто фабрикант-еврей и еврей профсоюзный секретарь пребывают в тайном согласии между собой.

Объяснения третьей группы менее исчерпывающи, чем рассмотренные ранее, и исходят из определенных *психологических* реакций. Антисемитизм истолковывается или *завистью*, которую вызывают богатство евреев, их ловкость в обогащении и прочие таланты и успехи, или тем, что уже одно то, что евреи во многих отношениях *другие*, само по себе раздражает окружение, или тем, что натуры грубые и низменные обыкновенно испытывают необходимость кого-либо презирать, преследовать и ненавидеть, для чего и выбирают себе время от времени подходящую для этого группу послабей, держат ее в отчуждении, безо всяких на то оснований обвиняют во всевозможных грехах и, таким образом, дают волю своим гнусным и агрессивным инстинктам. Все это действительно входит в массовую истерию антисемитизма, но никак не объясняет, почему те же страсти в отношении других, не менее слабых и беззащитных, а порой и более беззащитных меньшинств проявляются

далеко не с той силой и почему, например, удастся «перенести» зависть к богатым и удачливым *неевреям* на евреев, и на *бедных и невезучих* евреев в том числе, причем с не меньшим успехом.

Известна аналитическая трактовка Фрейда, согласно которой в основе антисемитизма лежит обвинение евреев в том, что именно они убили Бога, но отрицают грех богоубийства, в отличие от христиан, которые, напротив, приняли его на себя и тем самым очистились; за всем же этим стоит давнее – для человеческой общины древнее, а для отдельного человека детское – чувство вины за отцеубийство или желание смерти отца. Еще Фрейд высказывает предположение о том, что в антисемитизме некоторые молодые и, по существу, языческие народы вымещают на еврействе, породившем христианство, свое раздражение по поводу собственного насильственного крещения. То, что главной отправной точкой в европейском антисемитизме является средневековый постулат о вине за распятие Христа, это верно, но объяснение антисемитизма мезью за насильственное крещение – идея, скорее всего, навеянная одновременной ненавистью нацизма к евреям и к христианству, – звучит уже куда менее убедительно. И что уж во всяком случае сомнительно, так это правомерность *непосредственного* перенесения такого рода психоаналитических терминов, как травма, вытеснение, торможение, чувство вины, комплекс, компенсация, разрядка, катарсис, на явления социального порядка и их взаимозависимости.

Согласно другой аналитической трактовке, попроще, – за антисемитизмом кроется бессознательное чувство вины за совершенные против евреев несправедливости и жестокости, угрызания совести. Такого рода моменты действительно имеют место непосредственно после наиболее крупных актов преследований, вообще же дело

обстоит иначе: те, кому знаком дьявольский образ еврея, живущий в душе антисемитов, знают, что предположение о том, что они, пусть хоть между собой, пусть в глубине души или даже неосознанно подозревают или чувствуют, что несправедливы к евреям, само по себе не выдерживает критики.

И еще одно, не идущее столь глубоко, но весьма распространенное представление, исходящее из того, что любого рода сравнения между разными людьми, любое подчеркивание, выяснение или напоминание каких бы то ни было различий между ними, равно как и обобщения по поводу группы, являющейся предметом подобного сравнения, заведомо таят в себе опасность пренебрежения, презрения, преследований и несправедливых обвинений; и что в истоках антисемитизма тоже лежат такого рода различия и обобщения. Вспомним, сколько едких умозаключений, пародий и юморесок появилось на свет – особенно за пределами Германии – вместе с первыми законами о евреях, как обыгрывалось, что произойдет, если на таких же основаниях начнут отбирать, сгонять в гетто, изолировать брачными запретами и забрасывать обвинениями блондинов, зеленоглазых или кривоногих. Что верно, то верно – рамки и формулы любого презрения, его «логический» каркас всегда выстраивается из подобных сравнений и обобщений. Но то что именно они и являются причинами антисемитизма и подобных ему явлений, звучит убедительно разве что для самих жертв, для тех, кто на себе испытал причитающиеся им якобы последствия несправедливых сравнений и несостоятельных обобщений. На самом же деле люди презирают и преследуют друг друга не потому, что их не научили не сравнивать во вред ближнему и не обобщать неправильно, а как раз наоборот, затем и сравнивают, и обобщают именно так,

а не иначе, чтобы дать выход злобе, порожденной всевозможными обидами и раздражающим опытом; дело в том, что человеку, жаждущему удовлетворения, крайне редко удается получить его от самого обидчика, да и вряд ли он довольствовался бы этим; скорее уж он ищет себе других, чтобы путем отождествления с обидчиком, то есть *обобщения*, выместить на них зло.

Объяснениям, которые видят в антисемитизме некую силу, находящуюся вне евреев, противостоят те, которые объясняют его какой-либо реакцией, вызванной самими евреями. Из этих объяснений я заведомо исключаю *теологическое*, то есть, выпадающее из научного контекста объяснение: корень всех зол, по нему, кроется в том, что евреи отвергли христианство, которое проповедовалось, в первую очередь, среди них и для них. Для общественной науки из всего этого действительно лишь одно – прими евреи христианство и растворись они в христианском мире в раннем средневековье – и никакие якобы присущие им расовые особенности не помешали бы кануть в небытие всем связанным с ними вопросам. Ну а взвешивать, пользой или потерей обернулось бы это для мира и для них самих в подобной охватывающей тысячелетия перспективе, – занятие иллюзорное и антиисторичное.

Объяснение, согласно которому причина европейского антисемитизма кроется в стремительном и безудержном завоевании экономического пространства и общественной жизни выходцами из замкнутой религиозной общины, ассимилирующими и ассимилированными евреями, и в реакции окружения на это явление, заостряет внимание на одном-единственном конкретном *социальном* процессе. Здесь верно то, что современный антисемитизм не просто прямой исторический потомок средневекового антисемитизма с его религи-

озной окраской, и что он действительно питается новыми, современными импульсами, которые действительно связаны с появлением в обществе и в различных профессиях выходящего из своих замкнутых общностей эмансипированного еврейства. Однако сам по себе факт экспансии исчерпывающего объяснения не дает, ибо новое время эмансипировало не одних евреев, а эмансипировало буржуа, крепостных, рабочих, женщин, и их эмансипация тоже была сопряжена с экспансией, и тоже вызвала к жизни противоречия, причем, с точки зрения общественного развития, противоречия куда более существенные, однако ни остротой, ни опустошительными, губительными последствиями они не идут ни в какое сравнение с антисемитизмом.

В ходу еще одно объяснение антисемитизма, которое, исходя из проблем *социальной идентичности*, выделяет в качестве одной из главных его причин не вполне искреннюю позицию подчеркнуто *ассимилированного* еврейства: говоря-де о своем слиянии с окружающими их народами и требуя равенства без различий, евреи на деле, судя по их поведению, по-прежнему продолжают сохранять сознание своей особой общности, следовать ее интересам и не признают открыто этой своей, по существу, особой национальной идентичности лишь потому, что это некоторым образом помешало бы им удерживать важные и выигрышные позиции в общенациональной жизни. Рациональное зерно во всех этих рассуждениях есть постольку, поскольку ассимиляция евреев и в самом деле грешит множеством диссонансов, но если это и вызывает у кого-то раздражение, то скорее у интеллектуалов, пекущихся об идеологических, моральных и практических аспектах идентичности и социальной принадлежности, а уж никак не у антисемитски настроенных масс.

И, наконец, повсеместно распространенное, но весьма поверхностное суждение, которое, исходя из социологических, исторических или расовых предпосылок, предполагает существование характерно *еврейских черт*, неких еврейских добродетелей и еврейских пороков, и ищет причины антисемитизма в ответной реакции на них. Говоря об антисемитизме, мы и в самом деле должны задаться вопросом о том, какую роль играют в его возникновении сами евреи. Сомнительно, однако, что при этом мы обнаружим некий неизменный тип, поддающийся попунктной идентификации и проверке серьезными методами, — скорее всего мы столкнемся с более или менее стабильными формами индивидуального и социального поведения, на которые окружение, естественно, реагирует сходными или противоположными ответными формами поведения.

В противовес всем перечисленным объяснениям, каждое из которых исходит из какой-либо одной-единственной схемы и при этом всегда в известной мере предполагает «ответ», нам следует со всей серьезностью наметить себе такой ход поиска, при котором любые возможные точки зрения упорядочатся по признаку важности. Правильный порядок важности я вижу в том, чтобы, охватив историческое формирование еврейства как *общности*, в постигавших его по ходу перемен, рассмотрев условия его соорганизации с другими окружающими его общностями и обществами, во взаимном влиянии всех вытекающих из этого индивидуальных и коллективных форм поведения и их отражения в психологии масс, вписать все это во всеобщие процессы *общественного развития*.

Еврейство в средневековом христианском обществе

Одни ищут причины особого восприятия евреями своего окружения и его многообразных эмоциональных реакций еще в древности, другие – в общественном положении еврейства в Средневековье, третьи – в одних лишь диктуемых современным капитализмом условиях. Ретроспектива в древность в социальном аспекте многого бы нам не дала, ибо лишь начиная со Средневековья в положении еврейства появляется прослеживаемое в непрерывном развитии вплоть до наших дней и поддающееся исследованию социальное измерение. Обращаться же в более давнее прошлое за какими-либо дополнительными деталями имеет смысл лишь тому, кого интересуют не корни известного социального явления, а действительно имеющая место непрерывность еврейской религии и метафизического мышления, а через них – еврейская душа, еврейская судьба, трагизм, призвание, грех или какая-либо иная из вечных еврейских истин. Знаю, что некоторые всю историю еврейства с самого его появления и до наших дней склонны рассматривать как проявление единого содержания еврейской души, некоего сплошного порыва (царство Божье на земле и пр.) И что есть, конечно, антисемиты, докапывающиеся аж до Авраама в поисках прообраза сегодняшнего еврея. Исследующим внутренний мир еврейства, безусловно, следует учитывать определенные коренящиеся в древности моменты, такие, например, как самосознание избранного народа, склонность к умозрительному морализированию и абстракциям и пр. И тем не менее я твердо убежден, что никакие конкретные социальные проблемы этими чертами объяснить нельзя и что положение европейского еврейства по отношению к его окружению в основном сложилось в период Средневековья.

Что до посылки, согласно которой корни антисемитизма следует искать исключительно в преобразованиях Новейшего времени, то она, хотя и оперирует важными и верными социальными категориями, упускает один важный психологический момент – то предопределяющее по своему значению и как источник душевных испытаний еврейства, и как компонент антисемитизма убеждение в нравственной ущербности евреев, которое невозможно объяснить без анализа исторических условий Средневековья.

Сколько сложно «подогнать» сегодняшнее еврейство под какой-либо из привычных в наше время европейских типов социальных образований, столь же просто определить положение еврейской общины в Средние века. Со времен утраты родоплеменного государства и рассеяния еврейство всегда было *ритуальной общиной* с племенными, национальными реминисценциями. Будучи намного важнее любых национальных или расовых разграничений, организуя и связывая куда больше сторон и проявлений человеческой жизни, мира человеческих эмоций, воли, общественной солидарности, чем государство, долгое время означавшее лишь властную структуру, такие ритуальные общины повсюду в средневековой Европе играли первостепенную роль, а весь Ближний Восток от Марокко до Индии отчасти и до сих пор еще живет такими общинами. Ритуал тут означает не вероисповедание, не конфессию в их сегодняшнем европейском понимании, а общность, которая помимо веры и религиозных убеждений целиком и полностью определяет общественный и индивидуальный образ жизни человека, его групповую мораль, повседневные обычаи, или, выражаясь сегодняшним языком, весь *этнос* в целом.

С началом новой, а на Ближнем Востоке лишь с началом новейшей истории, эти общины постепенно утра-

чивают свое значение, уступая место национальным обществам в их европейском понимании, то есть обществам, которые формируют свои структуры вокруг центральной идеи основания или сохранения государства, постепенно перетягивающей на свою сторону коллективные эмоции и солидарность масс. Однако при формировании этих наций ритуальным обществам нередко принадлежала и по сей день принадлежит решающая роль, в особенности на Ближнем Востоке, да и на Балканах тоже, причем настолько решающая, что из-за ритуальной общности или ритуальных различий возникают или, наоборот, распадаются целые государства: так в течение долгого времени национальное самосознание балканских народов жило в церковных организациях, так уже в наши дни исламский Пакистан отделился от индуистской Индии, а христианский Ливан от мусульманской Сирии, так сегодня национальное самосознание во многих арабских государствах переплетается с мусульманским самосознанием, так параллельны между собой арабско-еврейские национальные противоречия и религиозные различия.

Первоначально и еврейство было одной из таких ближневосточных ритуальных общин, и как таковое жило в рассеянии от Англии до Персии и от Марокко до Сибири, окруженное двумя великими цивилизациями — христианской и мусульманской, вклинившись, подобно инородному телу, в их социальные структуры. Необычность положения еврейства в этом окружении заключалась в том, что было оно не какой-то примитивной ритуальной общиной — иначе оно вряд ли сохранилось бы, — а общностью, основанной на развитом, утонченном религиозном мировоззрении, которое и христианская, и мусульманская религия признают в качестве своего первоисточника и основы.

И тут пути еврейства, попавшего в христианское и мусульманское окружение, расходятся. Мусульманская цивилизация от своих истоков до новейшего времени воплощалась в весьма простых по своей структуре государственных и социальных организациях воинов и завоевателей – организациях, которые, несмотря на весь присущий исламу пыл обращения, определяли жизнь подвластных им замкнутых ритуальных общин путем простых и жестких условий подчинения и податей. В таких условиях еврейство жило не всегда приятной, но вполне обыденной жизнью замкнутых ритуальных общин – порой сносило от окружающего мира притеснения, гонения или несправедливости, но, в основном, ладило с ним в узко ограниченном, но имеющем свои правила, привычном человеческом общении. Поэтому евреям среди мусульман жилось не хуже, чем парсам, несторианам, коптам или православным, более того, культурное сближение между евреями и мусульманами было сравнительно тесным. Антиеврейские настроения в их европейском понимании – явление в этих краях новое, и связано оно с миграцией евреев в Палестину и их стремлением основать государство.

Средневековые антиеврейские предрассудки

НА ТЕРРИТОРИИ христианской цивилизации, напротив, положение еврейства было одновременно и тяжелее, и сложнее – с одной стороны, из-за связанных с еврейством религиозных представлений, с другой – из-за особенностей средневекового общественного уклада.

Частью массового религиозного сознания средневекового христианского мира было положение о том, что, выражаясь коротко и ясно, «евреи распяли на кресте»

Спасителя христиан. Лишь уяснив это в качестве отправной точки, можно представить себе, какова была общественно-психологическая обстановка, определявшая положение средневекового еврейства и средневековый антисемитизм их христианского окружения.

Тут нам придется остановиться. В последнее время, когда столь жгуче актуальным становится опровержение любых мнений и взглядов, могущих послужить источником антисемитизма, часто указывают на то, что обвинение евреев в распятии Христа отнюдь не принадлежит к положениям теологии. Первым делом подчеркнем, что хотя, говоря об этом положении, мы действительно находимся у исторических истоков антисемитизма, тем не менее нет ни малейшей вероятности, что его опровержение способно хоть сколь-нибудь повлиять на сохранение или распространение антисемитизма сегодня. Затем – как явный признак ухудшения обстановки – подчеркнем тот факт, что спустя десятилетия после оптимистического периода ассимиляции, когда никому бы и в голову не взбрело, что положение евреев может зависеть от теологических взглядов, вдруг даже публицистам, стоящим в стороне от церкви, представляется нужным и важным выяснить позицию церкви по поводу распятия Христа. Церковь может с удовлетворением истолковать этот интерес как выдвижение на первый план правильных теологических аспектов вопроса. На самом же деле теологическая постановка вопроса приобрела актуальность вовсе не потому, что так сильно возрос интерес к самой теологии, а просто потому, что освобождение евреев, да и эмансипация человека вообще, для Центральной Европы оказалось делом весьма нелегким, и временами казалось, что хорошо было бы сохранить и укрепить хотя бы те, пусть непритязательные, пусть менее универсальные, но зато более надежные га-

рантии смягчения нравов и уважения человеческого достоинства, которые были выработаны в средневековом обществе в рамках теологических категорий. После этих предварительных замечаний мы и в самом деле можем заключить, что положение о том, что евреи распяли Христа, так прямо в теологии не фигурирует, ведь, с другой стороны, и сам Иисус Христос, и все его апостолы, и первые его ученики тоже были евреями. Теологически вина за распятие Христа, помимо непосредственно совершивших его, в силу первородного греха лежит на всех людях поровну; теологический упрек евреям заключается не в том, что они распяли Христа, а в том, что они не признали Евангелия, хотя он проповедовал его прежде всего для них, а в нем самом не признали Мессии.

Вот как осознавали это средневековые теологи и схоласты, и потому они не упрекали евреев в смерти Христа и не проповедовали отмщения, а предписывали лишь с усердием обращать тех, кого можно обратить и держаться подальше от тех, кто обращения не приемлет, строго надзирая за ними, жестко ограничивая их возможности в обществе и поводы к общению с ними. Что, однако, и в Средние века ничуть не мешало ни церковнослужителям, ни светской публике всячески поддерживать – в вульгарной форме, на уровне эмоций – и саму идею вины евреев в распятии Христа. Тут мы не вправе забывать и о неумном, подогреваемом страстями дотошном средневековом интересе к подробностям Христовых страданий, перед которым, естественно, не могла остаться втайне и роль совершивших распятие. И в этой истории Христос и его ученики со всей неизбежностью представляли преследуемыми христианами, а его убийцы – евреями, каким бы анахронизмом это ни звучало, сколь бы ни были все они евреями на самом деле.

Таким предстает нам средневековый антисемитизм, характерный тем, что обычную в отношении замкнутой этнической и ритуальной общины неприязнь по особым религиозным мотивам распалая еще и церковь, доводя до настоящей истерии представление, будто речь шла об общине убийц основателя христианской веры, сына Божия. Вдобавок ко всему речь шла о поклонниках веры, у которой одни и те же постулаты, одни и те же священные книги и пророки, что и у христиан. Всего этого было вполне достаточно, чтобы культовые отправления евреев в глазах средневекового окружения выглядели не просто чуждыми, языческими и идолопоклонническими, а прямо-таки кощунственными – отсюда, а также из обвинения в распятии Христа, и берут начало многочисленные средневековые выдумки об ужасах еврейских ритуалов.

Вторым определяющим положение еврейства моментом было само общественное устройство средневековой христианской цивилизации. Средневековое общество, особенно в Западной Европе, зиждилось не на простых отношениях господства и подчинения, а на пронизывающей всё сверху донизу, вплоть до занятий самых скромных и едва затрагивающих обладателей власти, освященной религиозно системе иерархии, рангов, служения, солидарности, наследования с традиционными жизненными укладами и гарантиями, системе, скрупулезно отлаженной во всех своих практических и моральных аспектах, что для живущих внутри нее означало чаще всего жестко ограниченные, но – там, где вся система работала хорошо – сравнительно человеческие и надежные условия существования; вместе с тем эта система предполагала и подробные донельзя, заведомо predeterminedенные и расписанные качественные различия между людьми и моральные аспекты этих различий. Столь сильное проник-

новение моральных категорий в мельчайшие поры жизни во многом укротило и очеловечило грубые властные отношения, но оно же упрочило и закрепило их. В результате те, кто располагались в самом низу системы, а в особенности группы, оказавшиеся за ее пределами, помимо обычного гнета испытывали на себе еще и непомерное психологическое давление – достаточно вспомнить хотя бы о рабском смирении, которое и поныне чуть ли не в крови у разного служилого люда Европы! Как бы то ни было, уклад этот, в сравнении со всеми предыдущими, каждому хоть что-нибудь да давал, и было лишь два сорта людей, которым не выпало в нем ничего, кроме притеснений и страшной тяжести морального осуждения, – Еврей и Падшая Женщина. Путь отказа от этого качества через покаяние и обращение был открыт и для них, но останься они при своем – ни какого бы то ни было статуса, ни пощады, ни благословенья ждать им не приходилось; практические категории средневековой морали не делали четких различий между уличной девкой и убийцей-разбойником, между евреем и святотатцем. По природе вещей, разумеется, невозможно было все время обращаться с ними как с таковыми, зато возможность всегда оставалась открытой – обращение всегда могло сделаться и хуже, и строже, и всякое поветрие в области устроения нравов первым делом спешило сделать невыносимой именно их жизнь. Так с тех пор и повелось – и по сей день нет ни одной культуры, где атмосфера вокруг проституции была бы столь отвратительна, как в европейской, и нет меньшинства, которое испытывало бы столь продолжительное социальное и социально-психологическое давление, как евреи.

Совокупность религиозных представлений и общественного уклада и определяла условия, в которых еврейство существовало на протяжении долгих столетий

Средневековья и большей части Нового времени: то в территориальной изоляции и обособленности, то с правом передвижения, то окруженное недоброжелательством властей и общества, то в традиционно отлаженном, предсказуемом общении с окружающим миром, под строгим мелочным и дискриминативным юридическим надзором, то стесняемое лишь определенными общественно-правовыми и должностными ограничениями. Во всяком случае варианты обычно оставались в пределах, очерченных официальной позицией церкви и освященных ею социальных институтов. Однако во все времена любая массовая истерия таила в себе опасность обернуться в первую очередь против евреев, и тогда официальная позиция, предписывавшая в отношении к ним соблюдение дистанции и моральное осуждение, тоже проникалась выбросами эмоциональных шлаков, которые несли с собой всевозможные эксцессы, массовые возмущения, экономическая борьба и властные устремления, временами перераставшие во вспышки насилия. Церковь не поощряла подобных крайностей, но время от времени под влиянием массовых настроений, властных интересов, веяний, направленных на строгое соблюдение церковных канонов, и сама ужесточала свои позиции. Самым удручающим примером такого рода явилась роль церкви в насильственном крещении – заодно с мусульманами – испанских евреев с их последующим изгнанием по причине или под предлогом сохранения ими прежних обычаев и тайных религиозных обрядов. Но и здесь побудительные мотивы исчерпываются чисто религиозными предубеждениями, и нет таких сил, которые могли бы оторвать антисемитизм от его религиозных корней.

В этом и заключается правота положения о том, что антисемитизм «происходит» от религиозного предрас-

судка. Конечно, безоговорочно вывести одно из другого нельзя, и все же очевидно, что средневековый предрас-судок действительно положил начало антисемитизму и создал условия для него, причем по обе стороны сразу. С одной стороны, он порождает глубокую, в том числе и моральную, изоляцию еврейства в обществе – ибо как раз тогда эта изоляция, помимо ее социальных аспектов, находит резкое выражение еще и в моральных оценках, то есть как раз тогда становится возможным, привычным, обыденным судить о положении евреев и о них самих, априори исходя из их нравственной и человеческой неполноценности. С другой стороны, под давлением всего этого у евреев складываются те формы поведения, которые окружение впоследствии будет рассматривать как еврейские «черты» и которые сохранят свою роль в эмоциональном материале современного антисемитизма даже тогда, когда сама по себе средне-вековая суеверная неприязнь к евреям почти или полностью утратит свою действенность.

Эмансипация евреев

С НАСТУПЛЕНИЕМ Нового времени положение, занимаемое евреями в христианской европейской культуре, постепенно меняется. Под влиянием проблем, поднятых Реформацией, и как ответная реакция на религиозные войны созревает и формулируется в качестве цели потребность в религиозной терпимости, свободе совести; это сказывается и на положении евреев. Жизненные пространства и отношения средневекового общества, простые, непосредственные, личные, наполняемые содержанием исключительно благодаря скрупулезно пред-писанным воспитанием и обычаями человеческим каче-

ствам, уступают место более крупным формам, более общим отношениям, более рациональным методам, и в определяемом ими общественном и экономическом укладе еврейство тоже исподволь перестает быть синонимом замкнутости, необщения с остальным миром или общения не на равных. Евреям тоже все больше открываются возможности капитализма. И пусть не раз отмечалось, что создание западного капитализма не было ни главной заслугой, ни главной виной евреев, тем не менее даже на Западе, где уже существовал сильный класс нееврейской буржуазии, этот период становится для евреев периодом относительно крупного обогащения, а в Центральной и Восточной Европе обеспечивает ему выдающуюся роль. Основные принципы организации буржуазного общества, означавшие снижение роли феодально-сословного отбора и, напротив, сохранение и даже усиление отбора имущественного, также оказались благоприятными для адаптации еврейства, которое в своем замкнутом обществе жило в сходных, хотя и весьма независимых от европейского буржуазного развития и революций условиях – без военно-аристократического элемента, но при значительной роли имущественного отбора.

Параллельно со всем этим происходит секуляризация общественной мысли, ее освобождение от религиозных категорий, от религиозных в своей основе предрассудков, от церковных авторитетов и их власти. Французская революция декларирует упразднение общественной роли церкви и наследственных привилегий уже политически – происходит секуляризация всей духовной и общественной жизни и программой становится эмансипация всех тех слоев и групп, чье худшее положение было обусловлено укоренившимися представлениями о иерархическом устройстве общества и

качественных различиях между людьми. Эмансипация евреев, освобождение их от любых юридических ограничений и дискриминации также становятся программными требованиями. Процесс секуляризации подточил и еврейскую ритуальную общину: ей пришлось выбирать между добровольным сохранением замкнутого религиозного и этнического существования и отказом от него; к последнему евреев всячески склоняла и интеллигенция Просвещения, сформулировавшая программу эмансипации. Вследствие всего этого даже у верных букве закона евреев-ортодоксов начинают выветриваться те элементы этнической принадлежности, за которыми не стоит явно выраженных требований веры, помимо этого возникает и реформистское течение, сформировавшее такую религиозную организацию и практику, которая отбрасывает все не имеющие прямого отношения к богослужению ритуальные элементы, всевозможные предписания, касающиеся культовых отпращиваний, пищи, одежды, поведения. Граница между евреями и их окружением во многих точках соприкосновения размывается, и – в чем-то сильнее, в чем-то слабее, где-то глубже, а где-то поверхностней – начинается индивидуальная и массовая эмансипация еврейства. Наконец, все более явно проявляются и недавно еще крайне редкие признаки окончательного отхода от общины – евреи принимают христианство, исповедуют европейское свободомыслие или политический атеизм, присоединяются к рабочему движению, различным его направлениям и организациям.

Однако, переставая по мере этих перемен быть общепринятым и реально значимым содержанием общественного мнения в целом, средневековый предрассудок не перестает или по крайней мере не сразу перестает быть содержанием взглядов и эмоционального настроения

множества людей, и эти взгляды и настроения оставались достаточно массовыми, чтобы по-прежнему проявляться в поведении людей. Помимо тех, кто остался верен средневековому антиеврейскому предрассудку по религиозным убеждениям, немало людей все еще продолжали придерживаться в отношениях с евреями сложившихся за время средневековой изоляции норм поведения. Сохранялись готовность относиться к еврею как к человеку морально неполноценному, сознание собственного превосходства и более низкого положения еврея, привычное для многих убеждение, что не пристало, ни к чему, негоже часто и на равных общаться с евреями, заводить с ними дружбу, вступать в браки; сохранилось мнение, что еврейское происхождение, примесь еврейской крови есть недостаток, нечто постыдное или, по крайней мере, нежелательное; осталась, наконец, склонность ощущать некую чуждую атмосферу вокруг евреев, что, с одной стороны, побуждает быть с евреем настороже, опасаясь обмана, нравственной порчи, с другой стороны, подает повод видеть в нём фигуру комическую, насмеяться над ним.

А с другой стороны, еврейство, несмотря на всяческий отсев и более или менее успешную ассимиляцию, по большей части осталось явно выделяющимся, живущим собственной внутренней жизнью сообществом, которое для подавляющего большинства своих членов, в том числе и отказавшихся от наиболее броских ритуальных и этнических черт, продолжает быть постоянной и неизменной средой. Проповедовавшие ассимиляцию интеллигенты, евреи и неевреи, поначалу считали само собой разумеющимся, что выход из замкнутой ритуальной общины равнозначен растворению в окружающей нации, однако более консервативно настроенная или более боевая в своем самосознании часть еврейства с са-

мого начала не приняла этого, сохранив сознание своей особой общности. Эта коллективная обособленность, равно как и не слишком дружелюбное отношение окружения, поколебавшее во многих веру в легкую эмансипацию и ассимиляцию, и дали ростки особого *еврейского национального самосознания*, более того, породили движение за *создание еврейского государства* – сионизм.

Несмотря на все это, с началом эмансипации в Европе антиеврейские предубеждения, как правило, ослабевали, недружелюбие к евреям смягчалось, а еврейство как община эродировало – во многих странах это происходит и теперь. В то же время с середины XIX столетия из разрозненных поступков и суждений, из бесформенных эмоций направленные против эмансипации и ассимиляции евреев тенденции исподволь стали обретать в обществе все более четкие очертания позиции, идеологии, движения, выкристаллизовываясь в *современный антисемитизм*.

Проблема антисемитизма

НАЧИНАЯ с середины XIX века в большинстве европейских стран возникает современный антисемитизм. Антиеврейские взгляды и настроения звучат все громче, их выразители мало-помалу перестают бояться, что их сочтут ретроgrадами и реакционерами, появляется и явно антиеврейская публицистика. Аранжировка и фразеология этого современного антисемитизма отнюдь не однородны. Одно из его течений, очевидно, питается тем самым раздражением, которое понужденная к отступлению средневековая и церковная идеология испытывает в отношении новейших общественных преобразований, секуляризации и пожинаящего их плоды, а отчас-

ти и участвующего в них еврейства; это течение пользуется консервативной фразеологией в церковном стиле средневековья, придерживается установленных церковью различий, принятие крещения уважает и в общем и целом может рассматриваться как прямое продолжение средневекового предрассудка. В то же время наблюдается и другое, по всем признакам более мощное и более характерное течение, которое формулирует свою антиеврейскую направленность, обходясь без всякой религиозной, церковной фразеологии или консервативности, и для объяснения неприязни к евреям приводит такие доводы, которые хотя и звучали уже в Средние века, но лишь в обвинениях религиозного характера или в дополнении к ним: речь идет о еврейской экономической экспансии, о роли и поведении евреев в политике и власти. Появляется и такое направление, которое связывает между собой свойственное средневековому аристократизму презрение к еврейскому происхождению с фразеологией современного национализма и рассуждает об опасности евреев для нации или расы; этому направлению настолько чужды религиозные представления, что его ненависть к евреям нередко простирается аж до ненависти к происходящей от них и «потакающей» евреям-выкрестам христианской религии. Именно эти современные, свободные от религиозных представлений формулировки антисемитизма, обретшие в различных странах Европы политическое измерение, и привели в конце концов, в XX столетии, к самым ужасным в мировой истории преследованиям евреев.

И все-таки каким образом средневековый предрассудок и средневековые преследования превратились в современный предрассудок и современные преследования? Любое серьезное объяснение, если само оно действительно желает быть серьезным объяснением, а

не оброненным походя общим местом или занятой идеей, заостряет внимание на двух решающих моментах: первый – это средневековый *предрассудок*, который, как мы видели, за тысячелетие своего влияния и давления равно глубоко проник в душевный мир христианского общества и еврейства, и в разных формах сохраняется и по сей день; второй – *нарушения в развитии современного общества*, всевозможные его сбои, застойные явления или кризисы, в ходе которых, в чем нам предстоит убедиться, вспышки антисемитизма, активизация сил, заинтересованных в торможении социального развития, социально-политическая дезориентация широких масс всегда сопутствуют друг другу. И действительно, независимо от того, предрассудку ли, общественным ли кризисам придается большее значение, без этих двух факторов серьезное объяснение обойтись не может. Однако даже вместе взятые, они все равно оставляют какую-то смутную неудовлетворенность – слишком уж просто представить все результатом человеческой глупости и подлости, между тем как загадка продолжает оставаться загадкой: что же побуждает людей, когда речь идет о евреях, с легкостью принять на веру такую ложь, в которой они наверняка усомнились бы, будь она порождением других предрассудков, социальных или, скажем, про ведьм, или других интересов, например, направленных против власти или против капитала? Объясненный предрассудком и аномалиями социального развития Антисемит выглядит точно таким же безжизненным пугалом, как Еврей антисемитов; евреям этот персонаж нравится, хотя и оставляет их в полнейшем неведении относительно *человеческих* мотивов превращения человека в антисемита, а антисемитам, причем именно не одичавшим, а тем, кого еще можно переубедить, почти ни о чем не говорит: себя они в нем

не узнают. И тут мы вынуждены констатировать, что если консервативный антиеврейский предрассудок – это предрассудок таких людей, которые почти не имели дела с евреями, общаясь с ними, главным образом, в пределах конвенциональных, феодальных или патриархальных отношений, то носители исполненного страстей современного антисемитизма – это люди, состоявшие с ними в более или менее тесных властных, деловых или духовных контактах, причем никак нельзя утверждать, что всех их без исключения сталкивают с евреями главным образом экономические интересы.

И тут мы подходим к критической точке в объяснении антисемитизма. Ибо всякий, кто хоть немного знаком с антисемитами, знает, что все свои посылки о евреях они, пылая искренней страстью, подкрепляют самым что ни на есть личным опытом, как ни тверди им, что это плоды предрассудков, интересов и туманных идеологий – и впрямь, множество признаков указывает на то, что на деле все обстоит как раз наоборот: именно накал страстей, сообщаемый определенным опытом, и побуждает нас уверовать в бессмысленные предрассудки и туманную идеологию, принимая их за откровение. И даже для людей безразличных или благожелательных к евреям опыт, почерпнутый ими из общения с евреями, настолько реален, что они, хотя сами и не разделяют антисемитизма, целиком и полностью объясняют его себе этим опытом, и им представляется по меньшей мере легкомыслием, когда евреи или другие начинают опровержение антисемитизма с безоговорочного отрицания этого опыта или выдают его за обыкновенный опыт человеческого общения, который *при желании* может почерпнуть кто угодно и где угодно. С другой стороны, тот, кто хоть немного знаком с евреями, знает, что ничто не возмущает их так глубоко и так

искренне, как утверждение о том, что среди вещей, провоцирующих антисемитизм и привлекающих к нему внимание, *решающая* роль может принадлежать их собственному поведению. Ведь их опыт яснее ясного подтверждает, что в отношениях с окружением они представляют сторону, страдающую больше и по праву выступающую в роли истца; в их глазах всякое объяснение антисемитизма неким «противодействием» – прозрачная уловка, и самое большее, о чем они еще соглашались вести разговор, – это то, что поведение некоторых евреев иногда дает повод и возможность ссылаться на них для обоснования и без того существующих и независимых от всего этого предрассудков, интересов, зависти или питаемых туманной мистикой агрессивных устремлений. Поэтому евреи и борцы с антисемитизмом полагают своим долгом всячески опровергать роль вызываемой евреями реакции в возникновении антисемитизма или говорить о ней как о чем-то второстепенном, поскольку поступать иначе, по их мнению, означает лить воду на мельницу антисемитизма. На самом же деле то, что опыт, почерпнутый окружением из общения с евреями, играет в антисемитизме свою роль, – общее место, хорошо известное как евреям, так и неевреям, и те и другие часто констатируют это и в конкретных обстоятельствах принимают в расчет. Когда говорят, что среди причин антисемитизма можно назвать и самих евреев, это не антисемитское высказывание, антисемитское высказывание, это когда говорят, что чувства и действия антисемитов – справедливый и оправданный ответ на опыт общения с евреями, забывая о том, что опыту окружения относительно евреев противостоит, более того, предшествует опыт евреев относительно их окружения.

*Отступление на тему
группового опыта и групповых качеств*

ПЕРВЫЙ ВОПРОС, который следует уяснить, прежде чем мы попытаемся распутать этот клубок, это вопрос об *опыте*. Что это такое – опыт евреев в отношении окружающего мира или опыт антисемитов в отношении евреев? В философии опыт принято упоминать в качестве второго наряду с мышлением источника познания, отмечая при этом, что метод саморазвивающегося и самоповторяющегося в логических пределах мышления, лишь будучи дополненным живым, интуитивным, питаемым впечатлениями методом познания, то есть опытом, может дать нечто достойное именоваться знанием. Что же до нашего случая, то тут речь идет не об опыте, означющем живую связь с реальностью в целом или с неким ее сегментом, а об опыте, круто замешенном на злобе, закрепленном злобой, исполненном обид, застывшем в судорожной неподвижности. Влияние такого рода опыта в сравнении с заурядным полезным практическим опытом с точки зрения познания прямо противоположно, ибо из бесконечного множества возможных впечатлений раскаленное эмоциями внимание выхватывает лишь одно впечатление, или впечатления одного и того же плана, и тем самым этот в высшей степени реальный, но суженный и чрезвычайно интенсивный опыт перекрывает путь дальнейшему восприятию реальности во всей ее полноте.

Однако групповое, социальное значение такой обманчивый опыт обретает не в обособленности разрозненных случаев, а тогда, когда в какой-либо точке социального устройства – а точек таких всегда хватает – в силу некоего заведомо присущего ей противоречия, скрытой лжи или предрассудка сам характер отноше-

ний между людьми вынуждает их многократно и непрерывно черпать друг о друге подобного рода опыт. В эту минуту я не нахожу лучшего примера, чем один в буквальном смысле слова кулинарный, то есть кухонный пример, который, однако, позволит нам достаточно явно почувствовать всю эту социальную ситуацию. Пример заключается в том способе и в том общем положении, которые на полпути от феодальной иерархии к бесклассовому обществу равных – в буржуазном обществе – соотносят между собой *хозяйку и домашнюю прислугу*. Что может быть реальней, чем неоднократно подтвердившийся опыт хозяйки о нерадивости, упрямстве, недостатке усердия, ненадежности прислуги как таковой? Что может быть реальней опыта прислуги о капризах, непредсказуемости, бесчеловечности, холодности, присущих господам вообще? Между тем, как ни реален богатый опыт обеих, ни одной из них не дано постичь другую во всей полноте ее проявлений, коль скоро самим характером связывающих их общественных отношений обе они обречены на типично негативный опыт друг о друге – негативный даже тогда, когда случай сталкивает их с лучшими образчиками противоположного типа. Почему? В силу заведомо ложного и противоречивого характера тех общественных отношений, которые сталкивают их между собой. Отношения эти пребывают в состоянии перехода от патриархального подчинения к беспристрастной системе договорных отношений, так что каждая сторона ждет от другой того, чего в данных условиях получить не может: обеим хочется пользоваться преимуществами патриархальных и договорных отношений сразу. В результате – холод договора там, где интересам отвечали бы скорее доброжелательность и усердие, и, напротив, претензии на понятливую уступчивость и душевность там, где интересы требова-

ли бы неукоснительного соблюдения договора. Естественно, эта обоюдность участия в отношениях, построенных на фальши, и вытекающего из нее негативного опыта означает одинаковую *реальность* и одинаковую ложность обид обеих сторон, но никоим образом не означает равенства самих обид: одинаковая их реальность не помешает нам однажды, при установлении исторической справедливости, решить спор о правде в пользу прислуги. Что, однако, не может нам помешать признать, что общее представление друг о друге хозяек и прислуги основывается не на идеологии, направленной против господ как таковых или против прислуги вообще, а на реальном и обоюдном опыте их социальных отношений. Точно так же мы должны попытаться отыскать те противоречивые и вводящие в заблуждение условия, которые определяют взаимоотношения между еврейством и окружающим их обществом и по сей день вызывают не прерывающийся поток негативного опыта друг о друге.

Другой вопрос, нуждающийся в предварительном уяснении, это вопрос о коллективных особенностях. Я уже говорил о том, что невозможно, всерьез претендуя на объективность, делать обобщенные выводы о натуре, чертах характера какой-либо общности или группы людей, и тем не менее у нее могут быть такие особенности и черты, формы поведения, рефлексы, которые в определенный момент оказываются характерными, отличают ее, делают узнаваемой и побуждают окружение к упрощенным обобщениям. Поскольку речь идет об общности, о группе, то такие выражения, как «типичный», «характерный», значат не более среднестатистической пропорции. То, что англичанин долговяз, курит трубку и хладнокровен, означает не то, что все англичане таковы или даже в большинстве своем таковы, а все-

го лишь то, что среди англичан долгоязыких, курящих трубку и хладнокровных сравнительно больше, чем среди окружающих их других людей. Точно так же обстоит дело с тем типом человеческого поведения, который, говоря о евреях, можно назвать или принято называть типичным – это не формы поведения, присущие всем евреям или большинству евреев, просто у евреев они встречаются чаще, чем у других. Этого вполне достаточно, чтобы окружение сочло их *еврейскими*. При всей их логической неточности, сами по себе подобные утверждения не содержат ничего дурного, ибо человеку вообще свойственно так формулировать и обобщать свой повторяющийся опыт; к беде они приводят тогда, когда в них появляется эмоциональный элемент, когда объявленное характерным и отличительным порываются соединить с чувствами, страстями, требованиями.

*Евреи и окружение друг о друге:
использование социальных возможностей*

ОПЫТ общения евреев и окружающего мира, безусловно, начинается с *опыта евреев*, ибо условия, в которых евреи прожили тысячелетие Средневековья, безусловно, были предрешены окружающим обществом и теми кто правил им, их политикой, их идеологией. Что же было в этих условиях главным для евреев в их опыте жизни в окружающем их мире, что было для них самым привычным в нем?

Первейшим и определяющим в этом опыте было то, что общество, производство, подавляющее большинство обычных ремесел и возможностей заработка, доступ в столь влиятельные в те времена цеха, вотчины, земельные общины, производственные, распределитель-

ные, культурные, религиозные институты были для них закрыты, причем не из-за одних лишь ритуальных и этнических различий, а вдобавок ко всему из-за того морального осуждения, которое питало к ним окружение. Это привело к тому, что экономически и экзистенциально евреи оказались на обочине, на самой грани человеческих возможностей – открытыми для них оставались лишь те источники существования, которые окружающее общество либо уступало им, либо по каким-либо причинам отвергало или не замечало. Если бы этническая особость евреев сводилась к тому же, что и у цыган, может, и они занялись бы чем-либо вроде музыки, гадания или выделки саманного кирпича – есть ведь похожие занятия и у евреев. Однако, обладая куда более развитой этической и интеллектуальной культурой, еврейство приняло свое отторжение на обочину человеческих возможностей как нравственную и интеллектуальную задачу. Так складывалась и стала сравнительно типичной среди евреев та форма поведения, при которой входит в привычку, становится чуть ли не социальным и нравственным долгом быть наготове, быстро и рационально приноравливаться к обстоятельствам, «не упускать» открывшейся или подмеченной возможности, сознательно ценить всякую рациональную форму человеческих возможностей, а в особенности самую рациональную из них – деньги, и умело обращаться с ними. Что, разумеется, отнюдь не какое-то особое еврейское изобретение, а всего лишь один из возможных способов, и притом весьма распространенный, обращения с доступными нам средствами, которому противостоит другой возможный способ – традиционного, привычного обращения с ними, когда люди строят свое благосостояние на привычных источниках, приемах и формах и, как правило, неохотно пользуются случаем, подвора-

чивающимся дополнительно, если вообще склонны замечать его. Действительность всегда располагается где-то между этими двумя крайностями, ибо не бывает ни лишенного всякого смысла почитания традиций, ни свободного от всякого опыта рационализма, и различные формы поведения отличаются лишь степенью близости к той или другой крайности или принципами их комбинации. Для средневекового европейского общества особенно характерны строго следующие обычаю и традиции, передающиеся по наследству порядок и обращение с доступными человеку средствами существования, положением, приемами, иными словами, такая структура общества, которая решительно противится всякой голой целесообразности и выискиванию средств, не связанных напрямую с личными качествами. Между тем одна из характернейших черт Нового времени как раз в том и состоит, что капитализм и зарождающееся банковское дело исподволь превращают рациональное обращение с возможностями в норму общественно-экономической жизни. Всё это разворачивается в сфере классического капитализма совершенно независимо от евреев, доказывая, что речь здесь не о некоей черте еврейского характера, а об общественном навыке, который может проявиться и в совершенно иных обстоятельствах. Но, определяя капитализм как главнейший из принципов организации общества в новейшей истории, не следует забывать, что таким организационным принципом, основательно пронизывающим все общество, капитализм стал, скорее, в Америке, в Европе же широкие слои общества, и прежде всего чиновничество, мелкие и средние ремесленники, более того, отчасти даже мелкие и средние торговцы, а также малоземельное крестьянство в своем образе жизни приспособились к нему лишь в том смысле, что приняли к сведению

его условия, подключились к определенным возможностям оборота, стали пользоваться *благами* современного массового производства, что же касается образа существования, то тут они продолжали сохранять и развивать те формы, что сложились еще до капитализма. В такой обстановке свойство капитализма воспринимать более рациональное обращение с экономическими возможностями как «естественное» поставило евреев, для которых оно было привычным и независимо от капитализма, в более выгодное положение по сравнению с предшествующим феодальным укладом. Этим и объясняется тот поразительный факт, что как в Западной, так и в Восточной Европе люди, едва вышедшие из полной изоляции по сути дела ближневосточной еврейской ритуальной общины, из самого что ни на есть Средневековья, с такой беспримечательной быстротой сумели понять и освоить современные капиталистические методы преуспевания, в то время как для немалой, а кое-где и большей части европейского общества, из которого этот капитализм вырос, основные его принципы продолжали оставаться чуждыми.

Что до средств к существованию и источников доходов, то для евреев перемены в структуре и развитии окружающего их европейского общества обернулись результатами самыми разными, от крайней нужды до небывалого благополучия. Пример нижней границы существования за счет неиспользованных другими возможностями – яркий мазок к гротескной картине нищеты восточноевропейского еврейства! – заработки того еврея из Галиции, что со штопором в руке бродяжничал по ярмаркам страны, откупоривая крестьянам винные бутылки; верхнюю же иллюстрируют хорошо известные примеры внезапного обогащения на финансовых операциях. Которой из крайностей дано воплотиться,

всякий раз зависит от обстоятельств времени и места: сколь прочна приверженность того или иного общества традиционным средствам, где, когда и каким образом можно взять ее приступом или размыть. Общество, замкнувшееся в себе, подобно каменной стене, отторгает любую попытку внедрения рациональных приемов, и притом с особой враждебностью, если она исходит от евреев; там же, где верность традиционным средствам слабее, где есть возможность пробить ее или размыть, там рациональный прием проходит сквозь неподготовленное к нему, но и не оказывающее сопротивления общество, как нож сквозь масло, и успех превосходит всякие ожидания.

В таких условиях и складывался взаимный опыт евреев и их окружения в сфере использования человеческих возможностей. В своем общении с евреями, даже не испытывая к ним особой вражды, окружение подмечало и отмечало, как они обнаруживают источники заработка, выбирают место жительства, профессию, усваивают языки, выстраивают образ жизни, как приноравливаются, когда условия жизни оборачиваются к лучшему или к худшему, как пользуются случаем, конъюнктурой, как умеют рациональней других оценить возможности, а рационально оценив их и сочтя какую-либо наилучшей, не упускать ее, а реализовать, не слишком при этом заботясь, насколько привычно или непривычно для них самих или для окружения то, чего они добиваются в данный момент. Такой подход к достижению цели представляется евреям настолько само собой разумеющимся, разумным и единственно приемлемым, что реже всего они склонны замечать, что применительно к конкретному человеку или к евреям в целом это бросается в глаза, причем бросается в глаза именно как *характерный* подход. Скорее их изумляет, как ведут себя окру-

жающие – как сравнительно много среди них тех, чьи поступки лишены всякой целесообразности, тех, кто не замечает представившегося случая или упускает его, кто никак не возьмется за что-то, хотя явно осознает, что стоило бы, кто не соотносит своего образа жизни с прибавившимися или убавившимися возможностями, а продолжает делать то же самое, жить так же и на те же средства, сообразно привычкам, предрассудкам, положению в обществе, потребностям, которые скромней возможностей, или спеси, их превосходящей; приводить же все это в соответствие берется не тогда, когда понимает, что необходимо, а когда жизнь заставит; и действует энергичней не когда подворачивается новая возможность, а когда этого требует привычный или желаемый уровень или образ жизни.

Все это может очень долгое время тлеть в форме слабо выраженных предрассудков и вовсе не обязательно приводит к взрыву страстей или конфликтам. Окружение где с определенным признанием, где с легким презрением, где с некоторой завистью, а где и с явной враждебностью выражает свой главный опыт, заключающийся в том, что еврей рациональнее других: говорят то просто об оборотистости еврея, то, менее дружелюбно, о том, что еврей из всего способен и из всего хочет что-нибудь да выжать для себя; то, еще менее дружелюбно, что еврей алчен, еврей – мошенник. И, напротив, главный опыт евреев сводится к тому, что окружение их в подавляющем своем большинстве народ странно и неразумно косный, или, выражаясь менее дружелюбно, беспомощный, а еще менее дружелюбно – попросту глупый. Самое главное противоречие и взаимное непонимание возникают на почве оценки индивидуальных или групповых деловых и общественных *успехов* евреев. Евреи, основываясь на несомненно реальном опыте,

склонны любой свой успех в окружающем обществе расценивать как победу, одержанную в конечном счете в глухом и враждебном мире, в неравных условиях, победу более глубоких знаний, лучших способностей, дела более справедливого, хотя на самом деле всё это верно лишь отчасти. Между тем окружение, исходя из собственного опыта, склонно полагать, что успехи евреев — это всегда легкие успехи, достигнутые за счет таких возможностей и средств, к которым «порядочные» люди прибегать не «привыкли», что, опять-таки, верно лишь отчасти. Окружение имеет обыкновение расценивать разницу между собственными средствами и средствами евреев как свидетельство собственного *нравственного* превосходства и *нравственной* ущербности евреев, в то время как у евреев та же разница призвана подтверждать их *умственное* превосходство и *умственное* убожество окружения, тогда как дело тут не в нравственных и не в умственных качествах, а в исторически сложившихся социальных навыках.

*Евреи и окружение друг о друге:
отношение к системе общественных ценностей*

ВТОРЫМ моментом еврейского опыта об окружающем мире было то, что он, окружающий мир, обвиняет евреев во всяческих грехах, и, стало быть, выносит им *нравственный* приговор, наказывает их презрением, время от времени принуждая их сносить истерические вспышки и гонения, притом без сколь либо серьезного обоснования этих обвинений.

Исходя из подобного опыта, значительная часть евреев пришла к выводу, что моральные категории окружающего их мира ложны и несправедливы изначально,

что они уже в самой сути своей нацелены на то, чтобы нравственными понятиями и суждениями прикрывать иные намерения и эмоции, в нравственном отношении весьма сомнительные. Здесь и коренится определенная готовность евреев с подозрительностью относиться к нравственным общественным идеалам и суждениям окружающего их мира, в особенности тем суждениям, которые относятся к ним или направлены против них; отсюда же – убежденность, что тот, кому вся эта паутина лжи видна насквозь, у того и рассудок крепче, и нравственность тоньше, и пусть она, нравственность эта, и преисполнена разочарования, зато закалена уроками, и, стало быть, выше нравственности окружающего мира. Ко всему прочему отточенное еврейское религиозно-этическое мышление снабдило эту разочарованную подозрительность и сознательную убежденность необходимым оружием.

Как, однако, соотносятся означенные разочарованность и подозрительность с объективной оценкой морали окружающего мира? В рассуждениях о том, хорошо или плохо функционировала общественная мораль, вопрос о несправедливости, которая начиная со Средних веков творилась с евреями именем веры и нравственности, принадлежит к случаям *пограничным*: несправедливость эта не была неизбежным следствием основных принципов христианского общественного уклада и морали, но не была и возможным результатом искажающих и обращающих во зло любую мораль извечных человеческих качеств – глупости, лицемерия и склонности к насилию, а была следствием, *вытекающим* из уже упомянутых выше дисфункции и однобокости средневековой христианской морали, из присущей ей чрезмерной скрупулезности в определении качественных различий между людьми, из слишком тесного увязывания этих различий

с истинностью веры и особого положения евреев в христианском вероучении. Стоит, однако, помнить, что эти черты христианской морали были в свое время историческим достижением: мораль, соотнесенная с *религиозными постулатами* – явление более высокого порядка, чем мораль, основанная на ворожбе, магических поверьях или соблюдении ритуала, а скрупулезная разработка нравственного значения человеческих качеств подготовила прорыв принципа всеобщего равенства человеческого достоинства, направленного против общества, основанного на господстве и признающего человеческое достоинство лишь за свободным человеком. Таким образом, сколь тесно ни *переплеталось* бы преследование евреев с системой ценностей средневекового христианского общества, одной этой взаимосвязи всё же мало для того, чтобы, исходя из нее, судить о том, верными или ошибочными, благотворными или вредными, достойными сохранения или разрушения были общественные мораль и уклад Европы Средневековья и раннего Возрождения. По-настоящему распад той или иной системы общественной нравственности наступает тогда, когда противоречия и несправедливость обнаруживаются в самих ее основополагающих принципах и в характерных, типичных для нее обстоятельствах; и чтобы суждение об этом могло быть действительно весомым, оно не должно исходить из опыта крайностей; необходимо полностью переосмыслить ее самое, ощутить заново, изнутри, во всех ее противоречиях, несправедливостях и их следствиях.

Итак, у окружающего евреев мира было куда меньше поводов признавать обоснованными и справедливыми критику или отрицание морали и уклада, в которых он существовал и которые долгое время продолжал считать действительными, гармоничными и справедливыми.

Если же подобное суждение исходило от еврея, то неприятие критики подкреплялось еще и неприятием критикующего. Так в окружении складывался опыт, согласно которому среди евреев сравнительно велика доля людей, склонных ставить систему общественных ценностей ни во что, подрывать общественные авторитеты, выискивать и разоблачать низменные интересы и побуждения за освященными и уважаемыми институтами, питая особое пристрастие к тому сорту юмора, когда внезапный оборот-издевка вдруг выставляет в комичном свете какое-либо патетическое общее место. Отсюда, а также и из присущего евреям более рационального подхода к экономическим возможностям, и происходило мнение окружения о том, что среди них сравнительно велика доля людей, ни во что не ставящих правила повседневной коллективной морали, и, стало быть, попросту *нечестных*, и даже считающих, как это озвучивается антиеврейским предрассудком, что надуть христианина для еврея не грех. Вот почему в обществе, где антиеврейские предрассудки «узаконены» еще и официально, слова «христианин», «христианский» в устойчивых словосочетаниях вроде «христианское заведение», «постоялец-христианин», «христианская компания», в контексте противопоставления евреям следует понимать как «солидное», «скромный, корректный», «сдержанная», то есть дающие все основания рассчитывать на «порядочное» поведение означенного.

Таким образом, существенный элемент опыта взаимоотношений евреев и их окружения заключается в наблюдении друг за другом разного рода отклонений, которые каждая из сторон приписывает собственному моральному превосходству и нравственной ущербности другой. Пренебрежительное отношение к моральным

устоям противоположной стороны в вульгарном опыте оборачивается тем, что в представлении евреев христианская мораль на самом деле изобретена для того, чтобы прикрывать собой несправедливость, насилие и разбой, а еврейская мораль в глазах христиан на самом деле служит для оправдания всяческих хитростей и надувательства. Налицо обоюдный оптический обман: быть *лояльным* в отношении привычной, благоприятной для нас и эмоционально близкой морали точно так же не означает нравственного превосходства, как быть *критичным* в отношении морали, враждебной к нам, непривычной или не слишком близкой нашему сердцу.

Такие взаимоотношения между еврейством и окружением были немаловажной составляющей периодически обострявшихся трений еще во времена общественной изоляции, однако по-настоящему они стали ею лишь с эмансипацией еврейства, которая умножила случаи критического выступления евреев против моральных устоев окружающего мира. К тому же сама эмансипация осуществлялась представителями течения европейского общественного развития, направленного против системы ценностей Средневековья; вместе с тем, следует иметь в виду, что господствовавшие в Европе на протяжении столетий христианские общественно-ценностные идеалы стали подвергаться серьезным нападкам независимо от эмансипации евреев. Таким образом, внезапно умножились доказательства того, что общественный уклад, в несогласованности и несправедливости которого евреи давно уже убедились на собственном опыте, и в самом деле таков или, по крайней мере, стал таковым. Так критичность евреев, до сих пор бывшая просто *следствием их положения*, вдруг оказалась еще и *современной*. Сами евреи не вынесли из своей особой среды почти никаких фео-

дальних иерархических уз, зато именно потрясению феодальных устоев оказались обязаны своей эмансипацией; что же до их собственных традиционных привязанностей, то никто не порывал с ними столь радикально, как завязывающее все более тесные контакты со своим окружением, эмансипирующееся еврейство. И напротив, мировоззрение, построенное на неравенстве людей, столь глубоко проникло во все поры окружающего еврейство европейское общество, так пропитало собою сверху донизу всю внутреннюю структуру самых разных его слоев и сословий, в такой степени предопределило все внутренние его соотношения, рефлексы, групповые роли и личные привязанности, что когда это мировоззрение пошатнулось и рухнуло, то для общества это обернулось огромным потрясением; основанные на нем структуры переносят этот процесс самоуничтожения весьма и весьма нелегко, с величайшим раздражением, вечно готовые повернуть все вспять, уступая лишь шаг за шагом, после упорного сопротивления. Итак, стоило тому или иному социальному или моральному институту – давнишнему предмету разочарованной критики евреев – пошатнуться под напором универсальной современной критической мысли, как тут же обострялась и обоюдная критичность противостоящих друг другу еврейства и более консервативной части окружения: евреи видели в произошедшем подтверждение пророческого характера собственной критики и точности своих нравственных оценок; более того – те из них, кто не порвал со своим еврейским самосознанием, формулировали это еще и как призвание и роль всего еврейства *в целом* служить носителем разума, прогресса, современности среди окружения, интеллектуально и нравственно более ленивого и нечуткого. При этом та

половина общества, что противостоит евреям из косности или растерянности перед лицом пошатнувшихся устоев, не желает видеть в их демократизме и прогрессивности ни заслуг, ни примера для подражания; напротив, видимость того, что крушение старого мира принесло евреям больше благ или, по крайней мере, меньше забот, чем сходным с ними по положению неевреям, окружение охотно объясняет тем, что эти перемены происходят, в первую очередь, в интересах евреев и их стараниями, находя в этом очередное поразительное свидетельство небывалой еврейской разрушительности. Причем доказательством тут служит не только роль евреев в популяризации современной общественно-критической мысли и общественных движениях, но еще и то, что даже в вопросах зауряднейших привычек и мод, везде, где надо порвать со старым ради нового, они тоже вечно впереди, чего окружение не спускает им и после того, как само уже давным-давно уступило тому новому, которое поначалу встретило с опаской. Таким образом, в отношениях еврейства и окружения эмансипации сопутствовал дальнейший разрыв в восприятии системы общественных ценностей: если во времена средневековой изоляции расхождения наблюдались лишь в сфере бытовой морали и непосредственного общения, выражаясь во взаимных обвинениях – в насилии с одной и обмане с другой стороны, – то теперь они зашли намного дальше и захватили уже куда более широкое пространство социальной критики и политики.

*Евреи и окружение друг о друге:
обида и поиск удовлетворения*

ТРЕТЬИМ определяющим моментом еврейского опыта явились все те несправедливости, притеснения, унижения, издевательства и прямая угроза жизни, которые еврейству, с презрением оттесненному на задворки бытия, выпало и выпадает сносить, и тень этого презрения на пережитом по меньшей мере столь же невыносима, как сами выпавшие на его долю муки. Множество людей, искренне убежденных, что уж им-то хорошо известно, что такое угнетение, унижения, смертельная опасность, страх, на самом деле понятия не имеют, что это за душевное бремя – быть евреем, что значит на протяжении столетий быть безраздельно предоставленным власти подавляющего большинства, вспышкам его раздражения, извечной заведомой готовности задеть или унижить; и, что еще более поразительно, сколько мелких несправедливостей вынужден безропотно сносить от окружения даже самый невозмутимый из евреев в самых заурядных, далеких от враждебности отношениях и обстоятельствах: ему, мол, не привыкать, и не такое терпел.

Обычной, сравнительно частой реакцией на это становится не что иное, как характерное поведение *правдоискателя*, и без того имеющее довольно сильные традиции в еврейском этическом мышлении. Здесь нас, однако, более всего интересует то обстоятельство, что у всех тех, кто не поднялся выше эгоцентрического восприятия дел мирских и собственного опыта – а таких среди людей, будь то евреи или неевреи, всегда достаточно, – поиски объективной истины легко и просто переходят в поиски субъективного *удовлетворения*, то есть в душевное состояние, когда пережитая обида фиксируется, превращается в скрытую движущую силу пове-

дения и, отделившись от обид и правды других людей, начинает выступать в качестве привилегии и права: удовлетворение становится дороже истины. Мне вовсе ни к чему повторять тут наблюдения современной психологии, которая в значительной части поведенческих стратегий распознает стремление к компенсации перенесенных обид. Помимо вызывающего, агрессивного поведения, сюда можно отнести и множество других компенсаторных форм, служащих удовлетворению, – от эксгибиционизма до сверхчувствительности.

С другой стороны, у окружения евреев тоже скопилось некоторое количество причиненных ими обид. Как бы ни были ограничены, особенно в Средние века, возможности евреев по части нанесения обид членам своего куда более могущественного окружения, полностью исключить их было невозможно, и как бы ни были чрезмерны вновь и вновь предъявляемые евреям обвинения, какими бы белыми нитками ни были шиты описанные в них кошмары, тем не менее в некоторых из них, наиболее правдоподобных и конкретных, невозможно не узнать знакомых нам жестов рационального экономического поведения, разочарованной критики или поиска удовлетворения. Так что и в окружающем евреев обществе можно выделить более или менее многочисленную группу людей, в опыте которых решающую роль играют нанесенные евреями – «этими» евреями – или приписываемые им оскорбления и обиды.

Разумеется, о том, что обиды еврейства и их окружения взаимно уравновешены, то есть *равнозначны*, не может быть и речи. Объективно перенесенные евреями на протяжении всей истории или отдельных ее периодов несправедливости заведомо несоизмеримы с разного рода негативным опытом и обидами их окружения. Однако для тех, кто обитает в замкнутом мире личных

обид, чужие обиды никогда не подлежат учету в их подлинных масштабах и значимости, а имеют значение лишь постольку, поскольку подтверждают и укрепляют или же ослабляют и ставят под сомнение их собственные обиды. К тому же, следует помнить, что для того, кто подвержен предрассудку о еврейской неполноценности, сознает он это или нет, обиды, понесенные от презираемого еврея, оскорбительны тем более, они, можно сказать, зачитываются вдвойне, в то время как обиды самого еврея видятся не столь тяжкими, как более или менее «привычные» еврею. А кроме всего, даже в более снисходительной к евреям части их окружения бытует неосознанное, как правило, подозрение, что еврейские мучения, вернее, жалобы по поводу таковых, в чем-то не вполне достоверны, преувеличены. Связано это с тем, что евреев и их окружение издавна, а отчасти и по сей день, относительно редко связывают узы истинно личного общения, и чаще всего даже в личных контактах и трениях они сталкиваются в первую очередь или исключительно как евреи и неевреи.

Вот почему такое общение, как правило, остается обезличенным, формальным, лишенным человеческого измерения. Вот почему, говоря о взаимных долгах и претензиях в сфере еврейско-христианских отношений, люди склонны, опуская личный момент, рассуждать обо всей противоположной группе как таковой, отыскивая при этом ровно столько обид, сколько требуется, чтобы считать себя свободными от долгов. Отсюда – оттого, что по отношению к самому себе человек в то же самое время рассчитывает на полное и личное погашение долгов и на благодарность – столько всяческой «черной неблагодарности» скапливается на счету евреев и неевреев в критические для их взаимоотношений времена. Говорить о *взаимности* тут можно лишь в том

смысле, что – сообразно разнице в числе понесенных и нанесенных обид – жажда удовлетворения становится характерным мотивом взаимоотношений со стороны *значительной* части еврейства и *определенной* части окружающего его общества.

Так повелось еще со времен средневековой изоляции; правда, с эмансипацией обид поубавилось, но зато взаимная жажда удовлетворения захватила более обширную область отношений. В представлениях еврейства эмансипация означала прежде всего, что более не останется или почти не останется возможности безнаказанно наносить им обиды. Однако на самом деле в той мере, в какой принципиально и юридически изменилось положение евреев в мире, ни самих обид, ни поводов к ним не убавилось, как не слишком прибавилось и чувства защищенности, в особенности в отношении менее прямого, не физического притеснения. В прежнем своем состоянии евреи жили под защитой замкнутого и внутренне автономного сообщества, когда обиды им наносились лишь во времена вылазок во внешний мир или организованных нападений извне. Но вот они покинули распадающуюся общину и, в принципе, могли общаться со своим окружением на равных, на деле же по-прежнему были подвержены угрозе обид, ставших разве что менее предсказуемыми и не связанными со столь однозначными и понятными поводами и мотивами, как в те времена, когда антиеврейский предрассудок был еще узаконен. Причиной нанесения обид могло быть и сохранение старого предрассудка, и основанной на нем готовности к агрессии; и взаимный, описанный нами выше опыт в его абсолютизированных формах; и просто то обстоятельство, что в минуты раздражения, в стычках друг с другом люди часто набрасываются на противника не только как на

конкретную личность, но выделяют при этом еще и какую-то заметную его черту или общий признак: цыгана обзывают цыганом, хромого – хромым, старуху – старухой, еврея – евреем, с добавлением соответствующих темпераменту хулителя эпитетов; не всегда это связано с предрассудком: тот, кто употребляет слово «еврей» в сопровождении малоприятных эпитетов, еще не обязательно антисемит, антисемит – тот, кто само слово «еврей» употребляет как бранное. Однако исторический опыт евреев мешает им ощутить эту границу – любая обида без разбора одинаково напоминает им о прежнем состоянии незащитности перед всеми прежними, потому что их опыт всегда говорил и говорит им о том, что всякая большая беда, всякий кровавый погром всегда начинались со склонения жидов и беспочвенных обобщений и что в них в качестве потенциальной возможности заведомо присутствуют всяческие унижения, гонения и даже убийства. Как ни понятна эта мысль, объективно она являет собой столь же «беспочвенное обобщение», как те, что окружение делает из своего общения с евреями, и как таковое при случае добавляет лишнюю каплю-другую яда, независимо от того, враждебный или дружественный характер носит повод для общения. Поэтому под полной эмансипацией евреи обыкновенно понимают и защиту от любых беспочвенных обобщений и любого рода недружественных упоминаний еврейства, от любого склонения «жидов». Поэтому всех, кто грешит против этого, они склонны клеймить как сообщников всех погромщиков, врагов эмансипации, освобождения, прогресса и человечности, ожидая от всякого порядочного, здравомыслящего человека, чтобы он относился к подобным вещам точно так же, не говоря уже о том, чтобы сам ни в коем случае так не поступал.

Однако подобная установка в таком ее виде ирреальна, неосуществима, ведь речь об обидах, которым везде и повсюду беспрерывно подвергается любая группа, да и сами евреи все время делают такие же обобщения в связи с различными явлениями окружающего мира. Большинство доброжелательно безразличных или явно дружественных по отношению к евреям людей тоже грешит этим, когда высказывается у них за спиной в том смысле, что осведомлено об их еврейском происхождении, упоминает о нем, интересуется им, хранит более или менее достоверный опыт о некоторых евреях или о евреях вообще, подмечает их характерно «еврейские» черты и при этом бессчетно «несправедливо обобщает», а всплыв или повздорив с попавшимся под горячую руку евреем, честит того не просто как индивида, а еще и как еврея. Всего этого из принципа избегает лишь тот, кто постоянно, даже за спиной у евреев, держит в уме требование лояльности, то есть не позволяет себе забывать, что эмоциональные вспышки и обобщения в отношении евреев в совокупности обыкновенно сопряжены с последствиями куда более роковыми, чем сходные эмоциональные вспышки или беспочвенные обобщения по поводу португальцев, горбунов или старух. Для этого, однако, надо быть таким строгим моралистом, каких мало, не говоря уже о том, что даже с самыми строгими моралистами случаются осечки. И когда евреи начинают подозревать или, по какой-нибудь «обмолвке», догадываются, что люди, которые дружески общаются с ними, не поминают при них евреев не из принципа, а лишь из такта, то у них, возникает такое осознанное или неосознанное мерзкое чувство, будто подавляющее большинство окружающих, или, упаси Боже, все до единого за глаза без зазрения совести делают то же самое, и, стало быть, антисемиты. Так у значительной части евреев помимо адекватного отношения к подлинной

враждебности складывается более или менее ирреальное отношение к предположительной враждебности окружающего общества, из-за чего с таким трудом рассеивается напряжение, возникающее из их стремления к удовлетворению, какую бы форму выражения ни находило оно – защитную или агрессивную.

Для окружающего же общества эмансипация означала, что область, где евреи овладевали или могли овладеть позициями и властью, доступ к которым ранее был закрыт для них, стала шире. Тем самым прибавились в числе и поднялись в своем значении случаи, когда можно было понести обиду от еврея – а ведь для людей, живших в мире, унаследовавшем представления о человеческой иерархии, то, что безропотно сносилось от тех, кого привыкли видеть у власти, оборачивалось обидой, которой нет прощенья, позором, которому нет примера, если это исходило от евреев или других, привычно почитавшихся за людей «низшего» сорта, от «эмансипированных».

Все это, разумеется, было лишь временным сбоем, пережитком прежнего положения вещей везде, где эмансипация еврейства в целом протекала как *реальный, поступательный* процесс. Там же, где она оставалась поверхностной и формальной и где позднее антисемитизм вылился в более тяжелые и агрессивные формы, стал даже фактором политики и порой мог провоцировать преследования, каждая новая их волна в очередной раз запускала круговорот обид и поиска удовлетворения, а каждое их прекращение возобновляло прерванный процесс психологической эмансипации. Таким образом вышеописанные явления, которые по природе своей должны были сопутствовать переходу, приобрели такое постоянство, что представляются теперь чуть ли не обязательными атрибутами отношений еврейства и его окружения.

*Евреи и антисемиты:
сопоставление мировоззрений*

ИТАК, мы уяснили себе условия, в которых еврейство и окружение накапливают друг о друге опыт по части использования социальных возможностей, отношения к системе общественных ценностей, а также по части обид и поиска удовлетворения. В силу заведомо ложных и бесчеловечных условий их социальной сопряженности и тем и другим чаще обычного приходится общаться с более сомнительными, менее разборчивыми в отношении коллективной морали индивидами из противоположной группы; эффект усугубляется еще и тем, что взаимный опыт, основанный на реальности, но на реальности частичной, выразим в прямо противоположных обобщениях. Значительную часть окружения характеризуют пренебрежение непривычными экономическими и социальными возможностями, безоговорочная вера в правила морали своего мира и недооценка нравственности евреев; все это со своей стороны расценивается ими как традиционная корректность средств, как лояльность к ценностям общества и сознание своего права судить о евреях; те же черты в глазах евреев выглядят глупой беспомощностью, ханжеской ограниченностью и грубой, завистливой несправедливостью к ним, евреям. На самом же деле свойственные евреям рациональный подход к человеческим и экономическим возможностям, исполненная подозрительности и разочарования критичность и поиски удовлетворения за постоянно терпимую несправедливость обусловлены их социальным и человеческим положением; для живущих в изоляции еврейского опыта эти формы поведения без труда идеализируются в практический склад ума, нравственное превосходство и законные поиски справедливос-

ти, а для немалой части окружения то же самое может убедительно выглядеть алчной эксплуатацией доступных средств, циничным разрушением священных ценностей и мстительной жадной власти. Во времена средневековой изоляции эти противоположные по своему содержанию обобщения самостоятельной значимости не обрели, поскольку были само собой разумеющейся частью содержания средневекового антиеврейского предрассудка и внутреннего самосознания замкнутой ритуальной еврейской общины, соответствуя при этом официальным и реальным отношениям еврейства и его окружения. С эмансипацией и сам опыт, и основанные на нем обобщения лишились своей недвусмысленной идеологической опоры, антиеврейский предрассудок в общественном мнении стал пережитком, между тем как негативный опыт с обеих сторон продолжал накапливаться, более того, как мы уже упоминали, в некотором отношении еще и укрепляясь, и обостряясь. Вследствие этого сложилась ситуация, когда в обществе уже нет всеобщего официально питаемого антиеврейского настроения, зато в нем выделилась особая группа неуравновешенных людей, антисемитов, которые переживают свой опыт, касающийся евреев, с такой остротой и одностороностью, что основанные на нем обобщения целиком и полностью определяют их мировоззрение, делая их неспособными к восприятию реальности во всей ее полноте. Антисемитами не следует считать всех, кто не любит евреев, однако мало относить к ним лишь тех, кто занимается травлей евреев или преследует евреев; антисемитами следует считать тех, у кого сложилось и закрепилось целостное представление о всевозможных опасных свойствах евреев, об их алчном и бесчестном обогащении, о нравственно и политически разрушительной силе их деяний, об их мстительности и власто-

любии. Взятый в таком понимании, антисемит может быть как честным человеком, так и негодяем, как кротким, так и жестоким, как невиновным, так и преступником, – главное, что это человек или группа людей, которые несут в себе судорожно застывшую, искаженную картину определенной части социальной реальности.

Естественно, и среди евреев еще четче выделилась группа людей, для которых горечь и несправедливость еврейского опыта затмила, заслонила собой весь остальной опыт и всю человеческую реальность. В средневековой изоляции еврейства таков был общий настрой большинства; насколько сокращается с ходом эмансипации эта доля, зависит от гармонии внутри самого окружения, а также от того, насколько человечны его отношения с еврейством.

Вот почему напрасный или нечеловечески тяжкий труд – заставить еврея проникнуться психологической реальностью антисемитизма, а окружение евреев – реальностью еврейского положения и жизненного опыта. Более ограниченные в своем мировоззрении евреи просто не верят, что злоба антисемитов, независимо от того, как темны их предрассудки и как ошибочны обобщения, тем не менее зиждется на подлинном опыте и подлинных ощущениях, и, наоборот, они свято верят, что антисемиты, когда собираются у себя, в своем подполье, наверняка уж между собой или в глубине души прекрасно сознают, какие они подлые и несправедливые. Не иначе и антисемиты убеждены, что евреям между собой или в глубине души очень даже хорошо известно, что всё, или почти всё, что антисемиты о них говорят, – чистая правда.

Предвззсудки и опыт антисемита

САМОЕ ВЕСКОЕ возражение против подобного сопоставления мировоззрений заключается в том, что эти два типа опыта *объективно несопоставимы*, ибо на одной стороне, стороне евреев, мы имеем опыт, в подлинности которого не может быть никаких сомнений, тогда как так называемый опыт антисемитов есть не что иное, как опыт искусственно культивируемый или, по крайней мере, односторонне отобранный и сомнительный, и обсуждать тот и другой параллельно – заблуждение, причем, заблуждение опасное, ибо дает повод всякому, кому заблагорассудится, делать из этого выводы о моральном равенстве основанных на том и на другом опыте суждений и мировоззрений. Или, как это формулируют иначе, еврейского вопроса нет, а есть антисемитизм – и тот, кто говорит о еврейском вопросе, льет воду на мельницу антисемитизма, сознает он это или нет.

Это и есть то, о чем мы говорили как о критической точке всего еврейского вопроса и антисемитизма, к которой теперь, ближе и подробней ознакомившись со всем пространством обсуждаемого опыта, мы должны возвратиться вновь. Причем обязательно и изначально приняв, во-первых, что сами *первопричины* бесчеловечных взаимоотношений еврейства и его окружения заключаются в установках окружения и, во-вторых, что их *следствия* в действиях окружения тоже несравненно тяжелей.

Начнем с бесспорного факта – и скрупулезный анализ вновь и вновь подтверждает его, – что *корнем зла* в отношениях между еврейством и его окружением стал религиозный в своей основе средневековый *предвззсудок*. Именно он породил в окружении заведомое отчуждение и готовность наносить обиды, именно он создал

те бесчеловечные – не всегда жестокие, но всегда *безчеловечные*, то есть дегуманизированные, условия и атмосферу, из которых и произросли формы поведения евреев по отношению к окружению; и, наконец, именно этот предрассудок, а также отчетливая обособленность еврейской общины сыграли решающую роль в том, что любой опыт относительно евреев сразу же выражается в резких и обостренных формулировках. Однако сам по себе предрассудок – как ни влияй он на оценку опыта – *никогда не порождает опыта*: антисемитизм людей, не имеющих опыта общения с евреями, может быть оскорбителен и неприятен, но в смысле последствий он безопасен. А вот более или менее характерные для евреев формы поведения, которые мы описали ранее, и при отсутствии предрассудка, или помимо него, могут породить наблюдения и обобщения, разве что, за отсутствием предрассудка, в таких обобщениях будут менее ощутимы острота и нотки морального превосходства, и связываются они будут не с расой или верой, а с признаками менее однозначными, такими, например, как род занятий, место происхождения или проживания, но материал тут будет один и тот же. Убежденность евреев, что антиеврейский опыт целиком и полностью порожден или отобран предрассудком, и не будь его, они своим характерным поведением подавали бы для подобного опыта оснований ничуть не больше, чем любая другая группа людей, – убежденность эта играет решающую роль в том, что сами они имеют столь слабое представление о расхожих представлениях о себе среди окружения. Оттого-то они и склонны переоценивать способ борьбы с антисемитизмом путем опровержения наичерезмернейших из обобщений и наипужаснейших из ужасов, полагая, что, доказав их лживость, злонамеренность и противоречивость, заниматься далее содержа-

нием антисемитских утверждений уже излишне. И не задумываются над тем, что опыт всего окружения, и антисемитов, и неантисемитов, относительно евреев *однороден*, только антисемитские ужасы – результат искаженной, односторонней оценки общего с неантисемитами опыта, опыта, порожденного одним и тем же материалом. Вот почему окружение часто находит в обвинениях антисемитов немало метко подмеченного, верного, даже если и не приемлет их целиком. Это больно задевает евреев, им начинает казаться, будто все вокруг антисемиты, все «заражены» антисемитизмом.

Не менее бесспорно и то, что в сравнении *следствий* не *ирреальность* еврейских представлений, а антисемитизм куда чаще порождал события, выливавшиеся в несравненно большие потоки крови и слез. Так оно было еще до Освенцима, а после Освенцима надолго становится неопровержимым. Однако и *ирреальности* еврейских представлений история порой предоставляла случаи доказать, что в сути и в качестве у нее немало родственных черт с тем, другим. Кроме того, не следует забывать, что не видеть в такого рода искаженном мировоззрении ничего, кроме зла и садизма, действительно совершаемых его именем, – самообман. Среди участников антисемитских акций и преследований всегда достаточно людей, которые делают это вовсе не под влиянием оправдывающей преследования идеологии или массового аффекта, а попросту чтобы бить, грабить и убивать везде, где предоставляется случай. Что антисемитизм приводит именно к этому, разумеется, не случайно, но к этому приводят и многие другие вещи, что же до антисемитизма, то порой о нем гораздо более красноречиво говорят те из его элементов, которых не чужды и порядочные люди, а не одни лишь негодяи или садисты.

При подведении морального итога в конфликте еврейства и окружения *причинная* суть антиеврейского предрассудка и *перевес страданий*, проистекающих из антиеврейского предубеждения представляют еврейство в качестве несравненно более пострадавшей, а стало быть, и с большим правом требующей удовлетворения стороны; все это, однако, не означает, что в отношениях, сложившихся в результате таких предпосылок между евреями и окружением, предвзятость евреев менее предвзята, а искаженное мироощущение менее искажено и что *ирреальность* еврейских представлений имеет больше отношения к действительности, чем антисемитизм. Иными словами, я так долго проводил параллель между опытом евреев и антисемитов не для того, чтобы затем привести их к общему знаменателю и, взаимно уравнив итоги, попеременно пенять то одной, то другой стороне. А взялся я за это ради того, чтобы попытаться объяснить, и в первую очередь, евреям, что при всей односторонности и узости опыта их окружения, при всей чрезмерности его абсолютизации, напрасно они относятся к нему как к пустому безобразному порождению предрассудка и полагают, что нечего с ним считаться. И вовсе не потому, что при всей универсальности и жестокости еврейского опыта, тем не менее, именно опыт окружения, то есть большинства, решает и в конечном счете определяет всю ситуацию и обстоятельства. Полная правда, таким образом, заключается в том, что *антиеврейский предрассудок и антиеврейский опыт являются условиями современного антисемитизма в совокупности*, и представить его без какого либо из них невозможно.

Однако для того, чтобы антисемитизм мог превратиться в центральный социальный вопрос, обеих этих вещей, пусть даже вместе взятых, все равно мало. Естественно, что и предрассудок, и опыт еще живут некото-

рое время по завершении эмансипации евреев, не может же она в один прекрасный день взять и покончить с традиционными проявлениями прежней изоляции, они же сохраняют или вновь возрождают прежние формы поведения, которые, в свою очередь, заново воссоздают и реконструируют прежние обстоятельства. Тем не менее в здоровом обществе влияние этого круговорота постепенно ослабевает – антисемит исподволь превращается в нездоровую, исключительную фигуру. Нормальное общество в большинстве своем составляете, чьим взглядам равно чужды и антисемитизм, и опыт еврейской изоляции. И лишь бессильное, потерявшее чувство реальности общество позволяет этим взглядам взять над собой верх, сводя все проблемы собственной жизни к противоречию евреев и антисемитов. Таким образом, ни антиеврейского предрассудка, ни антиеврейского опыта в обществе недостаточно для того, чтобы превратить антисемитизм в решающий социальный и политический фактор – для этого должен быть нарушен *весь ход общественного развития*, для этого нужно болезненное состояние самого общества.

Антисемитизм и нарушения общественного развития

ОПЫТ окружения относительно евреев накапливался в европейском обществе не сам по себе, не изолированно, а одновременно со всеобъемлющим социальным опытом крутого поворота новой и новейшей истории, с крахом и |последующими| метаморфозами общества средневековой Европы, зиждившегося на качественных различиях между людьми. Как раз когда европейское общество подмечает за евреями сравнительно более рациональный подход к социальным возможностям, по всему

европейскому обществу прокатывается волна перемен, в результате которых, в особенности в Западной Европе, на смену привычным, традиционным подходам к социальным возможностям приходят более рациональные. Как раз когда окружающее общество находит, что евреям свойственна исполненная разочарования и подозрительности критичность в отношении системы общественных ценностей, повсюду, где исподволь, а где в революционных потрясениях, ставится под сомнение вся ценностная система европейского общества. И, наконец, как раз когда окружающее общество подмечает, что евреям свойственны разного рода проявления жажды удовлетворения за причиненные им страдания, в Европе почти повсеместно идут значительные перемены во властных структурах, что во все времена давало немало поводов к проявлению жажды реванша. Бросающаяся в глаза заинтересованность евреев во всем этом сделала антисемитами прежде всего тех, для кого социальное и экономическое развитие обернулось кризисами, потерями, утратой ориентиров: где бы он ни превращался в проблему, антисемитизм вообще повсюду взаимосвязан с такими явлениями в общественном развитии и всегда свидетельствует о каком-либо его нарушении или сбое. При всем при том ни одно более или менее нормально развивающееся общество не превратилось, да и не могло превратиться целиком в общество антисемитов, ибо для такого общества очевидно, что переменами движут силы и интересы куда более могущественные и от евреев не зависящие.

Совсем по-другому дало о себе знать все это в той части Европы, что лежит к востоку от Рейна, в странах развивавшихся неравномерно или застопорившихся в своем развитии, там, где ни современный капитализм, ни буржуазные революции не были естественной по-

требностью развития, а были откликом на экономическое, политическое и интеллектуальное влияние уже сложившегося западноевропейского капитализма и уже достигших успеха западноевропейских демократических революций. Феодално-аристократический уклад в этих странах сохранял сравнительную устойчивость, и общественные структуры современного капитализма и современной буржуазной демократии строились в них поверхностно и формально. После нескольких неудавшихся или частично удавшихся попыток перепуганная буржуазия постепенно отказывалась от намерений сломить феодално-аристократические силы общества, так что к востоку от Рейна капитализм строился не за счет *падения* или даже ослабления феодализма, а за счет псевдокапиталистической *эксплуатации* феодальных общественных институтов и отношений, используя и губя их нещадно, на колониальный манер. В такой ситуации современная социальная критика пусть даже и подорвала общественные феодално-аристократические авторитеты, рефлексy и суеверия, тем не менее, нигде – за исключением России – не сумела окончательно сокрушить феодално-аристократические устои общества и, исподволь сведясь ко внутреннему брожению, вместо действия увязла в догматике, иррационализме и изобретении ложных политических формул.

Все это особенно обострилось в тех странах Центральной Европы, которые в результате вышеописанных нарушений социального развития или в связи с ними вдобавок ко всему еще и застряли в каком-либо из тупиков национального развития или в течении долгого времени вынуждены были бороться с неопределенностью собственного национального существования. В таких странах дело нации оказалось повязанным с направленной друг против друга политикой различных соперни-

чающих династий, аристократических кланов, военных клик, и те направления, которые в подобной обстановке стремились – главным образом или в числе прочих – удерживать в центре внимания и дело социального развития, все явственней воспринимались помехой национальной борьбе. В итоге современное национальное чувство и современный демократизм, которые и во Французской революции, и во всяком возникавшем с тех пор здоровом политическом движении, во всякой стране со здоровым политическим развитием оставались направлениями взаимосвязанными, здесь обернулись друг против друга, и, питаемое феодальным, аристократическим и авторитарным духом, на этой почве выросло омерзительное образование *антидемократического национализма*. Так Центральная Европа превращалась в особо благоприятную питательную среду для разного рода ложных политических идей, тупиковых общественно-политических ситуаций и противоречивых, бредовых политических мировоззрений. Причем тем в большей степени, чем чаще случались сбои в социальном развитии той или иной страны, чем безнадежней оказывался в ней застой, чем тяжелее нарушения или неопределенность ее национального бытия. Первой среди них была Германия, страна, где в 1848 году демократические движения за объединение потерпели провал, результатом чего стало вынужденное гогенцоллерновское псевдообъединение 1871 года, и то, что снаружи смотрелось распираемой от национального подъема, ворочающей народными массами современной национальной державой-здоровяком, было на самом деле размеченной на игрушечные государства или аристократические кружки, безнадежно запутавшейся в средневековой иерархии, обессилевшей от бесцельного брожения огромной и неуклюжей тушей; противоре-

чие это и породило воинствующую германскую политику рубежа веков, отсюда и проигранная мировая война, и Версальский мирный договор, который социально отсталая и политически незрелая немецкая нация не сумела переварить. Такой страной была и Австрия, созданная в середине XIX столетия как современное государство, которое, однако, ни одна из входивших в него наций, включая и самих австрийских немцев, не желала признать за свое и все порывалась примкнуть к чему-нибудь получше. Такой, увы, была и Венгрия, которая, потерпев поражение в попытке добиться демократических преобразований и национальной независимости в революции 1848–1849 года, смирилась с псевдоконституцией и псевдонезависимостью, полученными по Соглашению 1867 года, а с гибелью монархии погрузилась в переживание трианонских обид и поиски справедливости во имя иллюзии воссоздания исторической Венгрии и венгерского господства над национальными меньшинствами.

В подобных условиях различные аспекты отношений евреев и окружения, трения между ними, разумеется, тоже озвучивались совершенно по-иному. Для общества с феодально-аристократическими привычками тот факт, что сравнительно немногочисленная, но весьма влиятельная прослойка евреев благодаря капитализму оказывается на самой верхушке экономической власти – скандал, нечто психологически неусвояемое; в то же время источником особого раздражения становится и то, что солидная часть эмансипирующегося еврейства без каких-либо особых затруднений сумела приобщиться к обеим движущим эмансипацию ветвям общественной критики – социальной и демократической, в то время как в широких слоях застойных обществ – и не в одних лишь правящих классах – эта самая критика упи-

ралась в барьеры феодально-аристократических традиций и привычек; ко всему прочему, еврейство, в том числе и полностью ассимилированное, в большинстве своем жило все-таки своей жизнью и было столь безраздельно захвачено стремлением покончить, наконец, со своим еврейским изгойством или хотя бы облегчить его, что с трудом поспевало за т. н. национальной интеллигенцией в ее метаниях среди разного рода национальных истерий, национальных мечтаний и бредовых национальных идей, доходящих до полного разрыва с демократией.

Все три раздражающих момента, хотя и происходили из разных источников, являлись, по существу, общим и одновременно выявившимся результатом одного и того же кризиса; в итоге все потрясение, весь страх, все поиски козла отпущения, порожденные хроническим уже кризисом пошатнувшегося, но всё не могущего рухнуть феодального мира и нерешенными вопросами национального бытия, обретают в антисемитизме чуть ли не само собой разумеющийся общий знаменатель собственных противоречивых идеологических элементов и противоречивых общественных тенденций. Тем отдельно взятым людям, группам, слоям, от крупных землевладельцев до мещан, от офицеров до учителей истории, для которых в тупиках социального и национального развития и категории, и само содержание европейского общественного развития превратились в бессмыслицу, кто разуверился в них, антидемократический и антисемитский национализм явился тем откровением, которое с ослепительной ясностью объясняет все прежние беды, толкует, систематизирует и обобщает весь раздражавший их опыт и естественнейшим образом всему находит решение. Вот почему в этих краях массы людей поверили столь явной несурзаице, что между ев-

реем-банкиром, нажившим крупное состояние на рациональном использовании социально-экономических возможностей, причем в полном согласии с феодально-аристократической властью и с глубочайшим к ней почтением, и евреем профсоюзным деятелем, который своей острейшей и яростной критикой подтачивает устоявшиеся авторитеты общественной системы ценностей и при этом является непримиримым противником капитализма во всех его проявлениях, существует некий тайный заговор во имя подавления всех национальных устремлений и установления в конечном счете еврейской власти, более того, мирового господства.

Стало быть, верно, что для того чтобы еврейский вопрос и антисемитизм сумели стать кардинальными социальными проблемами, кроме средневекового предрассудка, кроме взаимного раздражающего опыта еврейства и его окружения, не перестающего накапливаться и в современном обществе, необходимо еще и особенно *болезненное состояние всего общественного развития в целом*. В этом и заключается справедливость того положения социализма, согласно которому с решением социальных задач, с утверждением бесклассового общества антисемитизм прекратит свое существование. Я не верю, что в таком обществе взаимный опыт и трения евреев и окружения как опыт и трения между евреями и неевреями быстро сойдут на нет и отомрут; верно тут одно — в твердой системе ценностей такого общества, которая неуклонно осуществляет принцип равного достоинства всех людей, эмансипацию всех угнетенных и полную свободу всех наций, как антиеврейский предрассудок, так и антисемитское толкование социального кризиса утратят силу, и ни еврейский вопрос, ни антисемитизм больше уже никогда не сумеют стать центральной проблемой общества.

*Из чего складывается антисемитизм
и как с ним бороться*

ИТАК, современный антисемитизм имеет три составляющие. Первая из них – это питаемый религиозными мотивами *средневековый антиеврейский предрассудок*, связавший с евреями представление об отверженности и нравственной ущербности; это давало, а местами и поныне дает современному антисемитизму готовое обрамление, сложившиеся привычки и формы уклонения от контактов с евреями, выражения недоверия и презрения к ним. Вторая составляющая антисемитизма – это та *масса опыта, который евреи и окружение накопили в общении друг с другом* и продолжают накапливать и после того, как религиозная неприязнь к евреям уже выветрилась, наполняя ссохшуюся оболочку антиеврейского предрассудка все новым и новым содержанием; это и есть кровь и плоть антисемитизма. Третью составляющую антисемитизма дают те *нарушения современного общественного развития*, в ходе которых социальные процессы, движения и кризисы, не могущие реализоваться своим прямым путем, скатываются или подталкиваются в направлении антиеврейских движений; они и являются причиной того, что в некоторых странах привычные обобщения относительно евреев вырождаются в настоящий бред, а еврейский вопрос и антисемитизм – в центральную социально-политическую проблему.

Таким образом, если мы не хотим бить мимо цели, в борьбе с антисемитизмом нам следует учитывать все три означенных фактора. Однако природа первого и третьего из них, то есть антиеврейского предрассудка и нарушений общественного развития, такова, что нельзя бороться с ними лишь в аспекте отношений с евреями. Борьба с предрассудком, от которой, зная осталь-

ные составляющие антисемитизма, особых результатов ждать не приходится, заведомо должна быть обращена против *любого* сорта ненавистничества, преследований, суеверных обвинений вообще, против любых предположений фатальных различий между людьми и проповеди таковых. Точно так же обстоит дело тогда, когда еврейский вопрос поднимается и антисемитизм разжигается для того, чтобы отвлечь внимание от социальных проблем — и с этим нельзя бороться иначе, чем решая *все* социальные проблемы вообще. Любое стремление вести бой с антисемитизмом особо и непосредственно в этих его аспектах приводит к весьма распространённому, пусть и не произносящемуся вслух предположению, что ненависть к евреям запретней ненависти к другим, а борьба за права евреев прогрессивней борьбы за права других. Тут совестливым неевреям важно учесть лишь то, что своими последствиями ненависть к евреям действительно опаснее других сортов ненависти; однако сверх и помимо этого среди прочих великих дел утверждения человеческого достоинства и свободы, среди прочих великих эмансипаций никаких принципиальных привилегий делу евреев не полагается. Обстоятельства Второй мировой войны, при которых дело евреев стало для всего прогрессивного человечества первостепенным, были вызваны ужасами нацистских преследований евреев и с их прекращением исчерпали себя. (Причем исчерпали себя слишком внезапно и достаточно жестко, к немалому разочарованию и раздражению многих.) Вследствие всего этого многие прогрессивно мыслящие люди вообще неохотно слышат об отдельной борьбе с антисемитизмом. И тем не менее в отношениях еврейства и окружения есть такие конкретные проблемы, которыми нельзя не заниматься, откладывая дело до тех пор, пока завершатся всеоб-

щие и слишком долгие процессы, то есть предрассудки изживут себя, а социальные проблемы разрешатся. Все чувствуют, что именно непосредственный социальный опыт и есть та самая область, где делом евреев и впрямь нужно заниматься особо, где нужно подавать добрый пример прежде всего, и притом личным поведением, где требуется больше человечности в попытках сближения, больше раскованности, то есть таких вещей, которые борьба против предрассудков и за социальный прогресс сама по себе заменить не может.

Так что область социального опыта и есть настоящее поле боя с антисемитизмом. Вся борьба, которая ведется на самом деле, происходит именно здесь, но поскольку те, кто борется с антисемитизмом в одиночку или организовано, реже всего доводят до сознания людей, из какого опыта он произрастает, то самые роковые промахи тоже случаются именно здесь. Самый распространенный промах – это когда борются с антисемитизмом, каким он отражается в *еврейском опыте*. При этом соратникам-нееврейцам, как правило, недостает мужества или здравомыслия сознаться в безнадежности предприятия. Вот почему когда в стремлении пробудить совесть неевреев антисемитизм изображают исключительно как порождение веры в злонамеренную и не имеющую никаких оснований ложь, которая доводит до преследований и убийств ни в чем не повинных людей, ответом оказывается такое безразличие, от которого берет оторопь и кровь стынет в жилах. Такого рода описания событий, пусть даже им несть числа, не имеют с повседневным опытом неевреев, по сути, ничего общего. Понадобились чудовищные преследования и убийства, совершенные гитлеровцами, чтобы эта картина на время ожила в глазах многих и многих неевреев, однако глубокую борозду она оставила лишь в душах людей с совес-

тью более чуткой, в коллективах, более чувствительных к унижению человеческого достоинства; обычно же, по мере того как преследования и убийства отдаляются во времени, память о них исподволь вытесняется будничным опытом, который главную среди всех причин антисемитизма находит в реакции, вызываемой самими евреями. В итоге та форма борьбы с антисемитизмом, которая исходит из еврейского опыта, не находит отклика, вернее, находит, но исключительно среди евреев, превращаясь в проповеди евреев для евреев, от которых никому никакого толку.

Но роковой оборот подобного рода борьба с антисемитизмом принимает тогда, когда из области воззваний к совести она перешагивает в область уголовного преследования, где из-за неоднозначности толкования слова «антисемит» тут же начинаются беды. Наказывать можно и нужно того антисемита, который разжигает вражду к евреям. Однако тут при установлении факта преступления еврейский опыт служить критерием не может, ибо для него обиды за чертой преступления и до нее неотличимы друг от друга, и всякий, кто не любит евреев – антисемит. На этом основании и начинаются столь губительные в своих последствиях попытки юридического преследования любого выражения антипатии вслух. Подобные разговоры в том или ином случае и впрямь могут быть злобными и оскорбительными, но, определяя, подлежат ли они наказанию, нельзя исходить из того, насколько задетым чувствует себя потерпевший. Чтобы определить, что представляет собой обидное высказывание – ожесточенную ли ненависть, одно ли из привычных обобщений окружения, или просто результат стычки по какому-либо поводу, попытаемся, скажем, перевести все прозвучавшее с «жида» на «португальца», и если и применительно к португальцам

дело все еще выглядит наказуемым, то мы можем быть спокойны, что наказываем действительно имеющий место и наказуемый антисемитизм, а не сеем новый.

Точно так же попадают впросак и те неевреи, которые из самых добрых побуждений ударяются в противоположную крайность и пытаются «решить» еврейский вопрос или «откровенно» по-человечески приблизиться к евреям, вооружившись как непреложной истиной опытом неевреев о евреях; на этом основании они излагают евреям нравственные принципы и учат их, «как себя вести», чтобы не провоцировать антисемитизм, увещевают быть не такими алчными, не такими нескромными, не такими критичными, не такими деструктивными и не такими циничными, не такими обидчивыми и не такими злопамятными, не такими мстительными и так далее и тому подобное. В особенности священники склонны полагать, что сан заведомо дает им право ничтоже сумняшеся, с пользой для дела рассуждать о чужих грехах, в том числе и о «еврейском грехе». Но кротко выслушивать подобные нравоучения удастся разве что евреям с развитым чувством собственного достоинства, остальных они лишь бесят и отпугивают от осознания того, что в возникновении антисемитизма поведение евреев и реакция на него тоже играют свою роль. Эти нравоучения чаще всего означают для евреев лишь кучу враждебных обобщений и кучу неосуществимых призывов, с которыми даже самый беспощадный к себе еврей не знает что делать, для него вопрос о «еврейских недостатках» возникает большей частью в иной связи. Не говоря уже о том, что из-за этих нравоучений так и лезет наружу одна весьма типичная наивная галиматъя, согласно которой у евреев пренебрежительно должен наличествовать свой тайный синедрион, самый главный совет, на который время от

времени съезжаются самый главный еврей-банкир, самый главный еврей-революционер и самый главный еврей-журналист, и под председательством самого главного еврея-раввина с длиннющей бородой судят да рядят, как им, евреям, вести себя дальше. Ну а раз уж нету такого совета, то и призывы эти, сколь бы ни были они обращены к евреям, истинный отклик находят не в еврейском кругу; иными словами, это проповеди неевреев для неевреев, от которых опять-таки никому никакого толку.

Так если все как есть никуда не годится, то что же все-таки делать? Раз уж с обеих сторон мы обречены иметь дело с опытом, искаженным злобой и превратно толкуемым, стало быть, вещи, которые мы просто говорим друг другу или даем понять, могут оказаться куда весомей, чем проповеди, построенные на зыбкой почве взаимного недоверия, или согласие любой ценой. Так назовем же и разделим: кому и что позволено говорить во имя борьбы с антисемитизмом.

Что может сказать об этом нееврей нееврею? Самое первое: никогда, ни единым жестом, не укрепляйте своих близких в предвзятостях их одностороннего опыта и построенных на нем обобщениях, неустанно поддерживайте и в себе, и в остальных умение видеть живое, непосредственное, конкретное человеческое содержание разного рода относящихся к евреям вещей, их сущностную тождественность всем прочим делам житейским. Задавайтесь вопросом – а не потому ли мы раздули полученную от еврея обиду, что не видим в нем равного себе? Показывайте, какова роль нравственной лености, заносчивости и безответственности неевреев во вменяемых евреям обидах и социальных бедах. Беспрестанно, без усталости пересказывайте, повторяйте все известные вам факты бесчисленных страданий евреев,

и говорите о несправедливости тех нравственных попреков и презрения, что еще более усугубляют физические страдания евреев и понесенные ими людские потери. Говорите об ответственности, лежащей на окружающем мире за страдания евреев, о всеобщей и о нашей личной причастности к этим страданиям, как мы ее ощущаем, но говорите о ней, не навязывая покаяния и признания собственной вины людям к этому неготовым.

Что может сказать нееврей еврею? Говорите о фактах опыта неевреев, но не обобщайте, не толкуйте и не делайте нравственных выводов, просто рассказывайте о том, каким видит еврея мир неевреев, что наблюдает он, что находит характерным, что отмечает с признанием, чему завидует, что находит непривычным, что задевает его в них и чего он не понимает. Не вздумайте только «резать ему правду-матку» о евреях или в сколь угодно мягкой форме поучать, что надлежит, а чего не надлежит делать евреям, как им себя вести, равно как и строить теории о том, каковы евреи вообще и что с ними неладно. Признайтесь, что чувствуете себя в ответе за перенесенные и переносимые евреями страдания, но ничего не требуйте взамен, и уж тем более не требуйте от евреев, чтобы они забыли или простили перенесенное. Единственное, о чем вы можете просить их, так это не отделять своего дела от дела других, а отождествлять собственные страдания со страданиями всех страдающих, собственные унижения с унижениями всех униженных, собственное правдоискательство с правдоискательством всех правдоискателей.

Что может сказать еврей нееврею? Говорите о реальности еврейского опыта, о его конкретном человеческом содержании и, не обращая внимания на тех, кто будет одергивать вас, увещевать не делать этого, говорите

об ужасающих фактах перенесенных евреями в давнем и совсем недавнем прошлом страданий, о том, что окончательно и во всех отношениях они не прекратились и по сей день. Но только не пытайтесь заставить неевреев принять такие представления о природе антисемитизма, в свете которых евреи выглядят чересчур симпатично, а неевреи чересчур скверно; и не призывайте неевреев к коллективной ответственности, потому что этого не любят даже те из них, кто вообще-то добровольно берет на себя часть коллективной вины.

И наконец, что полезного может сказать один еврей другому еврею, когда речь идет о борьбе с антисемитизмом? Какой моральный и практический урок может вынести еврейство из такого положения дел между собой и окружением, в первую очередь, решать самим евреям, и едва ли я сумею с пользой судить об этом. Подозреваю, тем не менее, что для еврейского самосознания не слишком много значат положения вроде того, что принадлежит покойному Карою Папу [24], – о том, что евреи-де – «народ-самоубийца»; по-моему, такие экзистенциальные постулаты несут в себе больше вреда, чем пользы, ибо ложная фатальность, внушаемая ими, парализует здоровое восприятие реальности и плодотворную действенность порыва, вклиниваясь формулой между человеком и реальностью. Ну а придать общим истинам конкретности в глазах евреев – дело самих евреев.

III.

АССИМИЛЯЦИЯ И ЕВРЕЙСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

ВРЕМЯ, исходя из уже известных нам предпосылок и условий, задаться вопросами о тех перспективах, которые просматриваются в общей судьбе еврейства и судьбе еврейства как общности, иначе говоря, вопросами о еврейской ассимиляции, национальном сознании или сознании как национального меньшинства, вопросом о сионизме. Относительно этих вопросов тоже существует несколько незамысловатых расхожих мнений, каждое из которых стремиться сделать свои выводы самого общего характера из той или иной доли правды.

Рассуждения о еврейской ассимиляции и еврейском самосознании

ПЕРВОЕ такое рассуждение состоит в том, что с исчезновением средневекового предрассудка достаточно евреям отказаться от наиболее бросающихся в глаза элементов ритуала, эмансипироваться, освоить язык принявшей их страны и некоторые из ее занятий – и их слияние с ней можно считать завершенным. По мнению социалистов, всего этого мало, достаточно же будет тогда, когда с образованием бесклассового общества окон-

чательно исчерпают себя и все те причины, которые предрешили искусственную изоляцию евреев, их нездоровое профессиональное и социальное положение и отвлекали в сторону антисемитизма бурлящие силы социальных преобразований. Основываясь на этом, они полагают, что заниматься ассимиляцией, протекающей в высших и средних классах, не стоит постольку поскольку весь этот процесс совершается в классовых рамках, обреченных развитием на слом, тем более, что это все равно не настоящая ассимиляция, ибо суть ее, скорее, в общих классовых интересах и снобизме, чем в подлинном слиянии; и если где-нибудь сегодня ассимиляция и происходит на самом деле, так это в среде предвестника бесклассового общества, пролетариата, в его политических движениях. И напротив, согласно весьма распространенному в высших и средних классах мнению, только в их кругу ассимиляция и протекает по-настоящему, и никакой беды с евреями из господ и не было бы, не будь этих невежественных, немых и беспардонных евреев из низов да «восточных» евреев. Существует и такое суждение, что ассимиляция хоть и возможна, но исключительно ценой отказа от каких бы то ни было связей с еврейской общиной, первым условием какового следует считать крещение. По существу, такой же точки зрения в ее религиозной интерпретации придерживаются и те христианские церкви отдельных стран, которые претендуют на общенациональную роль, полагая себя вправе вмешиваться и в вопросы ассимиляции общностей.

Упрощения с обратным знаком демонстрируют различные доводы в пользу невозможности ассимиляции или ее почти неодолимых трудностей. Один из часто подчеркиваемых доводов заключается в неизменности черт еврейского характера и резком их отличии от осо-

бенностей окружающих наций, причем аргументируется это не только с позиций расовой теории, но и с привлечением общественных или социально-этических аспектов. Другой довод ссылается на непреодолимую силу еврейского самосознания и солидарности, которые и после якобы завершившейся ассимиляции тысяч их проявлений в великом и малом препятствует окончательному слиянию. И наконец, сюда же относится общее суждение сионистов и идеологов национальных вопросов, будь то евреи или неевреи, о том, что еврейская судьба – это такая вещь, что как ее ни толкуй – трагически ли, реалистически, как ни называй – призываем ли, проклятьем или следствием неодолимой враждебности окружающего мира, избежать ее, спастись от нее по сути не дано никому, а посему и любые попытки или иллюзии ассимиляции, будь то бегство, недостаток самоуважения или снобизм, тщетны и заведомо обречены.

Проблема ассимиляции

ЕСЛИ МЫ не желаем заблудиться среди всех этих рассуждений, каждое из которых содержит некую долю истины, то для начала нам надлежит уяснить, что мы понимаем под ассимиляцией. Ассимиляция – это такой социальный процесс, в ходе которого отдельные индивиды или группы вливаются в новую общность, к которой ранее не принадлежали, приспособляются к ней, уподобляются ей. И поскольку любой из нас в одно и то же время пребывает в состоянии членства, слияния или отхода по отношению ко многим и разным общностям сразу, то подлинную проблему ассимиляции правильной свести к тому ее случаю, когда отдельные индивиды или

группы выходят из такой общности, которая вплоть до этого выхода решающим образом участвовала в определении их социальных условий, и переходят в коллективную жизнь общности, обладающей сходной определяющей силой. Самыми выразительными примерами общностей наибольшей предопределяющей силы могут служить нации, племена, города-государства, религиозные и ритуальные общины. Практически сегодня речь чаще всего идет об ассимиляции с современной нацией, общностью, которая в наши дни действительно обладает довольно большой определяющей силой. Однако нам следует знать еще и то, что, подобно религии или классу, нация также относится к типу общностей сравнительно отвлеченных, таких общностей, принадлежность к которым не так конкретна, не так переплетена с повседневным опытом, не столь разумеется сама по себе, без особого внушения, как, например, принадлежность к племени, ритуалу или городу-государству, что выражена она в совокупности вещей более сложных, отдаленных и общих, таких как историческое сознание, политическое и экономическое устройство, система социальных норм и образования, идеалы образа жизни и коллективной морали. Ассимиляция с такой более отвлеченной, далекой от непосредственного социального опыта общностью не может протекать исключительно через выражающие ее, эту общность, абстракции, для этого еще необходимо, тем более необходимо, участвовать в живой жизни какой-либо из ее конкретных сред, одной из ее более мелких единиц.

И хотя всякая ассимиляция, в сущности, процесс одного и того же содержания, тем не менее имеет смысл обратить внимание на разницу между личной индивидуальной ассимиляцией и глобальной совокупной ассимиляцией всей общности в целом. В случае индивидуаль-

ной ассимиляции акцент делается на уходе из какой-либо общности или прекращении действия ее определяющей и связующей силы и на присоединении к чему-то иному, новому. Для индивида – если только общность, куда он попадает, не обладает неким мощным внутренним зарядом, необычайной всепоглощающей силой – этот процесс протекает не гладко, завершаясь порой лишь во втором-третьем поколении; именно такую, индивидуальную ассимиляцию и имеют в виду, когда упоминают и анализируют проблемы, болезненность и трудности ассимиляции. При другой, совокупной, глобальной ассимиляции, акцент делается не на индивидуальном выходе из общности, а на всецелом растворении самой этой общности, на постепенной убыли ее определяющей силы и оттеснении ее под натиском прочих параметров коллективной принадлежности. Совокупная, глобальная ассимиляция по сути не отличается, да и не может отличаться от индивидуальной, и протекает она ничуть не легче и не проще, ибо слагается из массы индивидуальных ассимиляций, разве что происходит медленней и в то же время незаметней в силу того, что заинтересованные проходят через нее вместе, а не порознь. Однако глобальная ассимиляция тоже должна быть подлинно коллективным процессом, протекающим в живой среде, в более мелких единицах общности, она не может исчерпываться установлением некоего общего положения или требования относительно той или иной принадлежности определенных групп и переводом их из одной категории в другую или переименованием на основании определенных статистических критериев. Процесс ассимиляции может затруднен или облегчен множеством самых различных факторов – в первую очередь, таких, как определяющая сила старой общности, расстояние между старой и новой

общностью, притягательная сила новой общности, ее внутренний порядок и равновесие, ее отношение к ассимилированным, и пр. Общеизвестно, что болгарину стать сербом легче, чем греку голландцем, как легче крестьянину-бедняку выбиться в хозяева, или мелкому торговцу в банкиры, чем крестьянскому сыну в уездные начальники или купцу в князя. В связи со всем этим нам придется рассмотреть более пристально некоторые из аспектов ассимиляции.

Говоря о характерных чертах, об особенностях ассимилированных и ассимилирующих, об их изменениях, потерях или приобретениях, мы употребляем эти понятия в двух сливающихся друг с другом и, тем не менее, явно разных значениях. По одну сторону расположена некоторая элементарная, основная группа общих особенностей, отчасти врожденных, обусловленных природой, отчасти этнических, культурных, приобретенных с воспитанием, но и в том и в другом случае инстинктивных или ставших инстинктивными в своих проявлениях. Из таких особенностей и состоит, пусть расплывчатая в контурах, но все же видимая часть профиля нации или иной общности, выраженная в физических типах – но не типе! – в темпераменте, жизненном ритме, в жестах, настроении, юморе, музыкальности, в декоративном инстинкте и вкусе, в изобретательности, в рабочем темпе. Другую группу особенностей составляют коллективные формы поведения, приемы, языковой стиль, условности, правила игры, правила поведения и кодекс чести, неписанные законы, проявления солидарности, примеры для подражания и, помимо всего этого, в более жизнедеятельных, боевых общностях – коллективные цели, идеалы и дисциплина. Разумеется, они тоже нередко многократно переплетены и взаимосвязаны с более инстинктивными элементами, но о том, чтобы

они питались исключительно последними, и речи быть не может, напротив, добрая половина, если не больше, принадлежит в них политическим, воспитательным, религиозным системам и школам, историческому опыту, потрясениям и урокам, общественным лидерам и кумирам, словом, массе вещей, свидетельствующих как об иных типовых, так и об общечеловеческих влияниях. Естественно, граница между этими двумя группами коллективных особенностей расплывчата, но очевидно и то, что совокупность особенностей, с которыми можно и нужно ассимилироваться, дают, прежде всего, последние. Ассимилироваться – не значит избавиться от любых характерных и узнаваемых черт до полной неотличимости от «коренных», суть ассимиляции вовсе не в этом, это не более, чем ее запаздывающий, а иногда просто побочный эффект. Ассимилироваться – значит жить жизнью настоящей, живой общности, знать принятые в ней формы поведения, условности и требования, придерживаться и исповедовать их. И почему бы человеку не сохранить при этом свой характерный нос, характерную кухню и ритм жизни, характерные речевые обороты и чужеродные слова, то есть все те качества, которые, с точки зрения организации общества, не имеют или почти не имеют значения. Действительно, врожденные или этнические качества для самого желающего ассимилироваться обыкновенно весьма и весьма редко дают о себе знать как душевные препятствия ассимиляции, скорее окружение выискивает в них зацепки для собственной враждебности, предрассудков, неприятия, годные для того, чтобы оградить себя и отгородиться. Так что препятствием к ассимиляции они становятся главным образом тогда, когда уже после столкновения интересов и вследствие него окружение превращает какое-либо из них, например, черную кожу или еврейскую

бабушку в подобие преграды или шлагбаума. Что же до самого ассимилирующегося, то трудности для него возникают не столько в виде врожденных или этнических качеств, сколько в виде форм поведения, сложившихся в сфере коллективной жизни и деятельности, манеры обращения с коллективными возможностями, то есть вещей, уже описанных нами ранее в связи с отношениями еврейства и окружения, и отнюдь не врожденных, а весьма и весьма социальных, исторических по происхождению. Что, разумеется, не мешает им в определенных случаях стать более серьезным источником трений, чем действительно врожденные, этнические черты. Эти формы социального поведения, если только они противоположны формам поведения окружения, действительно могут послужить причиной препятствующих ассимиляции трений, не будучи при этом статичными, характеризующими одну-единственную группу и заведомо исключаящими ассимиляцию. Наряду с усвоенными в ходе ассимиляции формами поведения, условиями и элементарными привычками главное место занимает язык; усвоение языка при ассимиляции иноязычных, в особенности в национальной общности, обычно становится первым шагом. Однако усвоение языка и элементарных привычек само по себе ассимилирует лишь тогда, когда в основных коллективных аспектах заведомо наблюдается значительное тождество или отождествление. Можно даже, как редкий случай, представить себе, особенно в многоязычных и на многоязычии построенных общностях, ассимиляцию и без языкового уподобления.

Ранее мы уже упоминали, как важно подключиться к солидарности новой общности. Из чего опять-таки, не следует, что суть ассимиляции состоит в том, что отныне ассимилянт должен быть «заодно» лишь с членами

новой общности, поддерживать только их, быть пристрастным только по отношению к ним, а не к членам своей старой общности. Практический аспект вопрос солидарности обретает не в таких абстрактных противопоставлениях, а в совсем иных, конкретных коллективных соотношениях. И даже если на протяжении долгих поколений ассимилированные, слившиеся с общностью индивиды и группы не только сохраняют сознание некоторой своей обособленности, но будут держаться сообща, поддерживать друг друга, будут готовы помочь друг другу деньгами или облегчить продвижение вперед, останутся пристрастны друг к другу, как это наблюдается у шотландцев, корсиканцев, трансильванских венгров, и у евреев в том числе, само по себе это еще не препятствует их ассимиляции. Узлы солидарности с новой общностью зависят не от этого, а от того, ощутили ли новообращенные как свои собственные внутренний смысл и цели тех методов, общих дел, борьбы, правил, которыми живут малые, реальные группы новой общности, частью которых стали и они, или, напротив, просто усвоив их, толкуют лишь как средство во имя служения иной солидарности, то есть кривят душой. То что ассимилированные держатся вместе, пристрастны и имеют свои интересы, становится роковым препятствием их ассимиляции не тогда, когда все эти вещи выходит за рамки объективности – подавляющее большинство людей всю свою жизнь проводят за этими рамками, – а тогда, когда они деформируют те коллективные структуры, внутри которых реализуются, искажают их цели и смысл.

Но особо среди факторов, облегчающих и затрудняющих ассимиляцию, я хотел бы выделить один – тот, которому уделяют так мало места, рассуждая о психологических и социальных аспектах опыта, переживаемого

ассимилянтом. Самым решающим, самым важным, наиболее всего облегчающим или, наоборот, наиболее всего затрудняющим ассимиляцию фактором являются внутренние порядок и равновесие ассимилирующей общности, ведь, по существу, весь процесс ассимиляции протекает внутри этой общности, в условиях, ею определяемых. Любая общность, открыто или негласно, диктует свои условия ассимиляции, условия не всегда легкие, напротив, в общностях более замкнутых и узких они могут быть мелочны и умышленно затруднены, а манера, в которой на основании этих условий решается, принять человека или не принять, далеко не всегда дружелюбна, более того, подчас она может оказаться и попросту жестокой; ассимилирующее общество способно припасти для ассимилянта такие запасы всевозможных огорчений, которых ему хватит с лихвой и надолго — просто за то, что не так здороваётся, не там ставит ударение, спорит не так и свои торговые или артельные дела улаживает не так, как это у них принято. И, тем не менее, если общность по-настоящему живет своей внутренней жизнью и по-настоящему уравновешена, то ее условия ассимиляции тоже ясны и четки, настоящая общность, если уж приняла тебя, то и защитит, короче, настоящая общность ни в чём, стало быть, и в этом, не обманет. Так что откровенные, упорядоченные и внутренне согласованные, или, напротив, лживые, противоречивые и несогласованные, формы коллективной жизни являются, пожалуй, решающим фактором, когда вопрос стоит о том, каким станет процесс ассимиляции — прямым и ясным, или же противоречивым и неопределённым.

*Проблемы и пути
индивидуальной ассимиляции евреев*

АССИМИЛЯЦИЯ евреев, как индивидуальная так и совокупная, ничем не отличается, да и не может отличаться от любой другой ассимиляции. Еще до начала всеобщей эмансипации евреев, а в особенности с ее наступлением, их индивидуальная ассимиляция происходила и происходит в самых различных аспектах и, разумеется, не сама по себе и не на пустом месте, а всякий раз через посредство какой-либо реальной, конкретной социальной среды. Можно привести не один и не два примера подобной более узкой непосредственной ассимилирующей среды, то есть малой, конкретной общности, каких было и есть великое множество, причем самых разнообразных: это и крещение со вступлением в одну из христианских религиозных общин, и причастность к кругам и идеям европейского свободомыслия, и принадлежность к живущим интенсивной внутренней жизнью коллективам – производственным, профессиональным, интеллектуальным, это и литература, наука, искусство страны, то есть творчество или причастность к творческим кругам, это и участие в политических и общественных движениях, служба, светская жизнь, школа, провинциальный быт, брак, дружба, личные знакомства, связи и пр. Наиболее интенсивную ассимилирующую среду повсюду в Европе создавали крещение, школа и т.н. общественная жизнь (пока она сохраняет или сохраняла свое значение), профессиональные общности, в особенности, участие в духовной жизни и, наконец, рабочее движение, пусть упомянутое здесь в последнюю очередь, однако все более определяющее в своем значении.

По этим каналам протекала и по сей день беспрерывно протекает ассимиляция евреев. То что она все же

принадлежит к наиболее непростым случаям ассимиляции – вещь общеизвестная. Помехой тут является незаурядная связующая сила старой еврейской общности, развитое религиозное, национальное, интеллектуальное и нравственное самосознание и культура, поддерживавшие в еврействе, пусть при меняющемся идейном обосновании, чувство и сознание собственного превосходства и избранности. В некотором смысле помехой тут является и порожденное презрением окружения психологическое бремя еврейства как состояния, которое еще продолжает тяготеть даже над теми, кого уже не удерживает связующая сила и самосознание общности, притом как раз над ними сильнее всего, что хоть и усиливает их стремление к ассимиляции, но в то же время затрудняет ее процесс, ибо мотив, побуждающий человека покинуть старую общность и войти в новую, нередко заключается не столько или не только в притягательности новой общности, сколько в неприятии старой, несущей на себе все тяготы презрения, невыгод происхождения и общей изоляции.

Этим трудностям, обременяющим евреев прежде всего душевно, противостоят, и, как правило, куда более весомо, препятствия, которые возводит на пути ассимиляции поведение окружения. Ибо влияние антиеврейского предрассудка и сложившихся между еврейством и окружением отношений таково, что общности окружения, более или менее открытые сами по себе, для еврея всегда прикрыты немного, а то и намного плотней, чем для прочих желающих войти. Однако трудности ассимиляции, как для евреев, так и для окружения, связаны не только с тем, какой – явной или бессознательной – позиции придерживаются те или другие в вопросах идентичности. Не меньшие трудности в ассимиляции возникают и из-за описанного выше относи-

тельного расхождения коллективных форм поведения в сфере пользования общедоступными средствами, из-за различий в подходе к системе ценностей, а также из-за жестов поиска удовлетворения, порожденных вечно воспаленными чувством превосходства у одних и зависимости у других. Такие формы поведения даже в относительно дружественном окружении легко и скоро вызывают ощущение чего-то непривычного, чуждого, а *известные* – вечно под рукой – общие места антиеврейского предрассудка дают любой конкретной неурядице или столкновению и повод, и возможность сразу же, и уж куда быстрее, чем в любом другом случае, обрести *принципиальный и общий* смысл и толкование.

Отсюда и рассуждения о неизбежности *еврейской судьбы* с выводом о том, что ассимиляция неосуществима и выход – в еврейском самосознании. Мы очень подробно проследили за тем подчас трагическим процессом, когда в сохранении положения евреев повинны формы поведения евреев, а сохранение этих форм поведения евреев под влиянием антиеврейского предрассудка вызывает в окружении несоразмерно негативную реакцию, накликая тем самым продление *еврейской судьбы* или, по меньшей мере, этому продлению способствуя. Все это, усугубленное неблагоприятием в обществе, с постоянством порочного круга вновь и вновь воспроизводит обстоятельства, которые, если угодно, и в самом деле можно наречь *еврейской судьбой*, но лишь в том случае, если мы не станем придавать этому слову оттенка неотвратимости ни из мистических, ни из социальных соображений. Говорить о социальном положении, во многом обусловленном присущим окружению предрассудком, как о некоей имманентной неизбежности, даже не желая признать его в качестве единственной причины, значило бы сеять тяжкое заблуждение. И уж

вовсе прямой недобросовестностью было бы использовать в качестве доказательства неотвратимости еврейской судьбы то, что в двадцатом веке нашлась безумная политическая идеология, которая, раскапывая еврейское происхождение до третьего колена, насильно согнала их – иначе эти люди не оказались бы рядом – в одну подневольную общность – общность обреченных на страдания, смертельную опасность и гибель. Прошедшие через все это в некотором смысле действительно стали единой общностью, и, как всякое другое, это преследование также дало немало примеров того, как различные к своему происхождению люди осознали его, ассимилированные наполовину повернулись вспять, и даже успевшие уже ассимилироваться полностью обратились к еврейству вновь. Все это, однако, отнюдь не рок, кроющийся в самом еврейском начале, но такое конкретное историческое испытание или последствие испытания, которое может пересечь или даже нейтрализовать иные испытания, иные общности, иные процессы. Вот почему и сионисты, и попрекающие евреев гуманисты, которые по причине ли преследований, в силу ли безнадежности ассимиляции, единственно достойной уважающего себя человека позицией считают открытую исповедь еврейского национального и коллективного самосознания, заходят в своих обобщениях чересчур далеко. Те, кто настаивают на этом, не замечают, что исповедь еврейского самосознания и общности не есть признание простой и естественно разумеющейся *фактической* принадлежности, а есть возведение в достоинство сложившегося под многократным давлением, отягченного массой самых разных ограничений и презрением положения, то есть позиция явно *патетическая*, страстная, и не всякий испытывает охоту к подобным вещам. Укрепление само-

сознания – лишь один из наиболее очевидных и наиболее выразительных результатов преследования, но в то же время не менее естественно возникает и растет инстинктивное стремление к бегству от общности. А кроме того, сколько бы обид ни припасло ассимилянтам их окружение, весьма значительная их часть уже успела пустить в нем очень даже глубокие корни, да и менее укорененная их часть тоже сильно оторвалась от еврейской общины. И, стало быть, неправда, что достаточно обнаружить в себе никогда не иссякавшее еврейское самосознание, и перед тобой откроется прямая дорога. На самом деле возврат к еврейской общине ассимилировавшихся полностью или наполовину и даже для диссимилировавшихся – это по меньшей мере столь же долгий и трудный, а, быть может, и еще более долгий и трудный путь, чем продолжение, завершение или смена вектора ассимиляции.

*На полпути между ассимиляцией
и еврейским самосознанием*

И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ по всей Европе среди евреев всегда было и остается довольно много, более того, непропорционально много людей, которые выучили язык окружающего общества, отказались от наиболее броских ритуальных обычаев, освоили некоторые – не все – занятия окружающего общества, в первую очередь, в торговой жизни крупнейших городов, без того, чтобы хоть сколько-нибудь отдалиться от прежнего человеческого и социального окружения и влиться в какую-нибудь непосредственно ассимилирующую общность. Это было особенно характерно для Центральной Европы, где, не имея внутренних предпосылок, капитализм разросся

внезапно, на колониальный манер, так что те торговые и промышленные роды занятий, которые освоили евреи, не располагали сложившейся ранее ассимилирующей средой, напротив, освоение их евреями произошло после распада более примитивных в свете нового положения вещей общностей, ценой этого распада. В итоге складывалось сравнительно многочисленное еврейское общество, ни в чем, кроме некоторых поверхностных деловых отношений с окружающим миром – ни в своих личных контактах, ни в дальнейшем образовании, ни в профессиональной деятельности, ни просто в результате каких-либо впечатляющих социально-политических событий – так и не сделавшее сколько-либо заметного шага со своего прежнего места в человеческой, социальной и коллективной среде, и жизнь его в европейских мегаполисах протекала, как повелось, в привычном окружении, без особых изменений в непосредственном опыте социальной принадлежности. Изнутри это общество было отнюдь не едино, а напротив, многократно и всячески расчленено – здесь можно было обнаружить любые крайности образа жизни, вкусов, морали, можно было встретить кого угодно, от аристократов старого еврейского образца до нуворишей, людей без имени, от зажиточных мещан до прозябающих в извечной беспросветной нищете бедняков, от почтенных граждан, скромно живущих честным трудом, до самых сомнительных персонажей с сомнительными промыслами, от тех, кто пустил глубокие корни в принявшей их стране, до любящих щегольнуть документальными свидетельствами своего уподобления, равно презираемых антисемитами и сионистами ассимилянтов. Но даже при всей разношерстности этого общества собственная его жизнь была слишком замкнутой в себе, чтобы, как есть, стать частью окружающей жизни, соответствующих ее групп,

так что масса эта выглядела в глазах большей части окружения единым целым. В ней легко обнаруживалось любое наглядное доказательство и живое опровержение чему угодно, и все тут было равно правдой и неправдой — и что с нею в страну пришли благополучие и процветание, и что она, подобно паразиту, сосет из страны кровь — ибо она и в самом деле была средоточием немало го числа экономических потенций и навыков капитализма, но в то же время, даже в европейском сравнении, вне всякого сомнения, слишком уж изобиловала спекулятивными, чрезмерными, непомерными состояниями. Помимо множества мелких характерных деталей всю эту массу объединяло несколько важных негативных моментов: она, хоть и стремилась отдалиться от своего еврейского положения, но все же не желала порывать с ним окончательно, а искала некоего возмещения за все невзгоды своего состояния до эмансипации и находила его прежде всего в деньгах, будь то скромный мещанский достаток, неустанная, упорная погоня за заработком или стремительное обогащение; при всей приверженности свободомыслию она все же не принимала особо живого участия в том развитии, которое вело к быстрому или постепенному освобождению европейских масс; даже будучи привязанной к стране, в которой жила, тем не менее, не жила безраздельно общественным сознанием этой страны, ее проблемами, ее жизнью и целями. Ни сущность этой массы, ни связующие и действующие силы ее, ни внутренние ценностные критерии, ни присущие ей таланты, достоинства и недостатки так никогда и не обрели ни для нее самой, ни для окружения более или менее определенной и в то же время реальной формы; она была одной из самых расплывчатых, самых аморфных групп даже в знававшей немало бесформенных социальных образований Центральной Европе.

Говоря об этой находящейся в промежуточном состоянии группе, стоит упомянуть и о ее связи с формированием *реформистского* направления еврейской религии. Не мое дело судить о *религиозном* значении этого направления и сущности его религиозного видения. Речь тут ни в коем случае не о том, что оттенок реформизма уже самим своим внутренним содержанием заведомо обречен быть неким переходным, половинчатым состоянием, ибо для многих это весьма и весьма осознанно принятое, ясно и до конца продуманное положение: с одной стороны для тех, кто ищет и находит в нем не облегченную, но проясненную форму еврейской религии, с другой стороны, для тех, кто стремится следовать религиозной этической или интеллектуальной еврейской традиции и при этом жить всей полнотой культурной и социальной жизни окружающего европейского общества и не желает ни евреям вообще, ни, тем более, самим себе, чтобы еврейство вновь превратилось в боевую социально-политическую общность, со всеми вытекающими из этого страстями и превратностями судьбы. Все это может быть позицией вполне возможной и весьма отчетливо выраженной, но главным образом для людей, так или иначе живущих по меркам «духовной элиты». Что же до широких масс, то для них значение перехода к реформистскому направлению заключалось, главным образом, в том, что оно стирает наиболее кричащие черты их принадлежности к еврейству без окончательного разрыва с еврейской общиной. То есть, подобно принятию крещения, служит, в первую очередь, выражению социальных процессов и состояний посредством религиозных обрядов и религиозных категорий: в одном случае полного выхода из еврейской общины, в другом – принадлежности к ней наполовину.

По этим находящимся на полпути массам, при таком окружении и в те исторические моменты, когда положение евреев не выглядело особенно проблематичным или кризисным, трудно было определить – да и сам вопрос не представлял тогда особого интереса, – то ли это вяло ощущающие свою национальную принадлежность евреи, то ли рьяно бросившиеся навстречу ассимиляции правоверные иудеи. Нигде не сказано, что если какая-то группа не причисляет себя четко и недвусмысленно, с большим эмоциональным накалом к какой-либо национальной общности, то это само по себе уже грозит бедой. На свете немало таких мест, как Ближний Восток, например, и сегодня сознанием коллективной принадлежности обращенный к более мелким или иным ее формам и вполне безразличный к государственной власти, которой он, впрочем, без особого сопротивления подчиняется. Да и не на одном только Ближнем Востоке, а даже в более спокойно развивающихся европейских странах тоже существуют группы, чувство коллективной принадлежности которых лишено столь характерного для национального самосознания политического накала, – таковы, к примеру, жители Женевы, Невшателя и Вале, Нормандских островов и Уэльса, Фарерских островов, живущие себе, ни о чем не подозревая, в безмятежном душевном далеке от своего швейцарского, британского или датского государства, гражданами которого являются.

Однако положение евреев даже в самые спокойные времена не было столь прочным, чтобы располагать к безмятежной доверчивости; среди обостряющихся противоречий, в тупиках центральноевропейских наций пространство, пригодное для подобного рода промежуточных состояний, беспрестанно сужалось, положение этого слоя становилось все более критическим, а во-

прос о том, к чему можно причислить его, к чему он готов присоединиться сам и к чему причислят его другие, — все более решающим. И чего только о нем не говорилось, и хорошего и плохого, в зависимости от того, кто куда гнул: приверженцы планомерной ассимиляции видели в нем плотную фалангу нестигаемых патриотов, в суровом своем упрямстве не желающих обращаться с жалобами на антиеврейские меры ни к каким международным форумам, тем паче к еврейским; ревнители формальной либеральной демократии — множество верных принципам, сознательных демократов, призванных сыграть в отсталых Центральной и Восточной Европе роль западноевропейской буржуазии или, по крайней мере, разделить ее с другими; антисемиты — дьявольскую мафию, которая повязывает евреев между собой и одновременно хитро разыгрывает ассимиляцию, чтобы как можно более основательно выпотрошить страну, где она обосновалась; и наконец, взывая все к тем же не оставившим веры отцов массам, сионисты убеждали их открыть в себе дремлющее еврейское самосознание и посвятить себя служению великому делу дальнейшего пробуждения этого национального самосознания и основания еврейского национального государства. В действительности же массе этой было не по силам ни нести, ни воплощать и десятой доли всего того, что взгромодили на нее друзья и враги. Слишком уж изолированно жила она в и без того донельзя раздробленных, самих не имевших общего самосознания центральноевропейских обществах, чтобы общегосударственное национальное самосознание помимо пустых фраз и привязанности к своему непосредственному окружению обладало для нее еще и каким-то иным содержанием; слишком уж недоставало ей уверенности в себе, чувства собственного достоинства и авторитета

в обществе, чтобы не просто образом и уровнем жизни, но и в социальных функциях исполнять роль буржуазии; слишком уж разобщенным, не имеющим ни общего плана, ни собственного лица обществом была она для того, чтобы последовательно вести ту дьявольскую игру, которую приписывали ей антисемиты; и наконец, слишком осторожной, почтительной, ищущей благополучия и не чуждой некоторого снобизма, чтобы включиться в столь патетическое движение, как сионизм.

Проблема совокупной ассимиляции еврейства

ИМЕННО перед этой находящейся в промежуточном состоянии массой и встает по-настоящему *проблема* ассимиляции и еврейского самосознания. Привычный вопрос о том, возможна ли ассимиляция и возможно ли особое еврейское самосознание, звучит нелепо и бессмысленно, если всерьез обращаться с ним ко всему еврейству в целом, включая и индивидуально ассимилирующихся, и сознательно сохраняющих свое еврейство евреев – а почему бы, собственно, не быть возможным хоть одному, хоть другому? Однако тот же вопрос сразу же обретает реальность и смысл, будучи обращенным к этой находящейся в промежуточном состоянии массе, ибо тут налицо и признаки, и едва преодолимые трудности обеих возможностей сразу. Все несчетные и бесполезные доводы в опровержение самой возможности ассимиляции или еврейского национального самосознания, на самом деле черпаются именно из противоречий этой аморфной, пребывающей в промежуточном состоянии массы, ибо наибольшая доля всего материала словес, идей и аргументов, относящихся к положению еврейства, рассчитана как раз на нее. Под-

линейная же проблема в отношении этой массы заключается в том, возможна ли, была ли, есть ли, будет ли когда-либо среди них *глобальная ассимиляция*, можно ли ожидать, что говорящее на языке окружения и отказавшееся от строгого ритуала еврейство в целом ассимилируется, сохраняясь при этом как общность, причем такая общность, значение которой сведется к сохранению определенных традиций происхождения, религии, ритуала. Примеров тому можно найти немало: в свое время в Европе было множество некогда живших полностью обособленной жизнью ритуальных общин, значение которых по мере секуляризации свелось к чисто религиозной сфере. Католики в Англии и в Голландии, протестанты во Франции и в Венгрии, мусульмане в Югославии за последние сто лет или прямо у нас на глазах из чуть ли не этнически замкнутых общин превращаются в сугубо религиозные общности, сохраняющие некоторые характерные особенности стиля жизни. Или обратимся к примеру этнически далеких от венгров трансильванских армян – за двести лет от их некогда полной обособленности осталось всего-навсего несколько расхождений в литургии и церковной организации. Правда, иудейское вероисповедание и в те времена было фактором, предопределявшим обособление куда более резкое, чем в приведенных примерах, ибо тут религиозный и этнический элементы переплетены между собой еще теснее, а тенденция к самоизоляции выражена еще резче, и хотя у других религиозных общностей наряду с чисто религиозными аспектами традициям социального, группового и этнического единства тоже принадлежит немалая связующая роль, в еврейской религии – еще и в силу ее принципиального и исторического содержания – пропорция чисто религиозных и групповых связующих элементов настоль-

ко сдвинута в направлении групповых, что иудейское религиозное сознание независимое от еврейского группового осознания себя (как ритуальной общины, национального меньшинства) попросту невообразимо. Это, уж во всяком случае, замедляет процесс совокупной ассимиляции, в значительной мере ставя его в зависимость от компактности проживания еврейства, от различных общественно-политических и духовных течений – собственных и окружения, а также от всякого рода исторических превратностей. Замедляет, но не исключает, как мы наблюдаем это в странах с более спокойным развитием, или в провинции, и вообще повсюду, где еврейство живет со своим окружением в мире и стабильности. В то же время современный антисемитизм, современные преследования евреев, современное еврейское самосознание, вместе взятые, влияют в одном и том же направлении: благодаря им общность евреев, в том числе и ее реформистская ветвь, означает для них нечто гораздо большее, спланирует и душевно роднит их сильнее, чем в наш секуляризованный век это было бы под силу обычной религиозности. Теми же самыми факторами обусловлено и появление, в особенности вслед за вспышками антисемитизма и преследований, типа *диссимилированного* еврея, то есть человека, который, уже будучи более или менее успешно ассимилированным, перенес такие потрясения, которые сломили его порыв к ассимиляции, заставили усомниться в самом ее смысле, не обратив при этом вспять, к еврейскому самосознанию. Так в силу злополучных обстоятельств для немалого числа евреев это состояние взвешенности между принадлежностью к исходной общности и ассимиляцией – этот естественный побочный эффект всякой ассимиляции – не просто затянулось, но и упрочилось.

Таким образом, утверждать, что совокупная ассимиляция евреев повсюду потерпела или рано или поздно потерпит неудачу мы не можем, вот только вероятность ее успеха уменьшилась и оптимизма в этом отношении по вине известных обстоятельств, в особенности в Центральной Европе, признанно или непризнанно, но поубавилось как среди евреев, так и среди окружения. Так что мы вынуждены заключить, что вся масса находящегося в промежуточном состоянии еврейства в последнее время получает слишком мало импульсов, как изнутри, так и извне, которые, при сохранении этого состояния, наполнили бы ее надеждой на медленную и постепенную адаптацию к окружающему миру. Куда более она подвержена таким импульсам, которые ставят ее перед альтернативой безоговорочной ускоренной ассимиляции с еврейской общностью или открытого признания себя национальным меньшинством. Только теперь мы начинаем понимать, что означает положение о том, что полная ассимиляция евреев возможна лишь через принятие крещения. Сразу же отметим, что шагом, приравняемым к принятию крещения в этом смысле является и «обращение» в коммунизм или свободомыслие, не имеющие никакого отношения к религиозным конфессиям, так что акцент тут не на принятии христианства, а на отходе от еврейской религиозной общины. Положение это, даже в таком его понимании, *ошибочно*, верно, однако, то, что при нынешних центральноевропейских обстоятельствах оставаться в еврейской религиозной среде значит быть безусловно предоставленным таким коллективным влияниям, таким требованиям солидарности и в то же время таким возможным проявлениям неприятия со стороны окружения, в свете которых принадлежность к еврейству легко ощутима

конкретной, исполненной живых впечатлений, а принадлежность к окружающей нации – бессодержательной и фиктивной. И в этом отношении принципиальная разница, осознает ли себя сам еврей членом организованной религиозной еврейской общины или, нигде не состоя, относится к своему еврейству просто как сведению о происхождении. За долгие годы господства расовой теории, одинаково подходившей к евреям по происхождению и евреям по вере и одинаково обращавшейся и с теми, и с другими, мы отвыкли адекватно расценивать эту разницу. Можно оставаться – и таких тысячи – привязанным к своему иудейскому вероисповеданию венгром, румыном, кем угодно; что же до их потомства, то в этих краях, где всегда беспокойно, в каждом новом поколении сызнова начинается борьба за душу каждого подростка и каждому из них рано или поздно приходится выбирать, что для него на первом месте – общность еврейского меньшинства или окружающая нация. Это не означает, что масса пребывающих в промежуточном состоянии в ближайшем будущем в ускоренном темпе рассосется в направлении двух других возможностей; и уж никак не означает, что это расщепление позволительно торопить, навязывать или вынуждать какими-либо акциями, тем более государственными мерами. Вероятно, оно будет протекать медленно, и черты, присущие промежуточному состоянию, будут возникать снова и снова, однако вероятно и то, что исподволь они перестанут быть непременно характерным побочным явлением общественного положения еврейства.

Возможность и проблемы еврейского самосознания

ПОДОБНО тому как невозможно оспаривать то, что ассимиляция возможна и существует, бесспорно и то, что самосознание национального меньшинства тоже, возможно, и существует. Говорящее на идиш восточное еврейство, как вообще еврейство, оставшееся в замкнутости ритуальной общины, в большинстве своем восприняло свое положение именно таким образом и в ходе формирования современных наций выступило и выступает именно в роли национального меньшинства. Помимо этого сионисты – по аналогии с ирландцами, тоже говорящими на чужом языке, но обладающие собственным национальным самосознанием – стремятся возродить иврит, мертвый язык древнего еврейства, и в Палестине это действительно имеет будущее, и не потому, что свой особый язык – такое уж непреложное условие, а из-за многоязычия съезжающегося еврейства. Но и у освоившего языки окружающих наций еврейства тоже вполне хватает всего – нередко всего необходимого, кроме языка, – чтобы развить в себе особое национальное самосознание, самосознание национального меньшинства. Еврейское религиозное сознание во все времена было многократно пронизано национальными элементами и, стало быть, во всех тех, в ком оно живо, может – по мере убыли социальной связующей силы религиозного фактора – естественно сформироваться вступающее на его место национальное самосознание. И, наконец, обратимся к тем, в ком ощущение принадлежности к еврейской общности пробудили дискриминация, унижения и преследования: им с самого начала принадлежала своя роль в формировании национального самосознания и сионизма, и нацистские преследования недавнего прошлого послужили еще более сильным

толчком в этом направлении. Ну а осознано бы себя еврейство как нацию или как национальное меньшинство или нет, возник бы сионизм или не возник, не будь современного антисемитизма и преследований – судить трудно, да и особой нужды в этом нет; лично я дал бы тут утвердительный ответ, потому что в еврейской общности действуют – пусть и не всякий подвержен им – такие связующие факторы, которые вряд ли превратятся когда-либо в поблекшие воспоминания, дань обрядам и теологии. Но в каких бы пропорциях ни смешивались в еврейском самосознании еврейская традиция и еврейские страдания, это национальное сознание *сегодня*, бесспорно, налицо в самых широких массах как в самом Израиле, так и за его пределами. Неравномерность социального и профессионального положения еврейства не препятствует этому особому еврейскому самосознанию – трудностями оно может обернуться в процессе его преобразования в полноценное общество, государство, но ничто не мешает евреям быть носителями особого самосознания национального меньшинства.

В этой связи я не нахожу, что движение в направлении бесклассового общества могло бы решающим образом затронуть саму возможность особого еврейского самосознания, одним лишь своим фактом превращая ассимиляцию в безальтернативный, сам собой разумеющийся путь развития. Естественно, в условиях гармоничного бесклассового общественного строя все те патологические явления, из-за которых еврейский вопрос и антисемитизм разрастались в первостепенные социальные проблемы, отомрут, и односторонность занятости еврейства тоже сможет исчезнуть. Такого рода равновесие, несомненно, более благоприятно для ассимиляции, чем мир тупиков общественного развития с их заблуждениями и искусственно обостренными про-

тиворечиями. Но как бы ни были мы правы, говоря, что антисемитизм – патологическое побочное явление тупиковых ситуаций общественного развития, не менее очевидным заблуждением было бы с той же уверенностью утверждать, что еврейское самосознание – тоже патологическое явление, которое с установлением бесклассового общества утратит смысл и содержание. Уместно предположить, что внутреннее равновесие бесклассового общества устранит угрозу для человека быть объявленным евреем не по своей воле, а стало быть, и вероятность того, что он придет к еврейскому самосознанию под влиянием гонений, но само по себе это еще не лишает смысла и содержания добровольно и спонтанно ощущаемое еврейское самосознание и оставляет открытой возможность выбора между ассимиляцией и еврейским самосознанием в соответствии с личными предпочтениями.

Еврейское самосознание не означает неперемennого стремления переселиться в Палестину и даже явно выраженной сионистской позиции, то есть поддержки, хотя бы издали, идеи еврейского государства. Общность еврейского меньшинства возможна и без еврейского государства, равно как и основание еврейского государства вовсе не обрекает всех евреев за его пределами на роль национального меньшинства. Хотя несомненно, что в формировании особого еврейского самосознания и преобразовании еврейской общности в национальную решающие роль и стимул принадлежат стремлению основать еврейское государство – без него еврейскому самосознанию недоставало бы изрядной доли коллективного пафоса и размаха. И с этой точки зрения решающим поворотом, причем поворотом, совершившимся в чрезвычайно тяжелых обстоятельствах, стало образование Израиля: с ним еврейское государство из мерцающей в недосягаемой дали идеи превратилось в реаль-

ность, и теперь ему суждено погибнуть или развиваться. Сейчас еврейству предстоит приобрести способности, навыки и достоинства, необходимые, чтобы обустроить и поддерживать государство, со всеми вытекающими из этого превратностями и платой за обучение, причем происходить это будет не в терпеливом и благожелательном окружении, а в атмосфере более или менее явно выраженных разнонаправленных интересов и нежелания большей части тех сил, от которых зависит судьба нового государства, и это вдобавок ко враждебности непосредственного арабского окружения.

И хотя пока еще мир чувствует себя перед евреями в долгу, трудностей и интересов, работающих против основания еврейского государства вполне хватает, чтобы тот же мир в лице международного общественного мнения с готовностью принял их за доказательства того, что начинание успеха не сулит. С еврейской стороны тоже немало такого, что в совокупности умножает трудности основания государства, начиная с не свыкшегося в достаточной мере населения, профессионального однообразия, повсеместной зачаточности навыков, необходимых в государственных делах и кончая тем душевным состоянием, в котором, пройдя сквозь неисчислимые страдания, евреи склонны полагать, что теперь дело всего мира – платить долги, а спрашивать с них никто не вправе. Исходя из всего этого, делу основания еврейского государства, по всей вероятности, в ближайшее время предстоит пережить не один критический момент, что, в свою очередь, даст толчок еврейскому самосознанию во всем мире. В перспективе, однако, и это не опровергает нашего предположения, скорее даже, уверенности в том, что самостоятельное еврейское государство в той или иной форме укрепитя, и что еврейское самосознание в мире тоже сохранит или обретет конкретные очертания.

Из всего этого, однако, не следует, что еврейство, осознавшее себя в качестве национального меньшинства, отгородится от общественной жизни страны в степени, характерной для насильственно присоединенных или по какой-либо иной причине враждебных меньшинств. И уж тем более не следует, что большинство в стране станет навязывать кому бы то ни было самосознание еврейского меньшинства, отказывать кому бы то ни было в участии в общественной жизни страны или ограничивать это участие делами меньшинств. А следует из этого, что еврейское самосознание будет выражаться более открыто и непредвзято, а носители его будут ясней держаться собственных интересов и требований, называть и позволять называть эти интересы и требования еврейским делом, формулировать разницу между собой и ассимилирующимися и желающими в качестве ассимилированных принимать участие в общественной жизни страны. Исходя из этого, окружение, со своей стороны, тоже сможет говорить и судить о еврейских интересах, еврейских требованиях, еврейском самосознании более беспристрастно, без извечной оглядки на находящиеся в промежуточном состоянии, когда о таких вещах можно говорить если не в антисемитском ключе, то исключительно вокруг да около.

После уяснения всего этого весьма бесплодным представляется тот спор, который ведут между собой евреи сторонники планомерной ассимиляции, с одной, и сионизма или роли национального меньшинства, с другой стороны, относительно «правильности» той или другой точки зрения, где каждая из сторон пребывает в уверенности, что окончательного успеха на своем пути она сумеет добиться, лишь загнав противоположную в собственный лагерь и, чего бы то ни стоило, убедив оную, насколько та заблуждается. Особенно упорны привер-

женцы ассимиляции, которые полагают, что все эти разговоры о сионизме и выпячивание еврейского самосознания годятся лишь на то, чтобы вставлять палки в колеса ассимиляции и давать окружению лишний повод для дискриминации евреев. Такое мнение ошибочно в корне. То, что всерьез мешало избравшим ассимиляцию со стороны остального еврейства как до возникновения сионизма, так и с его усилением, исходило не от приверженцев еврейского самосознания, а от находящихся в промежуточном состоянии, увязших в нем масс: все веские доводы, могущие заставить усомниться в возможности и основательности ассимиляции, черпаются именно в их среде. Вынуждая все большую часть этой массы занять определенную позицию, сионизм и сторонники еврейского самосознания не затрудняют условия и возможности и пути ассимиляции, а напротив, проясняют их и облегчают. Стало быть, само противопоставление этих двух точек зрения бесплодно, и никакими спорами их «правильность» не определить, ибо это не вопрос правильности, а вопрос душевной привязанности, склонности, намерений и конкретных возможностей. Часть евреев ассимилировалась или ассимилируется в будущем, другая часть осознала себя нацией или национальным меньшинством или придет к этому в будущем; в более спокойной обстановке большинству будет понятней и проще первая, в более напряженной – вторая возможность, и при этом будет сохраняться множество явлений, присущих состоянию промежуточному между этими двумя. Так что рано или поздно и евреи, и окружающий их мир вынуждены будут признать, что никому нельзя, хотя бы даже средствами морального принуждения, навязывать ни той, ни другой альтернативы, объявляя таковую единственно возможной.

*Условия ассимиляции евреев в Венгрии:
ложь и противоречия*

ИСТОРИЯ ассимиляции евреев в Венгрии как нельзя лучше подтверждает, что, сколько бы трудностей ни коренилось в психологическом и общественном положении еврейства и его отношениях с окружением, решающим фактором, способным облегчить или затруднить ассимиляцию, является внутренний порядок и равновесие самой *ассимилирующей общности*. Те же нарушения социального развития, что сыграли столь роковую роль в формировании антисемитизма, в особенности, в Центральной Европе, более всего повинны и в том, полном неискренности и противоречий, положении, которое сложилось как в коллективном подходе к ассимиляции, так и в ее социальной практике. Вся лживость и противоречивость этого положения и внутренняя лживость центральноевропейской демократизации, буржуазного развития и либерализма имели одну общую причину: считалось, будто достаточно нескольких половинчатых конституционных баталий и реформирования некоторых институтов взамен провалившихся революций – и социальное развитие само пойдет по европейскому пути; причем сторонники этого мнения старались не замечать, что в полной неприкосновенности остаются все те, построенные на человеческом неравенстве, социальные структуры, социальные теории и социальная практика, падение которых является предпосылкой всякого буржуазного развития, всякой демократизации, всякого установления социальной справедливости и, наконец, всякой эмансипации евреев, обычно открывающей путь к ассимиляции.

Но, пожалуй, ни в одной другой стране Центральной или Восточной Европы сама ассимилирующая общность

не пребывала в таком внутреннем разладе, а дело ассимиляции евреев не было настолько отягчено ложью и противоречиями, как в Венгрии. Иными словами, изначально нечестными были сами условия, по которым венгерское общество ассимилировало, вернее, обещало ассимиляцию, обманывая и себя, и ассимилирующихся. Себя – потому что соединило дело ассимиляции евреев с великой иллюзией венгерской политики девятнадцатого столетия – мечтой об укоренении венгерского языка по всей территории исторической Венгрии. Тем самым центр тяжести всей проблемы с фактического социального процесса ассимиляции переместился на демонстративный отказ от языковой обособленности и политического сепаратизма; вот почему и повелось с тех пор понимать ассимиляцию не иначе, как освоение ассимилируемым венгерского языка, впрочем, тоже не обязательное, лишь бы при переписи населения человек назвался венгром. Потому-то и приветствовало столь горячо венгерское общество времен миллениума [25] любые признаки истолкованной таким образом ассимиляции, в первую очередь, действительно шедшей городской ассимиляции евреев и немцев, что они укрепляли его в тщеславных надеждах, будто такого рода «венгеризация» всей страны – вопрос каких-нибудь десятилетий. В действительности же языковая ассимиляция иноязычных крестьянских масс, от территориального размещения которых решающим образом зависело сохранение исторической Венгрии, по-прежнему оставалась делом безнадежным, а ассимиляция городских евреев и немцев в аспекте сохранения исторического государства ровным счетом ничего не значила. Зато празднование ассимиляции возымело несомненное вдохновляющее воздействие на и без того склонных к ней немцев и евреев, укрепив в их сознании – невообразимом в случае на-

стоящих, внутренне уравновешенных общностей и ассимиляции с таковыми – представление о том, что ассимиляция – не *фактический* процесс, в котором заинтересованы прежде всего сами ассимилирующиеся, а некий чрезвычайно важный, достойный всяческих похвал и признания нравственный, угодный нации поступок. Так, даже в массе своей делавшие в ассимиляции свои первые робкие шаги городские немцы и евреи Венгрии превратились в программных ассимилянтов, а ассимиляция, как нигде и никогда, вне всякой зависимости от ее реального протекания, стала единственно возможной и обязательной задачей всех их религиозных, общественных, культурных и прочих организаций. Не зря так раздраженно именовали Венгрию кладбищем германского духа немецкие ревнители его величия, не зря считали сионисты венгерских евреев самыми заядлыми и неисправимыми ассимилянтами.

Однако рано или поздно должно было стать ясно, что условия понятой таким образом ассимиляции заведомо ложны и что в итоге, помимо самое себя обманывающей страны, не менее обманутыми окажутся и сами ассимилянты. Особенно характерно это было для евреев, ибо как ни был широк круг, в котором протекала их подлинная ассимиляция, тем не менее и после того, как было отпраздновано освоение ими языка и признание себя венграми при переписи населения, они по-прежнему оставались в той же самой, на редкость замкнутой социальной среде, пребывая в том же промежуточном состоянии, что и раньше, перед теми же самыми внутренними и внешними барьерами, трудностями и предрассудками на пути к ассимиляции, что и повсюду в мире. А в некотором отношении еще и перед большими. Зная все это, мы не можем не счесть поверхностными повторяемые с большей или меньшей запальчивос-

тью заключения о причинах несостоятельности ассимиляции евреев: что-де характерные особенности ассимилированных евреев слишком уж отличаются от характерных особенностей венгров, что, отвергая на словах существование особой еврейской общности, они продолжают держаться сообща и сохраняют сознание своих особых интересов, что слишком уж рьяно принялись они осваивать пространство в экономической, политической и духовной жизни страны.

Что касается отжествления с *национальными особенностями*, то мы уже говорили о необходимости делать различие между инстинктивными, бессознательными или ставшими таковыми чертами физического склада, темпераментом, этническими особенностями, с одной, и коллективными формами поведения и ценностными критериями, с другой стороны, указав при этом, что успех ассимиляции решается не в сфере ставших инстинктивными черт, а в сфере коллективных форм поведения и критериев. Что же до достаточно заметно выраженных венгерских черт, то они скорее принадлежат к сфере инстинктивного и этнического – в физическом складе, темпераменте, темпе жизни, жестах, музыкальности венгров, пусть неоднозначно и расплывчато, но вырисовывается определенный профиль, хотя он существенно проще чем, скажем, намного более сложный французский или британский. Правда, и эти черты принято подвергать сомнению: венгры будто бы народ заведомо смешанный; однако уместно возразить, что ко времени прихода венгров на нынешнюю территорию или вскоре после него тогдашние составляющие уже успели перемешаться до полной неразличимости в непосредственном этническом опыте и сознании, и только науке впоследствии удалось их раскопать, тогда как более поздние вкрапления – славян, немцев, евреев – обнаружи-

ли такие различия в типах, темпераменте, жестах, которые стали частью этнического опыта и массового сознания. Кроющиеся в них «беспочвенные обобщения» невинны до тех пор, покуда мы помним, что они не имеют социально-политического значения. Беда, однако, в том, что как раз в сфере групповых форм поведения, обычаев, дисциплины, где, собственно, и происходит ассимиляция, венгры *сегодня* являют собой одну из наиболее расплывчатых, точнее, утративших за последние сто лет свои очертания общностей Европы, и если ранее у нее и были собственные коллективные формы и критерии ценностей, то в социальных потрясениях, сопутствовавших преобразованиям новейшей истории, они не выдержали испытания на прочность, и последним поколениям досталась в наследство уже полная неразбериха. Причем отнюдь не из-за слишком частых ассимиляций крупных масс, а как раз наоборот – потому и было в этих ассимиляциях – как почти во всем, что происходило в Венгрии за последние сто лет, – столько путаницы, излишеств и противоречий, что не оказалось здесь такой коллективной системы методов, оценок и форм, с которой вообще можно было бы ассимилироваться.

Вот почему венгерское общество ассимилировало куда более своими декоративными и формальными элементами, чем коллективным, нравственным, духовным началом, самым образом жизни, и вся та ассимиляция, что происходила здесь, большей частью была не ассимиляцией с венгерской нацией вообще – такой-то в этом смысле и в самом деле не существовало – а с ее различными классами, институтами, отдельными его группами, движениями, идеалами. Особенно нездоровым проявлением этого смешения понятий явилось то, что после распада осознанной, организованной стороны коллективного характера многие, в поисках критериев

ценности и меры ассимиляции, во спасение своей общности от ставшего уже хроническим кризиса, от утраты точки опоры и ориентиров, за неимением лучшего, обратились к его инстинктивным слоям – к темпераменту, темпу жизни, музыкальности, манере изложения и речевым особенностям, дабы с их помощью выявить венгерскую или невенгерскую сущность того или иного произведения, автора, программы.

Общественная жизнь от этого никак не становится здоровей, зато ассимилированные и желающие ассимилироваться, естественно, оказываются в незавидном положении – им-то такие особенности темперамента и жестов даются с трудом, да и ни к чему. Хуже ассимилированными они от этого не становятся, и все же такое превратное толкование их ассимиляции отчасти нарушает сам ее процесс, да и в самих ассимилянтах тоже вызывает всякие нездоровые реакции. Оптимистический период ассимиляции побуждает некоторых желающих ассимилироваться изо всех сил имитировать всевозможные внешние атрибуты принадлежности к «коренной» нации, что в проявлениях своих, скорее, вызывает улыбку. Спорный же период отступлений, напротив, повергает ассимилирующегося в такое душевное состояние, когда всякое выпячивание национального, всякое упоминание «истинных мадьяр», один лишь вид шитого тесьмой кафтана вызывает у него вспышки непомерного раздражения, воспринимается им как злонамеренный акт дискриминации, оскорбления, отторжения, и он несколько детски полагает, что от этого легче всего защититься, доказав, что венгры – народ заведомо смешанный и что венгерских особенностей как таковых вообще не существует в природе. На что окружение, естественно, реагирует не менее раздраженно. Такого рода проявления и дали в свое время Деже

Сабо повод к далекому от снисходительности, напротив, очень даже язвительному остроумному предположению, как из такта к еврейской чувствительности будет запрещено предвзятое деление на пинчеров и такс и вменено обязательное употребление единого понятия «собака».

Что же до кроющейся за ассимиляцией еврейской солидарности, то, как мы уже говорили, она, естественно, существует, и сама по себе ассимиляции не помеха. Решающим на самом деле явилось состояние распада всех форм и критериев венгерского общества; именно оно стало той самой подходящей питательной средой, где различные общественные отношения, политические программы, столкновения интересов, духовные течения определялись не одним лишь своим подлинным принципиальным содержанием, а всегда как бы имели всем известную, хотя и не обсуждаемую вслух подоплеку, которая во всевозможных вариантах искажала их, превращая то в дело евреев, то в дело тех, кто их не любит. В этом смысле кроме еврейской солидарности существует еще и встречная солидарность окружения, причем и те, и другие полагают или утверждают, что солидарность противоположной стороны прекрасно организована, а собственная не срабатывает даже там, где надо бы, — на деле обе они «организованы» не слишком, однако при случае и та, и другая срабатывают вполне. Главное во всем этом, однако, не наличие, сила или успех той или иной солидарности, а бессилие и разобщенность самой общности, допускающей, чтобы столь жгучие для нее вопросы, как солидарность нации и универсальный гуманизм, уважение к традициям и необходимость радикальных преобразований попали в зависимость от таких, как-никак второстепенных с точки зрения единого целого, вопросов, как что по этому

поводу рады бы слышать евреи и что ласкает слух тех, кто их недолюбливает. Общность, живущая подлинной внутренней жизнью, никакой группе не позволила бы подобного обращения с вопросами собственных ценностей.

Ко всему прочему надо отметить, что в большинстве случаев, когда окружение свято убеждено, что уж тут-то в поведении евреев явно «проглядывают», «выдают себя» или «берут свое» еврейская солидарность и еврейский интерес, обнаруживаются не интересы еврейства и его солидарность, а естественная самозащита ассимиляции и ассимилированных, вынужденная заявлять о себе тем сильнее, чем более спорно и ненадежно их положение, чем менее однозначны условия их ассимиляции и личная безопасность, чем явственней угроза того, что антисемитское окружение ведет среди них счет евреям по происхождению, оспаривает подлинность их ассимиляции и словом или делом отсылает их обратно к еврейской общности. Все, кого антисемитизм затрагивает подобным образом, даже если это уже не евреи, все равно неизбежно «пристрастны», не в том смысле, что причастны к еврейской общности, а в том смысле, что не могут относиться к этой теме беспечно, не может она не задевать их, не интересовать. Нам не раз приходилось видеть это в недавнем прошлом, когда антиеврейское законодательство, все больше расширяя круг, загоняло обратно в еврейские страдания уже полностью ассимилированных, евреев лишь наполовину или на четверть, пробуждая в них одни и те же реакции, одну и ту же настороженность, одну и ту же ранимость. А окружающее венгерское общество – и не только в своей нацистски настроенной части – порой оказывалось столь слепо и бесчеловечно, что подмечало в этих реакциях «настороженности» и «ранимости», прямо следовав-

ших из *ситуаций* преследования, «выдающие себя» расовые *особенности*, поразительные подтверждения расовой теории.

И, наконец, что касается еврейской экспансии в политической и духовной жизни страны, то она находилась в прямой связи с застоем в развитии венгерского общества, вследствие которого его низшие классы, и прежде всего венгерское крестьянство в своем большинстве, целиком увязли в феодально-аристократических структурах, в то время как и венгерские немцы, и евреи изнутри являли собой свободные от феодальных элементов, по существу, буржуазные общества. И если внутри этих обществ в своем продвижении вверх крестьяне и пролетарии наталкивались, в первую очередь, на присущие буржуазному обществу препятствия материального характера, то над выходцами из нижних классов венгерского общества в их продвижении вверх, помимо материальных трудностей и независимо от них, тяготел еще и феодально-аристократический уклад с присущими ему рефлексам. Эта разница и обусловила явление, которое было отмечено как еврейская и немецкая экспансия и в котором энергия завоевателей была второстепенна в сравнении с независимым от нее кризисом самого пространства завоевания – венгерского общества.

К рубежу веков на поверхность исподволь начала всплывать вся внутренняя ложь венгерских условий ассимиляции. Именно тогда, по мере углубления политического тупика, в котором Венгрия оказалась в результате Соглашения, и начали – вслед за законами, регулирующими отношения церкви и государства, и эмансипацией евреев – выдыхаться опиравшиеся на традиции 1848 года венгерский либерализм и демократизм. В обществе, все более трепетавшем перед распа-

дом исторического государства, евреи, с характерным для них стремлением к ассимиляции и демократизмом, все более оказывались в изоляции, а после крушения, последовавшего за Первой мировой войной, после октябрьской революции, пролетарской диктатуры [26] и Трианонского мира заключенный на изначально ложных условиях «договор» национального общества и ассимилирующегося еврейства распался уже бесповоротно; сформировалась политическая конструкция контрреволюции, теперь уже со всей определенностью, в открытую исповедовавшая связь между национализмом, антидемократизмом и антисемитизмом, с одной, и демократией, отсутствием национальных корней и еврейством, с другой стороны. И тут внезапно оказалось, что у выучивших венгерский язык и признавших себя во время переписи населения венграми евреев в подавляющем большинстве своем не оказалось способной принять и защитить их общности, которая устояла бы и после того, как могущество прежних принципов и абстракций ассимиляции пошатнулось. Правда, официальные представители евреев по-прежнему продолжали придерживаться старого договора, но широкие их массы уже переживали открытое и грубое – особенно в контрасте с обстановкой времен празднования тысячелетия основания государства – отторжение, уже ощутили свою отверженность, что на практике резко сузило социальную среду ассимиляции. Все усилия официальных еврейских организаций и их лидеров были направлены на то, чтобы едва скрываемое вытеснение не стало явным, чтобы слово «еврей» не прозвучало официально. С первым законом о евреях свершилось и это.

Лживость и бесчестность венгерских условий ассимиляции во всей своей остроте предстали в абсурде одного из последних эпизодов еврейской трагедии: во

время переписи населения 1941 года, когда евреи в Венгрии познали уже не только дискриминацию и издевательства, но, в особенности на вновь присоединенных территориях, преследования и угрозу жизни в буквальном смысле слова, венгерское правительство, дабы «улучшить пропорции» численности закарпатских венгров, всячески увещевало тамошних евреев, в основном обладавших еврейским самосознанием и в большинстве своем даже говоривших на идиш, указывать в качестве родного языка венгерский и записываться этническими венграми; три года спустя исполнительная власть, мало чем отличавшаяся от предшествующей, без сопротивления выдала тех же самых людей, что сошли за венгров при переписи, всех, до последнего младенца, гитлеровской машине массовых убийств.

IV

ОБСТАНОВКА СЕГОДНЯ

ТЕПЕРЬ, после того, как мы попытались проанализировать коллективные отношения еврейства и окружающего общества в целом, и в особенности факторы и составляющие враждебного отношения к еврейству, можно окинуть взором ту обстановку, что сложилась в Венгрии после освобождения. В первую очередь нам надлежит рассмотреть, какое воздействие оказали отшумевшие преследования на самих преследуемых и какое место заняли они в венгерском обществе после произошедшего.

*Еврейская ассимиляция, еврейское самосознание
и еврейская раздвоенность после 1944 года*

СЕГОДНЯ в память подавляющего большинство евреев впечатаны вещи, самым решающим образом затрагивающие их отношение к венгерской нации, к венграм как к общности. При определении сегодняшнего положения евреев в обществе, помимо того, каково было их социальное положение и отношение к ассимиляции в прошлом и в настоящий момент, решающую роль играет еще и то, какой опыт вынесли они из недавно пережитых преследований, затмивших собою всю их прежнюю

жизнь: от того, как и чему были сопричастны они, насколько были предоставлены самим себе.

В этой связи среди евреев по принадлежности или по происхождению довольно велика оказалась доля людей, которые или в силу полной своей ассимиляции, или благодаря своему участию в движении сопротивления, или просто потому, что им посчастливилось выйти из преследований физически и душевно здоровыми несмотря на перенесенные страдания, а порой и, наоборот, именно в страданиях обрести душевное умиротворение, оказались способны жить дальше в национальной общности без разлада с нею. Среди них выделяются те, кто пережил преследования вдали от страны, но не в отрыве от нее; чем раньше они ее покинули, тем сильнее контраст их беспристрастной ассимиляции с изнуренностью и душевным напряжением здешних. Однако и многим оставшимся дома теперь, когда можно уже отбросить за ненадобностью навязанные извне однозначность интересов и готовность к самозащите, тоже без особого труда удалось восстановить нормальное отношение к общности. К ним принадлежат и старые борцы рабочего движения, сумевшего остаться единственно действенной ассимилирующей средой, а также те, кто из самых чистых побуждений присоединились к нему недавно и в плавильном котле совершающихся под его руководством социальных преобразований со всей страстью работают над созданием нового общества. Таким образом, число людей, чья ассимиляция сохранилась неизменной или наполнилась новым содержанием, оказалось все же большим, чем можно было бы ожидать во времена преследований, хотя, по всем признакам, большинство составляют не они.

Для другой, по всем признакам, большей части евреев, познавших чувство брошенных на произвол судьбы,

которое неизменно сопутствовало им во время преследований и депортации, во всех мытарствах и утратах, через которые им пришлось пройти, уже само представление об этой стране как о доме, о родине оказалось сомнительным или утратившим содержание; в самых тяжелых случаях это чувство обернулось полным отчуждением к стране и ее большинству. Однако всестороннего усиления еврейского самосознания, как следствия преследований, в той мере, в какой того ожидали сионисты и многие другие, не произошло; скорее, различные прежние групповые конфликтные ситуации и психологически, и социально стали куда более напряженными. В итоге очень многие не просто не прониклись идеями сионизма, но встречают призывы подобного содержания с раздражением и протестом, особенно, когда они исходят от неевреев; порой одного произнесенного вслух слово «еврей» уже достаточно, чтобы вызвать у этих людей вспышку возмущения, и если уж возникает нужда в наименовании, они охотней заменяют его такими выражениями как «депортированный», «трудоотвец», «бывший преследуемый на расовой почве» и пр. Причем в противоположность тому, как дело обстояло в недавнем прошлом, упор тут отнюдь не на желании обойти само упоминание принадлежности к еврейству, ибо, благодаря генеалогическим изысканиям нацизма, сегодня в своем кругу о своем еврействе или еврейском происхождении свободно говорят даже те, кто раньше этого избегал; точно так же это вошедшее сегодня в привычку стремление обойти слово «еврей» не имеет ничего общего и с оптимистическими взглядами на ассимиляцию времен миллениума, потому что те, кому оно присуще, на попытки некоторых по старой привычке напомнить им в об их принадлежности к венгерской нации и вытекающем из этого долге, отвечают

не менее же раздраженно, если не отмахиваются. И дело тут вовсе не в том, что не желающие быть особым еврейским меньшинством предпочли бы быть венграми и наоборот, а в том, что тысячи и тысячи людей потому не выносят громких фраз о своей принадлежности к венгерской нации, что по их преобладающему опыту страна эта преследовала их или, по меньшей мере, выдала преследующим, и о принадлежности к еврейской нации соответственно – ведь за это-то их и преследовали, и издевались над ними, и слишком еще свежа в них память о том, что когда заводят разговоры о евреях, то и дискриминации, и преследований ждать недолго.

Так что эти люди вовсе не пребывают где-то на полпути, в промежуточном состоянии между ассимиляцией и еврейским самосознанием – их идентичность находится в кризисном состоянии разлада и с тем, и с другим. Относиться к окружению и к стране аполитично, как прежде, они уже не могут: любой имеющий отношение к общности вопрос обретает для них еще и свое особое значение, в зависимости от того, как он соотносится или ассоциируется с лозунгами, событиями, акциями минувшего и всем, что с ними связано. Выход своему напряжению они находят, политизируя ассимиляцию, делая ее условной, зависящей от того, насколько серьезно гарантирует та или иная политическая система то, что преследования больше не повторятся. Два политических направления обладают в этом отношении достаточной привлекательностью. Одно из них – это левое рабочее движение, отвергающее любые различия на расовой основе и национальный изоляционизм, другое, распространенное в более узком кругу, – это консервативный буржуазный либерализм, обещающий безусловную неприкосновенность имущества. И то и другое, однако, вынуждает присоединившихся всерьез пересту-

пить через чисто еврейские аспекты: рабочее движение считается и с антисемитскими течениями, если они направлены против капитализма, и безразлично к опасности, грозящей еврейскому капиталу, консервативный либерализм, берущий под защиту имущество, в условиях нынешней Венгрии волей-неволей притягивает к себе и такие контрреволюционные силы, которые помимо всего прочего достаточно заражены антисемитизмом.

Те, о ком мы говорили до сих пор, хотя внутренне так и не сумели окончательно примириться со страной, тем не менее решение своих личных и общих проблем так или иначе ищут внутри нее и нации; с другой стороны, мы видим тех, кому, даже если они и не были раньше особенно сознательными членами еврейской общности, эта страна и ее общность под влиянием преследований стали окончательно чужды. Однако кризис ассимиляции или отказ от нее, то есть *диссимильация*, сами по себе тоже не дают однозначного решения. Определенная часть этих людей присоединилась к *сионизму* или укрепилась в нем; под этим знаком с 1945 года уже происходит, и притом в довольно крупных масштабах, отъезд в Палестину, особенно среди молодежи, и в тех, кто не желает уезжать, тоже сильно национальное самосознание, самосознание национального меньшинства, благодаря которому они имеют достаточно ясное представление о своем положении в стране и отношении к ней. Другая часть тоже *желает эмигрировать*, но не в Палестину, а через нее – ибо так легче выехать – в какую-нибудь более спокойную страну, то есть из двух нежелательных возможностей предпочли бы выбрать третью, третью нацию и попытаться ассимилироваться с ней. Ибо не желают оставаться – говорят они – в стране, где все напоминает им о пережитых ужасах. И остается подозревать, что это «все» относится не столько к домам, ком-

натам и подвалам, и даже не столько к дорогам и кирпичным заводам [27], сколько к еще более незабываемому поведению людей, к той враждебности, которая, судя по многим признакам, и сегодня еще висит в воздухе. То, что в последнее время возможности капитализма сузились, тоже дало толчок волне отъездов, однако я убежден, что менее зажиточному большинству готовящихся к отъезду, несмотря на все трудности перестройки на новый лад, такое и в голову не пришло бы, если бы их намерения не питали страдания, перенесенные ими из-за своего еврейства, и враждебность окружения.

Венгерское общественное мнение и венгерское массовое политическое сознание до сих пор еще не отдало себе отчета в том, насколько сложно, критически сложно стало ориентироваться в общности по окончании преследований. Правда, по этому вопросу сказано уже немало всего, притом сказано весьма и весьма решительно, с намерением прекратить дальнейшие споры, но всякий раз при этом выделяется какая-то одна типовая исходная ситуация, некое единственное решение.

Официальная точка зрения сводится к тому, что причины испытывать отчуждение и внутреннюю раздвоенность у пострадавших от преследований могут быть лишь в отношении старой – реакционной, фашистской – Венгрии, которая заведомо не имеет решительно ничего общего с Венгрией новой; на совести у этой старой Венгрии не одни преследования евреев, а много всяких других преступлений, совершенных против всего венгерского народа, а значит, не следует, да и не пристало – после того как виновные в меру сил и возможностей привлечены к ответу и наказаны – слишком уж заниматься этим как неким особым еврейским делом. Но такая официальная точка зрения рассчитана на ассимилированных или с энтузиазмом бросающихся в ассими-

ляцию, однако горький опыт большинства тех, кого это затрагивает, не говоря уже о людях с особым еврейским самосознанием, слишком субъективен и слишком обширен, чтобы можно было списать его одним махом на счет канувших в лету реакции и фашизма. Конечно, в перспективе общественных преобразований и, в особенности, школьного образования такой подход будет способствовать ассимиляции куда эффективней, чем это наблюдается сегодня, в отношении людей, которых так глубоко затрагивает память о перенесенных страданиях и тяжких утратах. И тем не менее то, что мы предвидим определенную перспективу длительного развития и способствуем ему, еще не дает нам права делать вид, *будто* оно уже осуществилось, пренебрегая влиянием различных острых кризисных ситуаций.

В ответ на все это сионисты придерживаются той точки зрения, что лучший и, по их мнению, вообще единственный выход заключается в формировании и открытом признании еврейского *национального самосознания* или *самосознания национального меньшинства*. Представители официальной точки зрения, предлагающие ассимиляцию в демократической Венгрии, не признают этот путь даже в качестве возможного и сразу после освобождения резко осудили отдельные – отнюдь не агрессивные – заявления, проникнутые подчеркнутой самоидентификацией еврейства как национального меньшинства, выразив особое недовольство по поводу таких вызывающих проявлений этого, как прогулки еврейской школьной детворы по улицам освобожденного Пешта с песнями на иврите. В столь решительном неодобрении еврейского национального самосознания и отказе ему в праве на существование, помимо уже изложенной принципиальной позиции, по-видимому, сыграло роль еще и то чрезмерно почтительное в отношении

предположительных антиеврейских настроений соображение, что большинство, которое даже в самый разгар преследований привычно ожидало от евреев стремления считаться венграми во всех отношениях, будет неприятно задето организационной деятельностью еврейского национального меньшинства. В результате с пропагандой сионизма и самосознания еврейства в качестве меньшинства пришлось пойти на попятную, ограничиваясь рамками религиозных организаций. Между тем коллективное самосознание еврейства даже под воздействием многочисленных ослабляющих влияний продолжало оставаться куда более сильным связующим фактором, чем если бы оно было делом одной лишь религиозной принадлежности; формирование такого самосознания и самоорганизация евреев, как мы уже говорили, отнюдь не противоречит возможной ассимиляции, напротив, вместо фикции всеобщей ассимиляции оно ясно укажет на ее реальные пути. Однако превратиться в исключительное или преобладающее решение особое еврейское самосознание тоже не может: этому препятствует не только выбор, сделанный ассимилированными или желающими ассимилироваться евреями, но и тот факт, что в кругу испытывающих отчуждение и душевный разлад память о преследованиях вовсе не обязательно ведет их в сторону еврейской общности, скорее, наоборот.

И хотя, исходя из всего этого, некоторые найдут свой путь в третьей возможности, то есть в эмиграции, объективно мы не вправе утверждать, что именно эмиграция решит проблемы этих людей. Не вправе по двум причинам; одна из них сугубо *практического*, а другая *нравственного* порядка. Практическая причина заключается в том, что, по всей вероятности, число желающих эмигрировать намного превышает число тех, кому

представится реальная возможность отъезда, к тому же в решающую минуту многие поймут, что им не так уж хочется уехать, как они думали. Морально мы тоже не вправе назвать отъезд в качестве «решения» для тех, кто пребывает в душевном разладе с этой нацией: какой дурной шуткой прозвучало бы из уст тех, кому есть над чем призадуматься в связи с ужасной гибелью полумиллиона евреев, заявление о том, что для остальных, в силу их душевного состояния, сложившегося под влиянием всего этого, единственным «решением» их проблем становится отъезд. На нас лежала историческая задача – вместе с тремя четвертями миллиона евреев наладить в этой стране человеческую жизнь; так не будем же, не справившись с нею, говорить, что с оставшимися двумястами нам уже не добиться того, чего нужно и можно было с тремя четвертями миллиона.

Мы должны уяснить себе, что суть проблемы не в том, чтобы, исходя из принципиальных и теоретических соображений и аргументов, «сделать выбор» между «решениями», которые предписывали бы ассимиляцию, еврейское самосознание или отвергали бы и то, и другое. Социальные проблемы нельзя ставить на манер военно-стратегических «задач», потому что тогда и «решения» будут напоминать войны и сражения. Довольно горя принесли миру люди, убежденные, что решить вопрос, заведший их в тупик, превратившийся в проклятый отчасти по их же вине, означает, не останавливаясь ни перед чем, создать условия, в которых вопрос перестает быть вопросом. Есть вопросы, в которых важнее всего не отыскать «ключ» к решению а, правильно нащупав суть проблемы, создавать все более и более ясные реальные условия и атмосферу для осуществления всех наметившихся возможных путей. Ощувив кризис общности венгерских евреев по-настоящему, мы не только не ста-

нем особо усердствовать в интересах некоего «решения», но, быть может, постараемся удержаться от бесчисленных уговоров, от навязчивых советов и призывов, от чтения морали и вербовки евреев куда бы то ни было, реже будем напоминать общие места о неизменном патриотизме венгерского еврейства тем, кто надумал ехать, обращаться к еврейству как к единому целому с призывами примириться, простить, адаптироваться или утверждать, что теперь, после демократических перемен, бессмысленно вести счет обидам и бедам, причиненным реакционной фашистской Венгрией. Зато мы будем уделять больше внимания очищению и очеловечиванию общих и универсальных условий, критериев ценности, среды, в которой, собственно, и протекает индивидуальная и коллективная жизнь евреев, где возникают различные проблемы и происходят *разнонаправленные* поиски их решения. В этом отношении в первую очередь необходимо, чтобы среда, в которой происходит *ассимиляция*, и сам процесс ее действительно питались энергией общенационального и социального развития. Но в то же время мы должны учитывать, какое очищающее влияние возымеет возможность открыто и беспрепятственно исповедовать *особое еврейское самосознание*.

И, наконец, не менее важно никому не навязывать ни какого-либо из путей решения, ни даже выбора между ними. Необходимость выбора все равно с возрастающей силой сама будет возникать перед каждым молодым или начинающим ориентироваться человеком, а в отношении пребывающих в душевном разладе или промежуточном состоянии людей для нас куда важнее не ставить их перед проблемами идентичности, а добиться, чтобы в общественной атмосфере страны в целом, в ее методах было больше мягкости и сочувствия, меньше судорожности и остроты, чем и создадим социальные и психологи-

ческие условия, способствующие восстановлению лояльности к ней.

Однако само возникновение такой атмосферы – равно как и то, что она до сих пор не сложилась, – существенно зависит от исходных обстоятельств, то есть от того, как проходили и проходят привлечение к ответственности за участие в недавних преследованиях, возвращение еврейства к жизни страны и как реагировала и реагирует на все это страна.

*Проблемы привлечения к ответственности:
несостоявшееся признание общей вины;
отсутствие границ и чувства меры*

УСЛОВИЯ, в которых проходило привлечение виновных к ответственности и удовлетворение пострадавших в ходе преследований венгерских евреев, с первой же минуты были неясными и неискренними. Безусловно, что в привлечении к ответу, которое неизбежно должно было последовать за крушением контрреволюционной Венгрии, основную массу обвинений дали обвинения в преследованиях евреев: судебные дела, которые были возбуждены против политиков, военных или чиновников, повинных не в жестокостях по отношению к евреям, а в том, что уступили власть в стране превосходящим силам гитлеровцев, даже вместе взятые, не составляли и малой доли дел, возбужденных против тех, кто убивал, пытал, грабил, выдавал евреев или издевался над ними [28]. Но дело тут не в одной лишь численной диспропорции; сами страдания и обиды евреев были несоизмеримо страшнее всего прочего, они были иными, как иным был и эмоциональный накал их поиска справедливости; обвинения эти никак не вязались с

теми счетами, которые венгерская нация предъявила своим заблудшим вождям и соплеменникам. С одной стороны, потому что, кроме чьей-то конкретной персональной вины, дело евреев неизменно усугублялось куда более тяжким поруганием человеческого достоинства, с другой стороны, потому что, руководимое *средним* классом, *все* венгерское общество, прежде чем самому оказаться жертвой и инвалидом фашизма, сперва бросило на произвол судьбы евреев. Несмотря на все это, дело евреев редко упоминалось особо, а сливалось с общими акциями по устранению последствий фашизма, как будто евреи были всего-навсего одной из его многочисленных прочих жертв, как будто их страдания были лишь неким частным случаем множества иных, соизмеримых с ними страданий. Таково было желание всей официальной общественности, и в этом усиленно избегавшей особого подхода к евреям; левому крылу правящей коалиции казалось, что чрезмерное внимание еврейскому аспекту привлечения к ответственности отвлечет его от дела воистину важного, от борьбы с фашизмом и классами, препятствующими социальному развитию; правое же крыло просто полагало, что незачем подавать евреям лишний повод для претензий. В некоторой степени такой постановки избегали даже сами евреи; отчасти, быть может, потому, что им и самим не хотелось слишком много слышать о себе, однако я не думаю, что большинству еврейства была бы в такой степени свойственна подобная избегающая еврейского аспекта – пользуясь утратившим свою актуальность словом, *ассимилянтская* – позиция, если бы не государственная власть, которая, руководствуясь собственными политическими резонами, заставила их усвоить, что если они будут требовать удовлетворения как евреи, то их встретят кислые мины и разного рода рогатки, если же

будут изъясняться в рамках общей антифашистской фразеологии, то и сопротивление будет слабее.

При таких обстоятельствах так и не последовало обращенного ко всей стране, исходящего от тех, кто призван политически и духовно представлять ее, пользуется всеобщим доверием и способен убедить личным примером, призыва ко всем и каждому заглянуть в себя, прислушаться к голосу собственной совести, ощутить собственную меру ответственности за то, что произошло с евреями; те же, кто все-таки говорили об этом, говорили большей частью о чужой вине, и отдельные попытки пойти дальше этого, то ли из-за личности говорящего, то ли из-за содержания самих заявлений, или не возымели отклика, или отозвались кривотолками; таким образом, не произошло ничего, способного развеять в евреях это так и не прошедшее до сих пор, а напротив, лишь обострившееся ощущение, будто за все те ужасы, что с ними произошли, отвечать некому, будто вся страна, все общество в каком-то негласном сговоре пытаются увильнуть от признания собственной вины, замалчивают ее, норовят свалить ее на кучку политиков и кучку палачей. Быть может, многие сочтут за наивность то, что я придаю такое значение этому несостоявшемуся признанию всей страной ответственности за преследования евреев, полагая, будто в столь острой ситуации словом можно помочь. Я прекрасно понимаю, что словами мертвых не воскресишь, а живые, услышав их, не потянутся к тюрьме, не вернут награбленное, не откажутся от гнева и обид. И тем не менее, четкое изложение общей нравственной позиции, ее принципиальных критериев и мотивировки может сыграть чрезвычайно важную роль в связи с любого рода оценкой, взвешиванием, определением ответственности, когда по ходу и параллельно с формальным про-

цессом в людях вырабатываются установки, помогающие *понять* и *осмыслить* его.

Все это может прозвучать весьма странно для тех, кто наблюдает, как вот уже три года в стране ничего более не происходит, кроме удовлетворения еврейских требований о возмездии, и они не очень представляют себе, чего тут еще может недоставать. Но ощущаемый ими преизбыток прямо связан с отмеченным нами выше недостатком. Успех всякого привлечения к ответственности, доверие к нему решает одно – будут ли найдены, соблюдены, приемлемы те границы, которые отделяют наказуемое в судебном порядке от требующего более мягкой, внесудебной формы наказания, наказуемое вне суда от требующего лишь публичного осуждения, достойное публичного осуждения от того, за что человек в ответе лишь перед собственной совестью. У нас же так и не были проведены ни границы общей ответственности страны, ни границы требований личной компенсации, и следствием этого стали не знающий меры поиск удовлетворения на одной, и чересчур самодовольная совесть на другой стороне.

Природа еврейских обид и правдоискательства всегда была такова, что к собственно обиде в ее объективной реальности всегда причитался довесок извечной готовности окружения обидеть, оскорбить, унижить, вот почему истинная горечь многих обид заключалась даже не в конкретном их содержании, а в ассоциациях и опыте. Теперь же бесчисленные требования удовлетворения и возмездия – а то, что требования эти велики и несравнимы ни с чем иным, страна отказывается признать – завалили весь судебный и следственный аппарат, превращая в дело государственной важности поимку и наказание каждого отдельного преступника или подозреваемого и создавая такую атмосферу рассмотре-

ния дел, в которой во всяком сомнительном или спорном случае отягчающим обстоятельством становится все те сохранившиеся в памяти жертв преследований безучастие и злоба, которые они испытали со стороны не попавших на скамью подсудимых. А на другой стороне несостоявшееся осознание страной ее вины привело к тому, что люди стали толковать понятие ответственности слишком узко, упрощенно и формально: все, кто держался в стороне от преследований – то есть не убивал, не пытал, не выдавал людей преследователям и не *грабил*, начали ощущать это как личную заслугу, а самих себя – образцами нравственной безупречности, и им стало казаться вопиющей несправедливостью, когда кто-нибудь упрекал их в недоброжелательности, безучастии или злорадстве.

Так потеря чувства меры в осознании собственной ответственности и возможностей привлечения к ней создала вокруг всего этого сильнейшую и до сих пор не разрядившуюся напряженность. Эта напряженность, увы, вышла за рамки взаимоотношений противостоящих сторон, и хотя определенная отдаленность во времени уже позволяет ощутить, каких усилий стоило всему аппарату правосудия стремление сохранить равновесие между объективной истиной и претензиями пострадавших, между эффективностью наказания и поиском истины, доверие ко всем его институтам оказалось весьма и весьма подорвано. Если с одной стороны барьеры строго регламентированных, рассчитанных на непредвзятые доказательства процессов перехлестывает волна страстей измученных и жаждущих возмездия людей, то с другой, в бюстителях объективного судопроизводства, это вызывает некий отпор, к которому добавляется давняя, или возникшая только что, неприязнь к евреям, усугубляемая самозащитой и солидарнос-

тью тех, у кого нечиста совесть. Все это вместе взятое скоро превращается в такой клубок страстей нападающих и отбивающихся, что любое кажущееся поначалу предельно ясным дело – в хаосе ложных доносов, пристрастных свидетельств, якобы узнаваний и якобы неузнаваний, сомнительных показаний в оправдание подсудимого, звучащих из зала суда требований повешения или признания обвиняемого невинной жертвой – в мновение ока оказывается запутанным. В итоге и сама власть изнутри тоже начинают членить линии фронта – и вот уже друг с другом сражаются те, кто во имя торжества суровой справедливости не прочь, на всякий случай, наказать и невинных, с теми, кто, придерживаясь не столь радикальных взглядов, готов, на всякий случай, позволить преступнику улизнуть, а спорные случаи обычно решаются соотношением сил двух сторон. В результате у подавляющего большинства евреев до сих пор не сохранилась уверенность, что привлечение к ответу за совершенные против них преступления ведется умышленно вяло, что как уголовные, так и административные процессы затягиваются, исполнены крючкотворства, порою небеспристрастны, а то и вопиюще несправедливы. И напротив, в широких кругах нееврейского окружения по поводу всех направленных на ликвидацию последствий фашизма процессов бытует мнение, что эти процессы превратились в охоту на ведьм, где даже ни в чем не повинные люди не могут чувствовать себя в безопасности.

Еще большее искажение здоровое чувство меры претерпевает там, где в делах по привлечению к ответственности и денацификации налицо явные имущественные интересы. В особенности в процессе профессиональной переаттестации сам акт нередко приобретает вид борьбы за кусок хлеба, за теплое место и пост, сродни той, по-

водом для которой послужили в свое время антиеврейские законы. Я ни на минуту не упускаю из вида принципиальную разницу: одно дело, когда группу людей лишают права на профессию и источник заработка по признаку происхождения, другое, когда то же самое делают за преступления перед нацией и человечностью. Но чем отдаленней была та или иная профессия от центра внимания, чем большая конкуренция царила в ее кругах, тем большие искажения претерпевал весь процесс как в части обвинения, так и в части защиты.

То же самое противоречие возникает и в заурядных тяжбах между частными лицами: нередко опыт тех, кто принял на хранение еврейское добро и ценные вещи, свидетельствует о том, что евреи с безмерной подозрительностью, не гнушаясь никакими полицейскими и судебными разбирательствами, позабыв о дружбе и доверии, а порой с вопиющей неблагодарностью, требуют того — например, вернуть какие-то ценные вещи или предоставить какой-то отчет, — что невозможно не по чьей-то вине, а из-за обычных для войны обстоятельств; и, напротив, довольно обширный опыт жертв антиеврейских законов показывает, что те, кому они отдали на хранение что-либо из своих ценных вещей, или те, к кому перешло их имущество по законам о евреях, в большинстве своем обошлись с ними как воры или бессовестные растратчики. Разумеется, этот взаимный опыт столь же односторонен, сколь и реален: были тысячи и тысячи случаев, когда оставленные вещи были полностью сохранены, а объяснения не сумевших отчитаться приняты без единого слова, но о них почти не упоминается, ибо люди куда более склонны трубить во всеуслышанье о чужих пороках, чем о добродетелях.

Вот почему так непреодолимо взаимное непонимание, когда речь идет о поводах к благодарности или за-

слугах. Подавляющее большинство евреев полагает – и с полным правом, – что, оценивая все вместе взятое, они не обязаны окружению благодарностью. Но если с теми, к кому у них были бы личные причины испытывать благодарность, они ведут себя в соответствии с этим конечным итогом, то это очередное несправедливое обобщение, на сей раз с еврейской стороны, ведущее к дальнейшей дегуманизации взаимных отношений. В то же время с нееврейской стороны многие склонны оценивать моральные заслуги совершенных ими в связи с преследованиями евреев поступков не в соответствии с их собственной ценностью, а в сравнении со среднестатистическим уровнем, а полученные таким путем критерии весьма плачевны: отсюда известные нам случаи, когда люди доказывают, что помогали евреям и заслуживают их благодарности, ибо не отказались с ними общаться, спасли им жизнь, оставив их в покое, пошли на смертельный риск, уладив для них некоторые второстепенные дела, или проявили отвагу, когда – после некоторых колебаний – не донесли на них.

Особо следует сказать несколько слов и подвести итоги в отношении процессов привлечения к ответственности или попыток таковых в среде венгерской интеллигенции. Венгерская интеллигенция крайне нуждалась и нуждается в заслуживающих доверия и скрупулезно подведенных итогах того, насколько достойно или недостойно вела она себя в тех или иных обстоятельствах, в чем состоят ее заслуги и в чем вина, итогах, в которых вопросы моральных заблуждений и проступков были бы четко отделены от вопросов разного рода идейных и принципиальных разногласий. Такого общего подведения итогов, которое было бы сделано по-настоящему призванным к этому, общепризнанным в этом качестве форумом и заслуживало бы бесспорно-

го доверия, не состоялось. Зато возник некий список и соответствующая фразеология для упоминания «скомпрометировавших себя в период фашизма деятелей пера», для исключения их откуда-то или отказа в приеме куда-то, для бойкотирования, возбуждения дел против них или разговоров о такой возможности.

Сам список этот являет собой красноречивое подтверждение тяжкого помрачения нашего общественного рассудка, ибо начинается он именами тех, кто воспевал оккупантов и разжигал расовую ненависть, маньяков, участвовавших в травле людей, на все готовых карьеристов и, продолжаясь перечислением множества спорных фигур, завершается теми, чьи нравственная безупречность, талант и поведение находятся вне всякого сомнения, но в свое время они не были согласны с тем, что еврейского вопроса не существует, и выказывали интерес к пропорциям занятости евреев в тех или иных сферах, каковая постановка проблемы действительно является опаснейшей из ловушек, но тем не менее ни самой этой постановки, ни ее корректного, исходящего из чистых побуждений обсуждения нельзя ни запрещать, ни клеймить позором. Эти писатели время от времени подвергаются нападкам, попадая все под одну гребенку и испытывая одинаковые трудности, и не раз уже требовалось серьезное политическое вмешательство для того, чтобы их не мерили на один аршин. Что, в свою очередь, имеет тяжкое следствие, ибо складывается противоположная установка – брать под защиту, опять же всех скопом, «преследуемых и травимых евреями писателей». То есть нападение без разбора ведет к обратному результату: вместо того, чтобы укреплять идейную борьбу с фашизмом, оно создает ореол мученичества и вокруг тех, кто этого меньше всего заслуживает. Это тем более нелепо, что в духовной жизни, как нигде, верно

то, что никому не дано исключительного права судить других, ибо тут судящие беспрерывно судимы сами. И все же, по-моему, совершенно неоправданно возмущаться теми, кому чувство меры в нравственных оценках изменило из-за лично пережитых преследований и страданий и вполне уместного горького чувства, что происходит затушевывание вопроса об ответственности; нам следовало бы не возмущаться отсутствием чувства меры у кого-то, а стыдиться собственной чрезмерной снисходительности к самим себе или собственной не словоохотливой совести.

Будь наша духовная жизнь внутренне уравновешенной, располагающей зрелыми критериями ценности общностью, она непременно сумела бы породить если и не регламентированный процесс, то уж, во всяком случае такой способный держаться в разумных пределах общий настрой, в котором сначала был бы найден способ признания общей вины, затем нашлись бы и соответствующие поводы, возникла бы атмосфера для самоанализа и добровольного и личного покаяния, после чего стала бы ясной истинная цена любых попыток отмыть сажу добела и всевозможных нападков и можно было бы оценить по заслугам все поступки и проступки и определить относительно их последствий, а кого нужно, и защитить от необоснованных обвинений; по ходу сложились бы не престаупающие разумных пределов суждения вроде того, что о взглядах Икса можно спорить, но человек он достойнейший, идеи Игрека путаны, однако страсти его вполне чисты, Зет, вне всяких сомнений, талантлив, но нравственные его качества оставляют желать лучшего, А не любит евреев, но не любит их вкупе с прочими господами, Б вел себя не самым достойным образом, но и уличить его не в чем, В надевал гнусностей, и это должно возыметь определенные

последствия, но лишать его возможности публиковаться не следует, Г должен отсидеть свое, а потом пускай себе пишет стихи, Д безупречен, но очень уж осторожничал, Е во время преследований евреев показал себя, как порядочный человек, но в примеры для подражания не годится из-за своей замшелой консервативности, Ж. оступился, но его подвел превратно толкуемый социальный радикализм, в безукоризненности З наличествует некая доля позы, И мало посадить, венгерская литература ничего не потеряет, если он навсегда лишится права голоса. Здоровая духовная общность после вынесения такого детального заключения уже в общих чертах решает, в чьем отношении и речи быть не может ни о каком осуждении, кого, после соответствующего наказания, надо оставить в покое, кто вправе претендовать даже на роль нравственного арбитра, кому, помимо возможности зарабатывать творческим трудом, останется довольствоваться членством в союзах социального обеспечения и различных деловых объединениях, а для кого вердикт о его нравственной ущербности и идейной вредоносности действителен отныне и навсегда.

Отсутствие правильных критериев завело не туда даже самые мелкие дела, различные случаи привлечения к ответственности за оскорбительные для евреев разговоры, и, пожалуй, как раз именно такие дела хуже всего. Здесь нужно особенно тонко отличать, что наказуемо как распространение опасного для общественной нравственности антисемитизма фашистского толка, а что не может быть объективно наказано, ибо есть проявление свойственных окружению в его отношении к евреям обычных обобщений, предрассудков и неприязни. Может быть привлечен к ответу тот, кто одобряет преследования и истребление евреев и выражает соответствующие пожелания, но не может быть наказан тот, кто

в малопривлекательной форме напоминает еврея о том, что он еврей; может быть привлечен к ответу, кто подстрекает против евреев, но не может быть наказан тот, кто в сердцах посылает еврея к чертям собачьим; может быть привлечен к ответу, кто распространяет заблуждение о взаимосвязи всех социальных бед с евреями, и не может быть привлечен к ответу, кто делает намеки на положение и достаток евреев; может быть привлечен к ответу, кто вещает о моральной разрушительности еврейского влияния, но не может быть привлечен к ответу, кто высказывается в духе известного предрассудка о том, что христиане честней евреев.

Не хотелось бы быть превратно понятым – речь не о том, что в конкретном случае такие разговоры не могут быть весьма недостойными и оскорбительными, и что за ними не могут крыться мысли и похуже прозвучавших вслух, и что высказывающийся подобным образом не заслуживает серьезного осуждения, хотя точно так же допустимо, что мысли его и получше сказанного со зла, под горячую руку – как бы там ни было, не тянут такие высказывания на то, что можно и разумно преследовать в судебном порядке. Естественно и понятно, когда какой-нибудь пострадавший, издерганный человек додумывает их, дополняет всем тем, с чем они для него связаны и со страстностью человека, поймавшего злодея с поличным, выкладывает это полицейскому, однако я вижу немало вреда в том, что находились власти, которые в подобных случаях шли на возбуждение дела. Боюсь, что за множеством постановлений об интернировании и отказов в профессиональной переаттестации, лаконично обоснованных «употреблением фашистских лозунгов», нередко кроются именно такие вещи.

Наблюдая эти многочисленные противоречия, начинаешь чуть ли не сожалеть о том, что организованный

по всем правилам процесс привлечения к ответственности не опередила никакая-нибудь взрывообразная вспышка стихийного возмездия: в этом случае польза и границы организованного процесса стали бы гораздо ясней и для всего общества, и для заинтересованных, не говоря уж о том, что нашло бы выход немало страстей, которые по сей день вынуждены выплескиваться на заседаниях народного суда.

В подобной обстановке серьезной проблемой стала официальная роль евреев во всем процессе привлечения к ответственности. В роли судей и по ходу различных этапов следствия и принятия решений фигурировало столько евреев или лиц, которых касались антиеврейские законы, что на практике подтвердилось и может найти самый широкий отклик мнение, согласно которому суть всего процесса привлечения к ответственности заключается в том, что – в отместку за то, что венгры судили евреев, – на сей раз евреи судят венгров. Опасность таких настроений довольно скоро поняли многие, и с тех пор уже не раз официально и неофициально подчеркивалось, что цель денацификации и народных судов не в том, чтобы дать евреям повод вершить суд над неевреями, а в возмездии за погибших, за зло, за подлость; в правительственных кругах тоже стали стараться подыскивать на эти посты как можно больше неевреев. Однако ни у кого не хватило смелости сказать, что при первом же малейшем опасении, что проверки на участие в преследовании евреев и народные суды могут быть восприняты как еврейский суд, в ту же минуту в качестве основного принципа следовало вместо рекомендаций к участию в этих процессах *по возможности* большего числа неевреев прямо и спокойно провозгласить, что в чрезвычайных процессах по делам о преследованиях евреев в качестве судей – ни на на-

чальном, ни на заключительном этапе – евреи вообще не должны принимать участия.

На это, конечно, можно возразить, что подобные различия между венгерскими гражданами – это уже само по себе является фашизмом, что евреев нет, а есть венгры различного происхождения и вероисповедания, равно пригодные на любую «должность». Однако утверждать, что тому бывшему «трудоуловцу», выходящему из буржуазной или мелкобуржуазной среды, который, возможно даже, никогда ранее не вдавался в политику, а просто, вернувшись домой и обнаружив, что всю его родню истребили под корень, подался в органы допрашивать, вести следствие и выносить приговоры, совершенно безразличны его поруганное еврейское достоинство и страдания и что он всего-навсего простой венгерский демократ, один из многих, и как таковой по мере сил и способностей участвует в борьбе с фашизмом, это, мягко выражаясь – фикция. Сам я действительно наблюдал не один пример подобной степени сублимации личных мотивов, был даже глубоко растроган, обнаружив, что после всего случившегося среди бывших преследуемых гораздо больше, чем я того ожидал, людей, которые в конкретных делах по привлечению к ответственности страстно хотят и умеют сохранять непредвзятость, однако мне не приходилось слышать о том, чтобы это было самой характерной установкой. Да и речь тут, кстати, не о «профессиях», на которые кто-то желает наложить для евреев запрет, а о единовременной акции, цель которой состоит в том, чтобы восстановить – насколько это вообще возможно с помощью наказания – честь венгерской нации, покарать и заклеив тех, кто ее запятнал, и, стало быть, главное, чтобы нравственный приговор, который будет при этом вынесен, оставался в силе навечно, чтобы его

справедливость более никогда и ни в каком отношении не могла быть подвергнута сомнению. К тому же старое правило гласит, что пострадавший не должен быть судьей, а в этом деле венгерское еврейство, несомненно, выступает в роли пострадавшего и обвинителя. А значит, в процессе евреев и их преследователей – раз евреи не требуют международного суда, а подчеркивают, что они являются частью венгерского народа – судить, всерьез рассчитывая на доверие и последующее успокоение, можно и должно лучшей части нееврейского большинства.

Все это не грех было бы спокойно произнести вслух три года тому назад. Многие считают, что эту мысль в свое время следовало бы сформулировать кому-нибудь из «более достойных» евреев. Не думаю, однако, чтобы мы были вправе предъявлять еврейству или отдельным евреям такого рода нравственные требования, избавив, таким образом, себя от неудобства: как ни неловко было бы говорить об этом, какое бы раздражение, кривотолки и обвинения ни вызвало это среди особенно чувствительных евреев, тем не менее сделать это надлежало тем, кто в качестве неевреев в сравнении с остальными вел себя еще достаточно достойно, чтобы вообще иметь хоть какое-то моральное право судить о таких вещах. Трусостью и нравственной леностью было с нашей стороны промолчать об этом тогда, когда мы вздыхали между собой по поводу еврейской «неумеренности», тогда как на самом деле речь шла о таких вещах, в которых решающим фактором было опять-таки бессилие страны как общности, а в нем – и наше собственное общее бессилие. Конечно и тогда, и сегодня все еще легче говорить об этом, чем осуществить на деле в условиях, когда руководимое средним классом венгерское общество отчасти скомпрометировано и основательно сбито с толку политически. И сколько раз ни подчеркивалось

открыто, во всеуслышанье, когда речь шла о составе органов привлечения к ответственности, что преследуемый на расовой почве вовсе не обязательно демократ по убеждению, когда доходило до дела, все на то уполномоченные в конце концов все равно решали, что у выбранных из евреев или попадавших под действие антиеврейских законов судей как-никак меньше шансов оказаться впоследствии разоблаченными в качестве бывших членов нилашистской партии. Так что на практике и тут произошло отождествление еврейства с демократизмом. А ведь большая демократическая гласность и бдительность во многом могли бы помочь и позволили бы избежать возникновения новых антиеврейских настроений вокруг привлечения к ответственности. Однако сегодня эта проблема вышла за рамки привлечения к ответственности за преследования евреев, где дело уже близится к концу, она успела уже охватить всю общественную жизнь Венгрии и заслуживает особого разговора.

*Оживший после 1944 года антисемитизм:
старый антисемитизм и новые антисемиты*

К МОМЕНТУ освобождения антисемитизм в некотором роде достиг нулевой отметки. Тот, кто не любил евреев, не любил их по-прежнему, но после недавних ужасов все, за что было принято бранить их, стало казаться ничтожной мелочью, и брань застревала у людей в глотке. За прошедшие годы это замешательство совсем прошло. Сегодня снова налицо самый настоящий антисемитизм, который чуть ли не весь свой материал черпает в различных обстоятельствах развития, идущего с 1945 года. С тех пор как появились первые его призна-

ки, ведется спор о причинах нового антисемитизма: одни просто видят в этом новые ростки фашизма, другие считают, что все раздражение деклассированных слоев, появившихся в результате земельной реформы, денацификации и других преобразований, вылилось, главным образом, на головы евреев, третьи считают, что причина в нечистой совести бывших преследователей, а отчасти – и всей страны, вот люди и пытаются успокоить ее нападка на евреев. С противоположной стороны время от времени раздаются дружественные и недружественные намеки на пережесты в привлечении к ответственности, на обогащение за счет инфляции и властных позиций; намеки эти, как правило, встречают резкий отпор. Одни именуют вновь оживающий антисемитизм *не*антисемитизмом, другие, напротив, сомневаются в правомерности такого подхода, утверждая, что это хорошо известный всем со времен массовых убийств старый антисемитизм вновь набирает силы и что старые антисемиты снова осмелели.

Как бы то ни было, бесспорно, что значительным фактором нового антисемитизма являются старые антисемиты. В первую очередь те, кто повинен в чем-либо наказуемом или реально наказанном. Затем следуют те, кто ничего преступного не совершил, но на совести у них разные мелкие подлости, черствость и прочие грешки, и когда они слышат о преследованиях и вине, им становится не по себе; вот это гнетущее ощущение они и компенсируют, воодушевленно подхватывая антиеврейские настроения. Здесь же мы видим и тех, кто во время преследований искренне сочувствовал евреям за их незаслуженные мученья, однако в духе отживших свой век представлений об общественной иерархии предпочли бы видеть их «на своем месте», то есть испытываемыми определенными ограничениями, вынужденными

ми вести себя скромно и почтительно, и сегодня, когда эти люди уже не наблюдают на лице еврея страха смерти, как в те дни, когда он молил их о помощи, им представляется, что еврей чересчур распоясался. По существу, так же настроена и та группа, что в свое время искренне жалела, быть может, даже оплакивала евреев, идущих на смерть, и в то же время видела в этом хоть и страшное, но все же решение общенационального или своего личного еврейского вопроса. Теперь же она с растущим раздражением констатирует, что часть евреев все-таки выжила, во всяком случае, почти полностью сохранилась наиболее активная, особенно бросающаяся в глаза их часть – будапештские евреи, хотя и не более того. Тут мы и встречаемся с людьми, которые готовы перед всем миром оспорить гибель полумиллиона венгерских евреев на том лишь основании, что все десятеро лавочников с их улицы вернулись домой, да еще двое новых прибавилось с тех пор. Вот откуда берутся все эти непростительные и неприемлемые для человека со здоровой нравственностью анекдоты, задним числом выставляющие в невинно-добродушном свете массовые убийства и лагеря смерти.

Тяжким заблуждением, а со стороны евреев еще и самообманом было бы, однако, полагать, будто суть нового антисемитизма лишь в том, что старые антисемиты снова осмелели. То, что по качеству и главным параметрам сегодняшней антисемитизм ничем иным в сравнении со старым быть не может, вполне очевидно. Это, однако, не означает, что речь идет об антисемитизме тех же самых людей, которые с начала сороковых годов перевоплощали эту свою веру во все более ужасающую реальность; речь о том, что антисемитизм, как и прежде, все так же складывается из предрассудка, трений с евреями и отголосков социальных проблем. И поскольку

ку после 1944 года множество людей, бесспорно, оказались в новых ситуациях общения с евреями, мы можем быть уверены, что у многих из них антисемитизм возник впервые. *Неоантисемитизма нет, но есть новые антисемиты.* Наиболее очевидно это проявляется в двух моментах: во-первых становится все больше людей, которые до освобождения антисемитами явно не были, а теперь ими стали, более того, иногда даже открыто признаются в этом; во-вторых, венгерское крестьянство, хоть и не все целиком, подвержено антисемитизму, и крестьянский антисемитизм в сегодняшней Венгрии — явление куда более реальное, чем прежде. Подчеркиваю, что под крестьянами я понимаю исключительно занятое физическим трудом мелкое и среднее крестьянство, ибо сравнивавшемуся с господами зажиточному крестьянству, как показали алфельдские беспорядки 1919 года [29], антисемитизм и ранее не был чужд.

Анализ социальной базы трех антиеврейских вспышек, произошедших после 1944 года показывает, что это были не просто рецидивы старого антисемитизма. В обстоятельствах первой крестьянской акции явственно вырисовывается роль националистически настроенного среднего класса с его убеждениями об угнетении нации евреями. Вторую следовало было бы отнести к типично антикапиталистическим пролетарским волнениям, и характер погромного выступления ей придало не то, что двое из ставших объектом народного гнева буржуев были евреями, а то, что третий, который евреем не был, на этом основании был отпущен, отделавшись несколькими пинками. И, наконец, третье дело менее всего заслуживает названия «погром», поскольку окна навлёкших народный гнев господ били без разбору кто какой веры, и видно было, что это была не толпа, кем-то подстрекаемая или введенная в заблуждение;

а масса радикально настроенных революционных крестьян [30].

Если после этого, задавшись вопросом, какого рода влияния и обстоятельства в наши дни могут сделать человека антисемитом, то на первом месте, несомненно, обнаружим среди них тех, кто *проиграл* от коренных социальных преобразований, идущих с 1945 года: это и бывшие крупные землевладельцы, и прочие утратившие свои прежние позиции индивиды и целые слои, то есть все те, кто раньше в силу своего общественного положения, хотя и испытывал некоторое заведомое, прирожденное чувство превосходства над евреями, тем не менее, сознавая себя в полной от них безопасности, мог позволить себе не питать к ним неприязни; теперь же и в их глазах обрела актуальность и подкрепилась некоторым личным опытом идея тождественности демократии, коммунизма и евреев.

Но статья антисемитами под влиянием потрясений, сопутствующих социальным преобразованиям, могли и представители слоев, интересы которых эти преобразования прямо не затрагивали, более того, давали им явные преимущества. Ибо и тут действует то самое старое правило, что люди воспитанные в феодально-крепостническом духе, куда легче сносят господство, превосходство, а порой и самодурство классов или людей, чья власть освящена историческим авторитетом, и менее склонны спускать то же самое новоиспеченным ее, власти, обладателям, даже если они из «своих», а уж явным чужакам и подавно.

Следующую группу антисемитов сформировали трения, возникшие по ходу привлечения к ответственности. Сколько бы мы ни твердили, что только у людей с нечистой совестью есть причины бояться доносов, обвинений, проверок и чисток, это не меняет того, что

ожиданию доноса, вызова в суд, проверки, чистки с последующим решением не в твою пользу оказалась предоставленной вся страна, а если мы еще примем во внимание душевное состояние евреев по завершении преследований, их подозрительность ко всем и вся, то можем быть уверенны, что такие обстоятельства и порождали новых антисемитов.

В этой группе больше всего поражают те, кто в свое время были на стороне преследуемых, а теперь подчеркнуто отвернулись от них. Мне, во всяком случае, представляется непростительной ущербностью нравственного чутья, когда у человека, какая бы его ни постигла обида, язык поворачивается сказать, что он жалеет, что помогал евреям, тем более, что я не раз наблюдал, что это присуще как раз тем, кто раздувает эту тогдашнюю мизерную или мнимую помощь до соизмеримой со своей нынешней обидой. Однако суть даже не в том, много ли таких случаев или мало, насколько они достоверны и на них ли большей частью зиждется антисемитизм — последнее на самом деле и вовсе невероятно, — суть в том, что именно такого рода случаи и являются факторами моральной опоры и укрепления всякого антисемитизма, откуда бы он ни исходил, и пренебрегать ими не следует. Мы могли бы и дальше искать и отыскивать такие личные или социальные ситуации, в которых возникают трения, способствующие нынешнему усилению антисемитизма. Все они, однако, сводимы к общему знаменателю, каковым является по всем признакам заметное, явное изменение властных позиций еврейства в обществе.

*Проблемы еврейства и власти до и после 1944 года:
несуществующая еврейская власть*

ПО ВСЕЙ Венгрии крушение контрреволюционного правящего режима сплошь и рядом сменило обладателей социальных властных позиций, социальных и имущественных возможностей и – начинающих во многих отношениях заменять собою материальное благополучие – льгот и преимуществ, а заодно и тех, кто принимает участие в различного рода выборе и оценке людей, то есть в распределении социальных возможностей. Антисемиты, а иногда и чувствительно настроенные евреи, сообщают сногшибательные данные о пропорциях этой замены в пользу евреев или лиц, попадавших ранее под статьи законов о евреях. Нет смысла обходить стороной этот предмет, ибо в этом вопросе как еврейская, так и нееврейская часть населения страны надолго утратила невинность и доверчивость; и как бы ни была свежа недобрая память расследований, проводимых в этом направлении властями, тем не менее, компетентные лица и сегодня продолжают время от времени неофициально подсчитывать эти самые пропорции. Нам, однако, нет нужды пересчитывать их вслед за ними, дабы выяснить, насколько близка или далека от реальности эта народная статистика, ибо составляющие означенной замены можно учесть и без этого. Непосредственно после освобождения в одно и то же время сошли со сцены скомпрометировавшие себя правизной представители слоя крупных землевладельцев, верхушки управленческого аппарата контрреволюционного правительства и экономической жизни, после чего административная и политическая власть перешла к бывшей левой оппозиции и партиям рабочего класса, и в государственных и национализированных структурах экономической жиз-

ни руководящие посты были заполнены новыми, не потерявшими репутации из-за своих правых взглядов людьми; крупный капитал был временно восстановлен, юридические и фактические барьеры экономического и общественного продвижения евреев устранены, а различные их потери частично компенсированы. Ко всему этому прибавился еще и недолгий расцвет благополучия за счет инфляционных спекуляций, черного рынка или просто легких заработков. Позднее национализация промышленности существенно поприжала крупный капитал, одновременно усилив значение руководства национализированных предприятий. Исходя из более или менее известных соотношений евреев и неевреев в перечисленных группах, мы можем быть уверены, что в довольно широком кругу этот процесс замены или частичного восстановления прежнего положения происходил в пользу евреев или тех, кого касались антиеврейские законы. Против поисков в этой замене некоей общей движущей силы свидетельствует, однако, факт значительно усиления политики, бьющей отчасти и по еврейскому капиталу и капиталистическим слоям и отозвавшейся в них такой волной эмиграции, в свете которой предполагаемая антисемитами эффективность еврейской власти выглядит весьма и весьма сомнительно; полностью развеять эти сомнения было бы не в состоянии даже исследование пропорций среди назначенного государством экономического руководства. По правде говоря, все эти перестановки складываются отчасти из имущественных позиций, основанных на прежних или восстановленных общественно-экономических структурах, отчасти из нового социалистического перераспределения возможностей и привилегий, отчасти из совершенно переходной конъюнктуры, и все это вместе взятое пребывает в состоянии хаотического бурления; в отношении евреев,

единственный общий смысл и знаменатель всех этих частичных процессов заключается в том, что все они происходят одновременно и сразу после того, как преследования отошли в прошлое.

Однако независимо от того, прочны ли, изменчивы ли эти пропорции, центр тяжести проблемы не в них, хотя, по всем признакам, часть публики живо интересуется ими. Мы должны уяснить себе, что до тех пор, пока не будут обеспечены самые широкие возможности образования, выбора профессии и социального подъема для всего венгерского народа, даже самые радикальные перестановки в сфере распределения экономических, социальных и политических возможностей все равно в конце концов сведутся к переменам соотношения сил четырех слоев: венгерской аристократии, христианского среднего класса, лиц немецкого происхождения и лиц еврейского происхождения, ибо именно для этих четырех групп возможности проявить себя на гражданском поприще в Венгрии были открыты наиболее широко, и в каком бы направлении ни менялись изнутри их взаимные соотношения, организация венгерского общества не станет от этого здоровей, пути его развития – прямей, а общее его душевное состояние – спокойней.

И тем не менее стоит все-таки указать на связь некоторых не до конца проясненных критериев оценки и отбора кадров, малоосвещенных массовых тенденций, действующих в обществе сил притяжения и отталкивания с изменениями в пропорции евреев и неевреев. Не потому, что их результатом явилось изменение этих пропорций, и не для того, чтобы эти пропорции «исправить», а потому что они породили ложные критерии ценности, и правильное распределение социальных и политических возможностей в стране будет возможно

лишь по прояснении эти вещей. Здесь важны две ассоциации – первая, связывающая еврейство с антифашизмом и вторая, связывающая еврейство с коммунизмом.

Угроза отождествления еврейства и демократии или ассоциация одного с другим всегда существовала в тех странах, где развитие в направлении демократии не было непрерывным, где приходится бороться с очень сильными и массовыми феодальными рефлексами покровительства и подчинения, где для того, чтобы люди сумели прийти к мировоззрению, основанному на равноправии и равенстве людей в человеческом достоинстве, им необходимо преодолеть очень прочные психологические и эмоциональные барьеры. В такой среде эмансипированным евреям, которым не нужно было изживать в себе феодальные рефлексы, а от уз своей прежней общности они уже, в основном, освободились, всегда было проще и естественней быть сторонниками демократии, чем остальным. Однако из-за различия социальных предпосылок, из-за изолированности евреев от остальной части общества особая притягательность еврейского демократизма как образца всегда была иллюзией. На деле все обстояло наоборот – отождествление еврейства с демократией вскоре стала явным содержанием антидемократических течений. Связанные с этим проблемы наблюдались в Центральной Европе повсеместно, в Венгрии они возникли еще на рубеже веков, а после кризиса, последовавшего за Первой мировой войной и октябрьской революцией, после распада исторической Венгрии и поражения Ввенгерской советской республики отождествление еврейства и демократии становится частью официальной идеологии контрреволюции.

Окончательная победа фашизма в этом отношении принесла то существенное изменение, что из обыкно-

венного реакционного заблуждения взаимосвязь еврейства с демократией превратилась в основной принцип отбора для страшной политической практики.

Повсюду в Европе фашизм привел к полному распаду институтов и рефлексов коллективной дисциплины, призванных сдерживать грубую жажду власти, ее крайности, человеческую жестокость и безразличный эгоизм в отношении к принципиальным целям, идеям и идеологиям; повсюду в Европе он выделил тип человека с фашистскими страстями и фашистской моралью, человека, готового во имя торжества насилия освободиться от сковывающего контроля руководящих принципов, подчиняющих общество объективным целям. Вместе с Центральной Европой Венгрия, в результате того, что здесь за фашизмом стояли свои общественные силы, свои страсти и социальные тупики, а также в силу специфического положения евреев в Центральной Европе, заведомо была обречена пережить антисемитский вариант фашизма, а близость Германии и ее безраздельная власть лишь способствовали тому, что масштабы преследования евреев превзошли то, на что венгерский фашизм оказался бы способным сам по себе. А следовало из этого, что пробным камнем всего фашистского отбора стало именно отношение к евреям или людям еврейского происхождения, которых преследования ввели в невиданную доселе изоляцию. Таким образом, фашизм производил свою политическую и нравственную селекцию исключительно в нееврейской части венгерского общества, причем селекцию такого охвата и силы, какой венгерское общество, даже если учесть освободительное движение 1848 года, не подвергалось уже на протяжении долгих столетий. За немалый срок, прошедший с выхода в свет первого закона о евреях до кровавого крушения контрреволюци-

онного правительства, у всех и каждого, кого не коснулись антиеврейские законы, было предостаточно и сильнейших соблазнов, и прямых поводов испытать безумное упоение вседозволенностью, быть бесчеловечным и жестоким, неблагодарным и подлым, добиться положения в обществе, власти, благополучия насильственным или безнравственным путем и безответственно наслаждаться ими. Эти возможности не просто выявили среди не затронутых антиеврейскими законами всех людей с подлой душой и самыми низменными склонностями, но и в среднем порядочном человеке пробудили все то дурное, что было в нем скрыто.

Вот тут-то и возникает момент, который в дальнейшем привел к тому, что на демократический и этический отбор руководящих кадров в Венгрии оказало влияние положение евреев; все дело в том, что евреи и подпавшие под действие законов о евреях – среди которых, разумеется, было не меньше или не многим меньше восприимчивых к фашизму натур – не испытали на себе произведенной фашизмом селекции. В итоге с крушением фашизма рядом оказались нееврейская и еврейская части венгерского общества: одна – прошедшая отбор и изрядно скомпрометированная, другая – в сознании собственных прав, данных ей немислимым числом невинно понесенных страданий, и не скомпрометированная фашизмом. И сколько ни подчеркивалось во всеуслышанье, официально, что законы о евреях сами по себе не превратили людей в демократов, все же на практике, за неимением достаточного числа демократов, получил значение тот факт, что у евреев наличествовало, по крайней мере негативное условие демократического отбора – факт, что запятнать себя фашизмом они не могли. Кому-нибудь из тех, кто располагает достаточным для такого дела авторитетом, следовало и среди евреев одно-

значно и резко провести черту между старыми активистами рабочего и других левых движений, старыми антифашистами и теми, для кого неприятие фашизма явилось прямым следствием преследований, притом не для того, чтобы в чем бы то ни было обделить последних, а для того, чтобы право служить примером демократизма и учить ему других оставить лишь за первыми; этого, увы, так и не случилось. Поскольку такого разграничения не произошло, незапятнанная репутация евреев привела к двум вещам, возымевшим весьма тяжкие последствия и обратный результат: во-первых, это были проповеди демократии, претензии на право поучать и поправлять других, а во-вторых, выступление от имени демократии людей, по существу, фашистского склада. Особенно опасными проповеди и поучения становились тогда, когда из них следовало, что сами проповедники на протяжении всего фашистского периода расценивали подлинные интересы венгерского народа правильно, ясно осознавая, сколь иллюзорна политика, направленная на восстановление Венгрии в ее исторических границах и какую угрозу таила она в себе, а посему и сегодня вправе одергивать и упрекать в шовинизме тех, кто принимает слишком близко к сердцу позор военного поражения и тяжелую судьбу венгров, оказавшихся за пределами страны, говоря об этом вслух, призывая по разным поводам к сохранению национального достоинства и защите национальных интересов. Вот уж и впрямь самое время придержать право достоверно судить о подобных вещах для тех, чье неприятие фашизма во всех его разновидностях, равно как и национальных иллюзий, датируется периодом, предшествующим преследованиям евреев!

Особенно опасно, когда люди фашистского склада вершат дела именем демократии в обстоятельствах ре-

волюционного насилия. Очень важно отличать революционность от фашистского насилия – более всего склонны ставить знак равенства между ними консервативные элементы, для которых и то и другое означает пренебрежение приобретенными правами, юридическими формальностями и мирными методами. Однако не всякая решимость, безжалостность и воля к власти равнозначны фашизму или родственны ему, даже если это *принципиальные* решимость, безжалостность и воля к власти, в связи с которыми, действительно, возникают проблемы. Между революционным и фашистским складом всегда легко провести четкую и ясную принципиальную границу: революционер тот, кто в интересах некоей *принципиальной цели*, строго подчиняясь ей, готов подавить в себе жалость и милосердие, фашист же тот, кто ради того, чтобы действовать, не зная жалости и милосердия, готов встать на службу любой цели, осилить любую реальную или надуманную идеологию, но, подчиняясь законам ставшего самоцелью одичания, ежеминутно переступает через цели этой идеологии. И поскольку в практике наших дней под революционностью принято понимать коммунизм, то тут мы вплотную подошли к вопросу отождествления коммунизма с еврейством.

Тождественность коммунизма властным амбициям еврейства давно уже стала лозунгом как европейского консерватизма, так и различных течений европейского фашизма. В Венгрии, особенно после первой Советской республики, это представление превратилось в одно из общих мест контрреволюционной общественной жизни, причем до такой степени, что в кругах венгерского среднего класса бытует всеобщее представление о том, что коммунистическое руководство и общее направление коммунизма служат еврейским целям и инте-

ресам, и связи с евреями достаточно для того, чтобы далее дорога напрямик вела к коммунистам. Всю степень смещения понятий как нельзя лучше иллюстрирует недавно подслушанное мною замечание: «И чем только Н не угодил коммунистам, ведь он же всю жизнь был либералом!» Эту изумительную бессмыслицу можно понять, лишь зная, что на языке венгерского среднего класса слово «либерал» означает филосемит, а коммунист – соучастник еврейской власти. Национализация крупной промышленности, беспощадно коснувшаяся и евреев, стала, пожалуй, первым шагом, всерьез поколебавшим основы этого доселе твердого убеждения. В отношении дальнейшей перспективы лучшим примером служит изменение положения евреев в России, ясно показывающее, что коммунизм, не будучи ни «сторонником» евреев вначале, ни их «противником» в дальнейшем, движим совершенно иными силами, чем отношение к евреям.

Зато справедливо, что еврейские рабочие и мастеровой люд, как и еврейская интеллигенция, в целом действительно восприимчивей к коммунизму, что довольно легко объяснимо иным отношением еврейства к феодализму и к капитализму и большей степенью социальной готовности. Ведь для того чтобы принять социализм, в особенности социализм марксистский, очень важно прежде продумать всю внутреннюю логику капитализма, вплоть до самых окончательных следствий, поэтому человеку, воспитанному в духе феодального покровительства и подчинения, даже простое понимание марксизма дается с трудом. Вот каким образом, а вовсе не посредством тайного сговора еврейских капиталистов с еврейскими социалистами связаны между собой капитализм и социализм евреев. Причем взаимосвязь это не массовая, в результате нее в буржуазно-демократичес-

ком по своему характеру еврейском обществе происходит отбор некой элиты, которая затем попадает в ассимилирующий ее плавильный котел рабочего движения, в особенности, революционного рабочего движения. И по мере того, как будет продвигаться вперед развитие всего общества, в тех же самых пропорциях будут постепенно возникать условия для того, чтобы за счет вновь присоединившихся к движению и акциям социализма выравнился и состав его участников.

После 1944 года проблема в Венгрии в этом отношении состоит уже не в соотношениях старых и проходящих серьезный отбор ассимилирующихся с ним новых членов движения, а в массе вновь присоединившихся и присоединяющихся к нему под влиянием отшумевших недавно преследований. Их многочисленность, помимо самого факта преследований, связана еще и с некоторой спецификой венгерских условий. Дело в том, что когда преследования евреев приобрели общеевропейские масштабы, повсюду в Европе достаточно эффективно им противостояли две силы: первой стали боевые левые движения, и в их числе в первую очередь коммунистическое, второй – подлинные оплоты европейской традиции: церкви, консервативная бюрократия, консервативные средние слои. Бесспорно, наибольший размах противостояния по всей Европе связан с первым из факторов, но и второй, не столько в области идеологической борьбы, сколько в отношении прямой физической защиты и спасения евреев, означал немалую силу. В Венгрии же, как мы убедились, силы европейского консерватизма, вопреки отдельным стараниям, в целом оказались несостоятельны, ибо из-за своего контрреволюционного настроения были уже заражены фашизмом и потому в самые решающие минуты пребывали в растерянности. В результате аполитичная

по своему существу масса венгерского еврейства, до этого крайне пассивно следовавшая за консервативной в общем и целом либерально-капиталистической правящей верхушкой, теперь, по завершении преследований, не видит иной, кроме компартии, силы, которая устояла бы нравственно и была бы способна защитить ее физически. Это не означает, что вся эта масса в большинстве своем превратилась в убежденных коммунистов, еще менее она в состоянии следовать за коммунистической партией после различных антикапиталистических акций; просто она имеет в виду, что всякое реставрирующее капитализм правление в Венгрии будет одновременно означать и контрреволюционный антисемитизм. Никто не вправе возражать против такой постановки вопроса, вот только в качестве массового явления она поднимает некоторые проблемы.

Одним из аспектов этого явления сочло своевременным заняться и само рабочее движение: а именно тем, что по части образа жизни, жизненных идеалов и мышления в массе новообращенных сильны буржуазные пережитки. Не пускаясь в излишне пространные объяснения, отмечу только, что усердие и непреклонность, с которыми партия преследует и при необходимости полностью изживает в своих рядах эти буржуазные тенденции, как и вообще ее действия, направленные на ограничение капиталистического и торгового элемента, выглядят скорее жестче, чем мягче того, что сторонний наблюдатель счел бы уместным.

Следующую группу присоединившихся распознать уже не так легко, хотя проблемы, которые они причиняют, тоже вполне ясны и очевидны, — это группа тех, кого присоединиться к движению и быть верным ему во что бы то ни стало толкает сознание того, что именно коммунисты наиболее решительно требуют и добива-

ются самых жестких репрессий и наказаний в отношении своих противников, в первую очередь фашистов, а приверженцам своим открывают доступ к сильным и эффективным властным позициям. Ради этого люди этого склада готовы с радостью, без колебаний и, если надо, то целиком и полностью отказаться от собственных буржуазных пережитков и склонностей. У этого душевного состояния есть две подлежащие совершенно разным нравственным оценкам составляющие: одна, более редкая, это не находящая покоя жажда удовлетворения за перенесенные обиды, и вторая, более частая, это упоение властью ради власти, любовь к насилию ради насилия, то есть то, что выше мы назвали фашистским складом. Выявлять и отсеивать подобные явления — дело не легкое и не скорое, потому что если акцентировать в первую очередь борьбу против бесцельной жестокости, то пострадает революционность, если же стремиться ограничить евреев, то вместо ослабления фашистского элемента произойдет его усиление.

Из всего этого вытекает очень много такого, из-за чего на практике партийные акции местами бьют мимо цели, а местами подрывают популярность самой партии. Можем ли мы, однако, зная это, говорить о том, что властные структуры венгерского коммунизма пронизаны такими взаимосвязями, которые в совокупности означают возможности власти для еврейства?

Многим покажется весьма странным, если мы скажем, что в настоящий момент, с учетом всех фактических обстоятельств и перспектив развития, существование еврейской власти в Венгрии куда менее реально, чем когда бы то ни было в новейшей истории, и что все венгерское политическое развитие находится в той стадии, когда уже в обозримом будущем вся проблема пропорций евреев и неевреев полностью исчерпает себя.

Что такое *еврейская власть*? Нам следует очень четко определиться с употреблением этого выражения, если мы не хотим скатиться к плоским заблуждениям из области расхожих суждений. Назвать совокупной властью некое множество личных позиций многих людей, их властные возможности можно только тогда, когда эти личные позиции, эти функции и возможности каким-либо образом устойчиво соотносятся между собой в общественных структурах и когда присутствующий в этой их соотнесенности какой-либо общий момент – в данном случае то, что обладателями этих позиций являются евреи, – играет, с точки зрения этой соотнесенности, решающую, направляющую, регулирующую роль.

Исходя из этого, прежде всего уясним себе, что в этом смысле ни все евреи вместе взятые, ни отдельно взятые венгерские евреи – в силу многообразия и нестабильности их общественного положения, мировоззрений, национальной или социальной принадлежности – не могут образовывать какой бы то ни было единой власти. Не можем мы утверждать и того, что чисто религиозные или другие сколь либо значительные еврейские организации обладают в Венгрии какими-то властными позициями. Говорить о еврейской власти мы можем лишь в одном смысле – пытаясь найти в обществе такие в целом не еврейские властные структуры, в которых факт еврейской принадлежности занимающих определенные позиции и имеющих определенный круг влияния людей имеет решающее, координирующее и направляющее значение. В этом смысле еврейской властью была в свое время еврейская половина венгерского капитализма: это была разветвленная сеть, которая охватывала все общество по горизонтали; знакомства, взаимные услуги, общие предприятия и интересы, личные и материальные гарантии создания и сохране-

ния состояний и источников дохода пронизывали ее и связывались в ней воедино, и всю эту сеть можно было в нужный момент ради евреев вообще или ради каких-либо конкретных евреев как евреев в частности, в связи с неким делом, интересом, нуждой, трудностью, обидой привести в движение, прибегнуть к ней как к средству, склонить ее к щедрости; это была система, готовая в рамках своей обширной и жестко не очерченной сферы интересов двигать вперед дела, за счет собственного веса направлять совместные акции и формулировать заявления таким образом, чтобы при этом иметь в виду и общие еврейские интересы. В меньшей степени такими возможностями располагали пресса и сфера распространения культуры, а также некоторые левые политические организации. Они при ближайшем рассмотрении действовали совсем не так, как обычно воображают себе те, кто знаком с ними по антисемитским страшным историям, и если какой-нибудь убежденный еврей, уверовав в них, обращался к любой из этих властей, то, горько разочарованному, ему на собственном опыте приходилось удостовериться в том, что «еврейская солидарность» не срабатывает или подчиняется другим силам. Зато более скромный претендент мог обнаружить, что хоть и нет в них согласованного общееврейского плана и далеко идущего коллективного самосознания, тем не менее, с еврейской точки зрения, это вполне сносно действующие организации.

В этом смысле основательной и устойчивой еврейской власти сегодня в Венгрии не существует. Прежде всего, дело в том, что, даже если пренебречь национализацией крупного капитала, за время действия антиеврейских законов и преследований евреи подверглись такому разгрому и уничтожению средств существования, оправиться от которого и занять прежнее место в

экономической жизни им так и не удалось; теперь же, с началом социалистических преобразований, такие шансы будут лишь убывать. Что же касается крупных организаций, способных стать средоточием жизненных интересов отдельных людей, то в сегодняшней Венгрии те структуры, те сферы, где некогда действительно проявлялась еврейская власть, будь то капитализм или левые политические объединения, вместе с нееврейскими своими частями или распались, или влились в другие структуры, или попали в полную зависимость.

Общеизвестно, однако, что в связи с этим возросло число евреев, устроившихся на государственную службу, нашедших место в национализированной экономике и партийных организациях, но более чем сомнительно, чтобы эти структуры образовывали такую же взаимосвязанную сеть властных и социальных интересов, как некогда «еврейский капитал». Оттого, что в той или иной структуре сколько-то людей еврейского происхождения занимают важные посты, еще вовсе не следует, что это что-либо означает с точки зрения конкретных еврейских интересов, еврейской солидарности, компенсации еврейских обид. У многих евреев и бывших преследуемых время от времени складывается горький или, во всяком случае, отдающий горечью опыт обращения за пустяковым одолжением или с самыми законными требованиями к обладателям высоких постов, которых принято считать евреями, ибо те не проявляют ни малейшей охоты принять их дело близко к сердцу как еврейское дело, если оно не имеет прямого отношения к руководящей линии и целям государственной власти, пусть даже и не вступая в противоречие с ними.

Вот почему в то время как христианские средние слои и мелкобуржуазные массы убеждены, что евреям в

Венгрии живется как нельзя лучше, и власти у них сейчас хоть отбавляй, сами евреи, ощущающие положение еврейства в целом на самих себе, не могут не чувствовать, как непрочно, уязвимо, опасно это положение со всеми его позициями и возможностями вершить суд. Для стороннего наблюдателя эта опасность ощутима лишь по заявлениям общественных сил, рассчитывающих на победу контрреволюции и реставрацию, поэтому даже в евреях-некоммунистах ощущение опасности связано с угрозой контрреволюционной реставрации и страхом перед ней. Обоснованным здесь является лишь то, что взрывообразные, пущенные на самотек антисемитские акции действительно угрожают им только в случае такой реставрации.

Между тем уязвимость еврейского положения налицо, она независима от этой угрозы и глубже нее. Налицо, потому что в следующих друг за другом крайностях антиеврейских настроений времен контрреволюции, еврейской безопасности периода консолидации, антиеврейских законов, преследования евреев и, наконец, освобождения, положение еврейства все больше и больше обострялось, пока, наконец, дело евреев не оказалось накрепко связанным с такими своими отождествлениями, что уже окончательно утратило всякую самостоятельность. Теперь даже в случае самой успешной реставрации еврейский крупный капитал и крупная буржуазия были бы уже навсегда оттеснены на скромное и целиком зависящее от обладателей консервативной политической и социальной власти место, а еврейский демократизм и радикализм, который по ходу истории отождествлял себя с самыми различными организациями и с ними вместе оказывался в тупике, на сей раз оказался бы в безраздельной зависимости от движения, которое само себя никогда всерьез с ним не отожд-

дествляло: от революционной партии рабочего класса. Ибо эта политическая организация не из тех, которые могут быть серьезно использованы в иных, более широких целях, выходящих за рамки их внутренней дисциплины, задач и законов. Менее значительные посты в ней вполне может занимать и занимает предостаточно людей, в которых живо еврейское самосознание, еврейская солидарность и память о еврейских страданиях, и это может играть свою роль в их отношении к людям, понимании тех или иных вопросов, однако их возможности в этом отношении зависят от случая, уязвимы и неопределенны.

Лишь общественные структуры, разветвленные по горизонтали, пригодны для того, чтобы стать средоточиями разнообразных форм социальной солидарности; дисциплина и вся внутренняя структура партии коммунистов строятся на жестких и наряженных связях, направленных и кверху, в сторону высшего руководства, и книзу, к массам, и отдельные позиции внутри этой структуры не имеют собственной опоры и равновесия, и до каких пор можно удерживаться на них, зависит от действующих в обоих направлениях партийных сил, позиций и внутренних течений. Таким образом, ни у кого нет возможности без риска для собственного положения в течение долгого времени регулярно использовать институт партии в качественно иных, горизонтально направленных интересах. Если в свое время открыто антисемитской контрреволюционной государственной власти для того, чтобы лишить евреев их экономических позиций и государственных должностей, понадобилось особое законодательство, вызвавшее серьезные потрясения внутри страны и весьма суровое осуждение в Венгрии и за ее пределами, то сегодня, если руководители партии придут к выводу о том, что в целях ее даль-

нейшего развития необходимо, чтобы столько-то позиций в ней занимали неевреи, то им для этого никаких законов не понадобится, они могут проделать это даже не произнося вслух слова «еврей».

Разумеется, те кто привыкли однозначно отождествлять господство евреев с господством коммунистов, обиды, полученные от евреев, с обидами, полученными от коммунистов, не могут себе представить, что может побудить коммунистов к осознанию вредных последствий отождествления евреев с коммунистами. Они видят, что этих последствий повсюду более чем достаточно, и если коммунисты их не замечают и ничего против них не предпринимают, то, значит, нет тому другой причины, кроме того, что их это вполне устраивает и ничего предпринимать они не собираются. Между тем актуальность той или иной проблемы для коммунистической партии определяется не душевным состоянием различных, отчасти настроенных против нее групп, а внутренними законами собственных действий и собственного развития. И в этом смысле для того, чтобы коммунистическая партия занялась этой проблемой, налицо должны быть два условия: первое, когда по внутреннему развитию, успехам или неудачам ее собственных действий будет ощущено, что отождествление евреев с коммунистами становится реальной, созревшей для того, чтобы принять ее во внимание, опасностью. Второе, когда на пополнении партии скажется то расширение ее социальной базы, которое произошло после освобождения и которое со временем непременно изменит те как давние, так и новые перекосы в ее составе, о которых мы уже говорили. Произойдет это, разумеется не так, как рисуется воображению средних классов, полагающих, будто внутри самой партии идет борьба между еврейским и антиеврейским крылом, и антиеврейское крыло некоторым образом

симпатизирует национальным антикоммунистам и намеревается сделать коммунизм приятней для них. Как расширение социальной базы партии, так и воспитание выдвигающихся при этом из ее среды новых руководителей ведется общими и энергичными усилиями руководящего слоя как еврейского, так и нееврейского происхождения, и судя по всем видимым признакам, новый руководящий слой ничуть не будет внимательней к тем, кто связывает с ним какие-то свои национальные или антисемитские чаяния. Что же касается низового партийного руководства и широких партийных масс, то тут и в самом деле можно себе представить, что в ходе этого процесса в их среде могут возникнуть диссонантные, граничащие с антисемитизмом явления, однако, как и во всем остальном, и в этом отношении невозможно себе представить, чтобы партией можно было воспользоваться как инструментом в иных, не совпадающих с ее устремлениями целях.

Пути решения

ЧТО ЖЕ вырисовывается на фоне преследования евреев вообще и сложившейся за последнее время обстановки в Венгрии в частности? Вырисовывается то, что речь идет о таких бесчеловечных взаимоотношениях, о таком круговороте предрассудков, страхов, групповых трений, тяжелейших обид и преследований, для которых в мире человеческих страстей, жестов, мыслей есть уже не одна наезженная колея, так что даже после возможного облегчения достаточно малости, чтобы все продолжилось или началось заново, во всей своей бесчеловечности.

Мы уже говорили о том, что, зная все это, безнадежно было бы искать некое единственное «решение»,

чудодейственное средство, волшебное слово, а нужно замедлить этот круговорот, изменить стоящие за ним условия, гуманизировать всю его атмосферу. В венгерских условиях самое главное сегодня – это воспитывать и распространять дух *осознания ответственности за преследования евреев*, и в то же время найти такой общий подход, который, со всей серьезностью признания ответственности и вины, позволил бы прояснить условия, меру и границы наказания за них; далее, в вопросе отношения к национальной общности, необходимо одновременно и всерьез признать реальность и возможность как *ассимиляции*, так и *особого еврейского самосознания*, обеспечить соответствующие ясные условия и доброжелательную обстановку и для того, и для другого, одновременно очистив проблему идентичности от всяческих общих схем, от всяческого форсирования и каких бы то ни было требований; и, наконец, нужно быть бдительными в отношении новых проявлений антисемитизма, особенно той его разновидности, которая, утверждая тождество *демократии и еврейства*, старается натравить их друг на друга, а значит – быть бдительными и в отношении критериев отбора кадров, отказываясь от тех, которые могут подавать повод к подобному отождествлению. Для этого нам, каждому в своей сфере, нужно выступать против тех, будь то евреи или антисемиты, кто заблуждается относительно тождественности еврейства и демократии и действует в соответствии с этим, выступать, какой бы неблагодарной ролью не было бы это и в том, и в другом случае. Однако это ни в коем случае не означает требования такой политики, которая вращалась бы исключительно вокруг еврейского вопроса и антисемитизма или стремилась бы «улучшить» пропорции; все, что делается в этом направлении, должно делаться именем такой политики, которая

способна переступить через прежние болезни венгерского социального отбора, видеть дальше, ибо т. н. пропорции занятости евреев всего лишь один из многих, а не единственный их симптом. В качестве конкретной своей задачи такая, равнозначная устремлению к бесклассовому обществу, политика должна, с одной стороны, преобразовать всю систему воспитания, с другой, сдвинуть с мертвой точки все еще наиболее инертную часть венгерского социума – пассивную, находящуюся как бы вне общества крестьянскую бедноту, ибо в ее положении и кроется конечная и до сих пор еще главная причина всех искажений венгерского социального отбора.

Отвлекаясь от сиюминутных венгерских проблем, можно сформулировать в качестве общезначимых две вещи: во-первых, нужно, идя дальше еврейского вопроса, бороться вообще против предрассудков о неизбежном неравенстве людей и за социальное устройство, основанное на их равенстве, иными словами, за новый порядок и сбалансированность в окружении евреев; во-вторых, во все виды человеческого общения евреев и неевреев, в тон и жесты диалогов, вопросов, ответов, упреков, объяснений, обвинений и признания вины нужно вдохнуть искренность, заново очеловечить их. *Очеловечить* – это не значит, избегая называть вещи своими именами, сглаживать их до *общих мест*, а значит, вопреки схематически застывшим, отягченным предрассудками отношениям евреев и неевреев, найти и донести скрытое в них человеческое содержание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВЕСЬ ЭТОТ ХОД рассуждений, несомненно, вызовет множество возражений и критических замечаний, и это в порядке вещей. Заранее мне хотелось бы ответить лишь на некоторые неизбежно последующие замечания.

Первым таким замечанием будет то, что докапываясь до социальных корней проблемы, автор излишне перегружает свои умозаключения моральными принципами, психологическими моментами и анализом индивидуальных мотивов, тогда как в коротком и ясном изложении корни эти сводится все к той же истине, что обострение еврейского вопроса связано с трудностями и деформациями социального развития и, стало быть, по мере очищения его путей и с началом построения бесклассового общества проблема эта практически сама исчерпает себя. Защите этого положения я и без того уделил больше внимания, чем оно того заслуживает как, пусть самая существенная и решающая, но тем не менее частичная истина. Но где гнездятся массовые истерии, фашизм и антисемитизм со своими подобиями, там кроются и прочие нравственные и психологические проблемы, и если мы не учтем их, то не сумеем исчерпывающе объяснить обострения противоречий, и тогда неожиданные сюрпризы могут застать нас врасплох.

Вторым возражением будет то, что несправедливым весь ход мысли становится как раз в силу своего чрезмерного стремления к объективности, ибо параллельность, с которой рассматриваются обиды и опыт евреев и их окружения, создает такую атмосферу обсуждения вопроса, в которой обиды и неблагоприятный опыт окружения выглядят равноценными неизмеримым страданиям евреев, и что особенно опасно, рассуждения, претендующие на объективность, могут укрепить мнение, согласно которому в возникновении антисемитизма отчасти повинны и сами евреи, а анализ различных антисемитских настроений, частое повторение соответствующих утверждений побуждают признать за антисемитизмом право на существование. Однако намерения параллельного анализа и изложения антиеврейских взглядов состоят не в том, чтобы признать правоту каждой из сторон и подвести некий примирительный итог между еврейством и антисемитизмом. Анализ этот нужен потому, что дверь в социальную и социально-психологическую реальность нельзя запирать ни с одной стороны, ни под каким предлогом, и тот, кто ходом своей мысли намерен повлиять на нравственные оценки людей, тем более обязан назвать вслух и бросить на весы всё относящееся к реальности, ибо лишь после этого он вправе пытаться выманить их из-под панциря страданий, обид, нечистой совести, ложного опыта, под которым они от реальности прячутся.

Наконец, прозвучит и третье возражение – насчет того, что автор изложенных рассуждений не то что излишествует в соблюдении равенства в вопросах взаимной вражды евреев и антисемитов, а, напротив, подходит к этим, параллельным в конечном счете и взаимодополняющим вещам, с большим пристрастием: для неевреев не жалеет жестких и осуждающих

слов, без конца подчеркивая их ответственность за преследования, давая тем самым евреям лишний повод требовать возмездия, в то время как о безудержности евреев не произносит ни слова, а замечания по поводу того, как их поведение влияет на окружение, укутывает ватой.

Но ведь и это отнюдь не случайно. Тот, кто даже самое малое о положении евреев хочет сказать так, чтобы быть при этом услышанным ими, первым делом должен полностью преодолеть в себе две вещи: во-первых те более или менее сильные эмоции – гнев, враждебность, досаду, которые он когда-либо испытывал к евреям или они вызывали в нем, а во-вторых, склонность к всякого рода менторству и дидактике, малейшим попыткам учить добру. Опыт тысячелетней истории соединил для евреев воедино всякий выход раздражения извне с их собственной беззащитностью перед самыми несправедливыми гонениями, малейшее поучение – с картинами полного пренебрежения, обращения с ними как с моральными изгоями. А кроме того, никакая страстность нравственных суждений и жесткость приговоров не возымеет успеха, если с равной силой не обращена и к самому говорящему. Так что предоставим это тем, кто обращается к евреям от их собственного имени, будучи сами евреями.

У меня же не было причин осторожничать в отношении своих венгерских собратьев, ибо среди предрассудков, раздражения, чувства собственного превосходства, черствости, поступков и проступков, столь нелицеприятно описанных мною, не было ничего такого, чего я не испытал бы так или иначе сам или за что прямо или косвенно не чувствовал бы себя в ответе. Потому и читателя я прошу задерживаться не на том, что близко ему тем, как судят о других и как обращают-

ся к другим, а скорее на том, что относится к нему самому. И мне бы хотелось, чтобы те, кто не может согласиться с позицией автора, приняли бы за общую отправную точку его *добрые намерения*.

1948

Комментарии и библиография*

Книга «Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года» (*Zsidókérdés Magyarországon 1944 után, 1948*) подготовлена к публикации на русском языке на основе издания: *Bibó István. Válogatott tanulmányok, II. k. Magvető, Budapest, 1986. Válogatta és az utószót írta Huszár Tibor., szerkesztette és a jegyzeteket készítette Vida István és Nagy Endre.*

В комментариях использован справочный аппарат данного издания.

Избранная библиография трудов И.Бибо опубликована в кн.: *Бибо Иштван. О смысле европейского развития и другие работы. Серия «Bibliotheca Hungarica».* М.: Три квадрата, 2004. С. 475–477.

* Работа выполнена в рамках проекта, осуществленного при поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ), грант №05-01-01283а: «Эмиграция и иммиграция в странах Центральной и Восточной Европы в XX–XXI веках».

1. Праворадикальная партия «скрещенных стрел» (нилашисты от венгерского слова «nyilas» – стрелок из лука) была образована в 1939 г. при материальной и политической поддержке гитлеровской Германии. Ее основателем был отставной офицер Ференц Салаши (1897-1946). В условиях режима Хорти партия не играла ведущей политической роли и находилась в оппозиции, иногда сближаясь с крайне правым флангом хортистской элиты. Предпринятая в октябре 1944 г. в условиях наступления Красной Армии на Венгрию попытка М.Хорти и его окружения выйти из войны была прервана вследствие путча, организованного при участии вермахта. 15-16 октября в Будапеште была установлена власть нилашистов, сфера действия которой постепенно сужалась по мере освобождения страны осенью 1944 – весной 1945 г. (штурм Будапешта завершился 13 февраля). Попытки правящей группировки мобилизовать не только армию, но и мирное население на сопротивление Красной Армии сопровождались массовым террором. В 1946 г. Салаши был казнен как военный преступник.

2. Согласно переписи 1941 г. в Венгрии в ее расширившихся в ходе Второй мировой войны границах (см. прим. 8) проживало 725 тыс. лиц иудейского вероисповедания. Под действие антиеврейского законодательства (см. прим. 4, 6) в 1941 г. попадало, по некоторым подсчетам, до 825 тыс. человек (см.: *Braham, Randolph L. The Politics of Genocide: The Holocaust in Hungary. Vol. II. New York, 1981, pp.1143–1144; Kádár, G.; Vági, Z. Rationality or Irrationality? The Annihilation of Hungarian Jews // The Hungarian Quarterly. Vol. 45. № 174. Budapest, Summer 2004, p. 37*) Известный американский историк И.Деак в качестве минимальной применительно к марту 1944 г. приводит цифру в 760 тыс. человек: *Deák, István. The Holocaust in Hungary // The Hungarian Quarterly. Vol. 45. № 176. Budapest, Winter 2004, p. 51*. Заметная разница между цифрами объяснима тем, что в 1941 – начале 1944 гг. большое количество евреев погибло на фронте, умерло в трудовых лагерях при строительстве военных укреплений, а также вследствие ряда насильственных депортаций, проведенных главным образом на территориях, присоединенных к Венгрии в 1938–1941 гг.; в условиях военного времени заметно снизилось и естественное воспроизводство населения. Количество евреев Будапешта немногим не достигало 250 тыс. человек.

В литературе приводятся разноречивые данные относительно количества жертв Холокоста в Венгрии. Известный исследователь Холокоста Р. Брэм называет цифру 564 тыс. человек (см.: *Braham, Randolph.L.* Op. cit., p. 1144), в ряде публикаций приводятся более высокие цифры. Так, по мнению некоторых авторов, около 620 тыс. умерло вследствие крупномасштабных депортаций, развернувшихся после оккупации Венгрии германской армией 19 марта 1944 г.; общее же число потерь еврейского населения Венгрии за годы войны достигло 686 тыс. человек (см., например: *Patai, Raphael.* *The Jews of Hungary. History, Culture, Psychology.* Detroit, Michigan. Wayne State University Press, 1996, p. 590). В середине 1990-х годов венгерский историк Т.Штарк на основе выверенного анализа многочисленных источников (в первую очередь, статистических) подверг эти цифры существенной ревизии. По его мнению, количество жертв Холокоста в Венгрии колеблется в пределах 440–465 тыс. человек, тогда как верхняя цифра потерь военного времени применительно к венгерским евреям едва ли превышает 510 тыс. человек (см.: *Stark Tamás.* *Zsidóság a vézskorszakban és a felszabadulás után, 1939–1955.* Budapest, 1995. 75–87. o). Его выкладки считает убедительными Я.Дюрдяк (см.: *Gyurgyák János.* *A zsidókérdés Magyarországon. Politikai eszmetörténet.* Budapest, 2001. 188. o).

Разница между цифрами отчасти обусловлена несовпадением данных относительно количества депортированных в Освенцим и другие концлагеря – в литературе приводятся числа от 437 тыс. (*Kádár, G.; Vági, Z.* Op. cit., p. 39) и 445–450 тыс. (*Gyurgyák J.* Op. cit., 180. o.; *Stark T.* Op.cit., 20–26 o.) до 600 и более тыс. человек. Некоторое завышение количества жертв могло происходить также при отсутствии проверенных данных относительно количества евреев, выживших после депортации, но не вернувшихся в Венгрию.

По данным, приведенным в литературе последних лет, в Будапеште, где удалось предотвратить истребление обитателей большого еврейского гетто, погибло 40% евреев, в венгерской провинции 75% (См.: *Erdei A.* *A magyarországi zsidóság migrációja (1945–1955)* // *Beszélő.* Budapest, 2004 április, p. 69).

3. Вследствие контрреволюционного террора, развернувшегося после подавления в начале августа 1919 г. Венгерской Советской республики, погибло не менее 1500 человек. В это число не входят

жертвы судебных расправ – в 1919–1920 гг. было приведено в действие около 100 смертных приговоров в отношении активистов советской власти в Венгрии. Из 1500 погибших в результате несанкционированного насилия около 650 стали жертвами бесчинств румынской оккупационной армии (см.: Gyurgyák J. Op. cit., 113 о.). Судя по многочисленным свидетельствам, высокий процент среди погибших составляли евреи, что объяснимо активным участием лиц еврейского происхождения в деятельности венгерской компартии, однако точная цифра едва ли поддается исчислению. (См. также прим. 29.)

4. Первый закон, призванный ограничить активность венгерских евреев в экономической и общественной жизни, был принят в мае 1938 г. Согласно закону, среди госслужащих, а также лиц, занятых в качестве врачей, адвокатов, журналистов, инженеров, представителей некоторых других профессий, и зарегистрированных в соответствующих профессиональных организациях (в том числе коллегиях, объединяющих лиц свободного труда), евреи по вероисповеданию не должны были превышать 20%. (См.: Magyarországi zsidótörvények és rendeletek 1938–1945. Összeáll. Vértes Róbert. Budapest, 1997.)

О масштабах присутствия евреев в различных сферах общественной жизни Венгрии до 1938 г. дают представление следующие цифры. При том, что доля евреев-иудеев в общей численности населения Венгрии не превышала 5,6 %, в 1930 г. евреями (по вероисповеданию) были 55% врачей, 49% практикующих адвокатов и юристов, 30% инженеров, 59% банковских служащих, 46% торговцев. Если сюда же были бы отнесены также крещенные евреи, то цифры оказались бы еще более внушительными. Не менее трети евреев имели свой бизнес (см.: Kádár, G.; Vági, Z. Rationality or Irrationality? The Annihilation of Hungarian Jews // The Hungarian Quarterly. Vol. 45. № 174. Budapest, Summer 2004, p. 33).

Столь беспрецедентное по масштабам присутствие евреев в экономике и общественной жизни страны было отнюдь не следствием некоего «заговора», как пытались показать националистически настроенные публицисты, а сложилось в силу исторических причин. С конца XIX в. в Венгрии существовали более благоприятные, чем в большинстве европейских государств, условия для продвижения

евреев по ступеням социальной лестницы. Наряду с более давними традициями веротерпимости в многоконфессиональном венгерском обществе (так, управляемое венгерской знатью Трансильванское княжество было первой страной, где еще в 1571 г., за год до Варфоломеевской ночи во Франции, был принят закон, по существу уравнивавший в правах католиков, кальвинистов и лютеран), это было связано с особенностями этнической структуры Венгерского королевства. Поскольку венгры составляли всего около 50% населения восточной (управлявшейся из Будапешта) половины дуалистической Австро-Венгрии, правительство сознательно стремилось увеличить удельный вес венгерского элемента в монархии за счет ассимиляции 5%-ного еврейского национального меньшинства, около трех четвертей которого к началу XX в. были мадьяризированы. Решение этой задачи было возможно лишь при отсутствии каких-либо дискриминационных мер в отношении евреев.

Между тем, по мере дальнейшего развития капитализма в Венгрии, выходцы из среднепоместного дворянства, составлявшие главную социальную базу консервативно-националистического лагеря, продолжали все более приспосабливаться к законам капиталистической экономики и, следовательно, не могли не видеть в молодой еврейской буржуазии преуспевающего, а значит, весьма опасного для них конкурента. Достаточно сказать, что уже в 1896 г. евреям принадлежало 30% банковских вкладов. Острый политический кризис 1905–1906 гг. завершился укреплением властных позиций националистически ориентированных сил. С этих пор происходит корректировка политики в отношении евреев – благоприятствование сменяется некоторым сдерживанием.

5. Массовые преследования евреев имели место и в Румынии, управлявшейся в 1940–1944 гг. маршалом И.Антонеску. В 1941–1942 гг. власти депортировали в оккупированную румынской армией Транснистрию большое количество евреев из разных областей страны. До сентября 1943 г. там в лагерях, главным образом от голода, умерло 110 тыс. человек; 15 тыс. человек стали жертвами погромов в Яссах, Бухаресте и др. (см.: *Unanswered Questions. The Genocide of the Jews.* Ed. François Furet. New York, 1989. 162 p. См. также: *Acel, Jean. The Romanian Way of Solving the «Jewish Problem» in Bessarabia and Bukovina, June-July 1941 // Yad Vashem Studies, № 19 (1988). Pp. 187–232;*

Acel, Jean. Romania: Jews during the Holocaust // Gutman, I., ed. *Encyclopedia of the Holocaust.* New York, Macmillan, 1990. Pp.1292–1300; *Braham, Randolph.L.* Romanian Nationalists and the Holocaust: The Political Exploitation of Unfounded Rescue Accounts. New York, Columbia University Press, 1998). Тем не менее в Румынии не было геноцида евреев, сопоставимого по масштабам с Холокостом в Венгрии. Историки до сих пор задаются вопросом, почему, к примеру, в Голландии, где не было традиций антисемитизма, погибло большинство евреев, тогда как в Румынии, где антисемитизм имел давние и глубокие корни, большая часть евреев уцелела. См.: *Deák, István.* The Holocaust in Hungary // *The Hungarian Quarterly.* Vol. 45¹. 176. Budapest, Winter 2004.

6. Согласно второму, гораздо более жесткому антиеврейскому закону, внесенному правительством Б. Имреди в декабре 1938 г. и утвержденному в апреле 1939 г., евреи не могли получить венгерское гражданство, могли быть лишены гражданства решением МВД, если получили его после 1 июля 1914 г. Они лишались отныне права быть госслужащими, в том числе на местном уровне, им запрещалось становиться редакторами газет и издателями, стоять во главе театров и кинотеатров. Среди членов коллегии адвокатов, гильдии актеров, профессиональных организаций врачей и инженеров евреи могли теперь составлять не более 6%. Доля евреев среди имеющих разрешение на частное предпринимательство не должна была превысить 12%. Евреи не имели также возможности получить разрешение на предпринимательскую инициативу, которая предоставляла бы им монополию в своей сфере деятельности. Согласно второму закону (в отличие от первого), к евреям относили не только иудеев, но тех, у кого отец или мать (либо двое из 4 бабушек и дедушек) принадлежали к иудейскому вероисповеданию. (См.: *Magyarországi zsidótörvények és rendeletek 1938–1945.* Összeáll. Vértes Róbert. Budapest, 1997.)

Закон возымел наибольшие последствия в той своей части, которая касалась ограничения предпринимательской деятельности. В 1930 г. в Будапеште евреям принадлежало 26% жилья, сдаваемого в аренду, они обладали 45% годового дохода от аренды собственности (*Kádár, G.; Vági, Z.* Rationality or Irrationality? p. 34). В 1935 г. евреи (иудеи по исповеданию) контролировали 49% венгерской метал-

лургии, 41% машиностроения, 73% производства текстиля; гораздо более слабыми были позиции евреев в сельскохозяйственном производстве – около 10% (Ibid.). Таким образом, любая экономическая дискриминация 5% населения автоматически влекла за собой перераспределение не менее 20–25%, а в некоторых областях промышленности и банковском деле до 50 и более процентов собственности.

В дальнейшем хортистские правительства шли по пути еще большего ужесточения антиеврейского законодательства; закон, принятый в августе 1941 г., запрещал смешанные браки. Против введения под давлением нацистской Германии антиеврейских законов выступало проанглийское крыло хортистской политической элиты во главе с графом И. Бетленом. В 1942 г. правительство М. Каллаи отклонило германское требование о депортации из страны евреев-уроженцев Венгрии.

Попытки преодоления еврейского «засилья» вели к особенно тяжелым последствиям в сфере здравоохранения. В некоторых областях Венгрии под действие антиеврейского законодательства попадало 80% врачей (*Kádár, G.; Vági, Z. Rationality or Irrationality?* p. 45), а вследствие массовых депортаций 1944 г. оставался один врач на 50 тыс. человек, тем самым возникла реальная опасность эпидемии тифа (Ibid., p. 47).

7. Имреди Бела (1891–1946) – премьер-министр Венгрии в 1938–1939 гг., сторонник прогерманской ориентации во внешней политике, дальнейшего ограничения парламентаризма, реорганизации политической системы хортизма по образцам «третьего рейха». В бытность премьер-министром пытался в противовес партии власти создать новую партию профашистского толка. Отставка Имреди была инициирована его политическими конкурентами с правого фланга, развязавшими кампанию в прессе в связи с обнаружением его еврейских корней. В дальнейшем сблизился с нилашистами, которых преследовал, находясь у власти, за подстрекательство к свержению режима. После оккупации Венгрии германскими войсками 19 марта 1944 г. Хорти отклонил предложение Гитлера о назначении Имреди премьер-министром. Входил в правительство Д. Стояни в качестве министра без портфеля, подал в отставку в знак протеста против далеко зашедшего перераспределения крупной венгер-

ской частной собственности в пользу немецкого капитала. Поддержал нацистский путч в октябре 1944 г., но был заключен Салаши под домашний арест ввиду опасений захвата власти сторонниками Имреди. Казнен как военный преступник.

8. Хортистский режим последовательно выступал с программой ревизии Версальской системы и возвращения Венгрии обширных земель, которые в соответствии с Трианонским мирным договором 1920 г. были переданы соседним странам (см. прим. 20). Территориальные приращения хортистской Венгрии в 1938–1941 гг. происходили в следующем порядке. 2 ноября 1938 г. германо-итальянский арбитраж в Вене вынес решение о передаче Венгрии южных областей Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) общей площадью около 12 тыс. кв. км и населением свыше 1 млн. человек. Весной 1939 г. венгерские войска оккупировали всю Подкарпатскую Русь. 30 августа 1940 г. на основании второго венского арбитража Венгрия получила Северную Трансильванию (около 43 тыс. кв. км) с населением более 2,3 млн. человек. В апреле 1941 г., во время антиюгославской кампании «третьего рейха» и его союзников, венгерская армия оккупировала и закрепила за собой часть территории Югославии (край Воеводина) площадью около 12 тыс. кв. км.

9. 4–30 января 1942 г. в отместку за действия югославских партизан хортистская жандармерия предприняла карательные акции в районе Нови-Сада. По подсчетам современных историков, погибло 866 человек, в том числе 550 евреев и 290 сербов. См.: *Gyurgybk J.* Op. cit., 170. о.

10. Стояи (Стоякович) Дёме (1883–1946) – премьер-министр и министр иностранных дел Венгрии в марте-августе 1944 г. Из кадровых военных. Был военным атташе, а затем послом в Берлине. В бытность премьер-министром в интересах продолжения войны отправил на советский фронт новые значительные военные силы. Заключил новый экономический договор, предоставивший Германии неограниченное влияние на венгерскую экономику. Поддержал и официально санкционировал меры по депортации венгерских евреев в Освенцим. Отставка Стояи бы-

ла связана с возобновлением попыток Хорти и его окружения найти пути заключения сепаратного мира.

11. 5 апреля 1944 г. все венгерские евреи должны были надеть желтую звезду, 7 апреля началась их массовая депортация в специальные лагеря, а затем в Освенцим. В Будапеште около 200 тыс. евреев было сосредоточено в гетто, часть из них успели депортировать в пределы «третьего рейха». Около 5 тыс. евреев сумело бежать из страны, в частности, при содействии шведского посольства. В конце июня – начале июля депортация была приостановлена по требованию Хорти. В те же дни регент Венгрии обращался к германскому командованию с просьбой разрешить эмиграцию части евреев в нейтральные страны (*Patai R. Op. cit.*, p. 580). Премьер-министр генерал Г.Лакатош, пришедший к власти в конце августа 1944 г., отправил в отставку ряд высокопоставленных чиновников, ответственных за депортацию евреев, ослабил действие антиеврейских законов.

В ноябре правительство Салаши отправило 50 тыс. будапештских евреев на строительство оборонных укреплений, многие погибли. Около 10 тыс. евреев погибло в результате боевых действий в ходе полуторамесячного штурма Будапешта Красной Армией с декабря 1944 по февраль 1945 г. (*Deák I. Op. cit.*, p. 65). 16–18 января большое гетто в центре Будапешта, где было около 70 тыс. евреев, освободили советские войска. Из находившихся в венгерской столице евреев гибели избежало не менее 120 тыс. человек, живших в гетто, специально отведенных домах, а также тайно укрывавшихся от преследований (*Stark T. Op. cit.*, 46. o; *Patai R. Op. cit.*, p. 590). По данным Патаи, скорее всего спорным, в остальной Венгрии на момент освобождения было не более 20 тыс. евреев (*Patai R. Op. cit.*, p. 590).

Весной 1945 г. начинается возвращение в Венгрию угнанных и выживших в концлагерях евреев. По данным Р.Брэма, на конец 1945 г. в пределах венгерских границ 1941 г. находилось 190 тыс. евреев, 116 тыс. из них вернулось из концлагерей и вышло из гетто (*R.Braham. Op. cit.*, Vol. II., pp. 1143–1144). Р.Патаи называет цифру 255 тыс. евреев в границах 1941 г. на конец 1945 г. (*Patai R. Op. cit.*, p. 590). Т.Штарк, анализировавший данные Венгерского статистического ведомства, полученные из разных источников (в том числе предварительной переписи населения), пришел к выводу о том, что

в 1946 г. на территории, контролируемой венгерским правительством и совпадавшей с Венгрией в ее трианонских границах (подтвержденных с незначительными корректировками не в пользу Венгрии Парижским мирным договором 1947 г.), находилось 143 тыс. иудеев (см.: Stark T. Op. cit., 62. o.). По подсчетам того же исследователя, в 1945–1947 гг. в Венгрию возвратилось около 190 тыс. евреев (Ibid., 52. o.). А.Эрдеи считает, что количество выживших в Венгрии евреев колеблется в пределах 220–260 тыс. человек (*Erdei A. A magyarországi zsidóság migrációja (1945–1955) // Beszélő. Budapest, 2004 április, p. 69.*

Количество выживших венгерских евреев, оставшихся за границей, с трудом поддается исчислению. Следует также иметь в виду, что уже в 1945 г. начинается миграция венгерских евреев в Палестину. По некоторым данным, более 30 тыс. человек официально обратилось к властям за разрешением о выезде, однако реально до 1949 г. в Палестину приехало 15 тыс. евреев из Венгрии, в дальнейшем коммунистические власти запретили выезд своих граждан из страны (Stark T. Op. cit. 77, 94. o.).

12. На парламентских выборах, проходивших в мае 1939 г., нилашисты и другие профашистские партии набрали около 20% голосов, тогда как умеренно левые (социал-демократы и партия мелких хозяев) потерпели серьезное поражение и, в частности, в борьбе за своего традиционного избирателя. В одном из пролетарских районов Будапешта, Ференцвароше, за крайне правых проголосовало большинство избирателей.

13. С началом Второй мировой войны из оккупированных германской армией стран, в первую очередь из Польши, в пределы Венгрии переселилось большое количество евреев, получивших право на убежище. В августе 1941 г. по требованию Берлина правительство Л. Бардоши лишило беженцев этого права. 16–18 тысяч евреев с неустановленным гражданством было передано соответствующим службам вермахта и депортировано из Венгрии на территорию Украины. Уничтожены они в г. Каменец-Подольском.

14. Речь идет о законе 1941 г., запрещавшем браки иудеев и христиан (см. также прим. 6).

15. После разрыва Румынии с Германией 23 августа 1944 г. Хорти и его окружение активизируют поиски путей выхода из войны, затруднявшиеся присутствием на территории Венгрии крупного контингента вермахта. Расчеты хортистов на приближение англо-американских войск с юга к венгерским рубежам оказались иллюзорными, а нерешительное обращение по совету западных держав к СССР было малоэффективным из-за упорного стремления Хорти уклониться от объявления войны Германии. Работа венгерской делегации, с 1 октября обсуждавшей в Москве предварительные условия перемирия, была прервана вследствие государственного переворота 15–16 октября, осуществленного преданными «третьему рейху» нилашистами во главе с Ф. Салаша. Перевороту предшествовала плохо организованная попытка выхода из войны, натолкнувшаяся к тому же на саботаж командования венгерской армии. Лишенный власти, Хорти был отправлен гитлеровцами в Баварию, где находился под домашним арестом в одном из замков вплоть до прихода американских войск в апреле 1945 г.

15а. В 1896 г. в Венгрии с большим размахом и помпой было отмечено тысячелетие прихода кочевников-мадьяр в Среднее Подунавье. «Миллениум» 1896 г. стал апофеозом национализма венгерской правящей элиты времен дуалистической Австро-Венгерской монархии (1867–1918).

16. Политическая консолидация правоавторитарного хортистского режима, установленного вследствие краха Венгерской Советской республики 1919 г., связана с деятельностью в качестве премьер-министра в 1921–1931 гг. крупного консервативного политика Венгрии графа Иштвана Бетлена (1874–1946). Последовательный курс на ревизию границ, установленных в рамках Версальской системы, и пересмотр в пользу Венгрии Трианонского мирного договора 1920 г. сочетался с приверженностью принципам реальной политики, отказом от внешнеполитических авантюр и стремлением к решению спорных вопросов мирным путем. Выход Венгрии из длительной внешнеполитической изоляции произошел в 1927 г. с подписанием договора с муссолиниевской Италией. Внутренняя политика была направлена на создание мощной партии власти, базирующейся на консервативной платформе, и нейтрализацию край-

них течений на левом и правом флангах. Важными вехами внутриполитической консолидации явились подавление в 1921 г. двух легитимистских путчей, связанных с попытками захвата власти бывшим королем Карлом Габсбургом, и последующее лишение Габсбургов прав на венгерский престол, а также заключение соглашения с руководством социал-демократической партии, разрешавшего ей легальное функционирование в обмен на ряд уступок. Культурная программа правительства Бетлена (во главе ее осуществления стоял бессменный министр культуры граф К.Клебельсберг) была направлена на создание в Венгрии мощной инфраструктуры отвечающих высоким европейским стандартам элитарных культурных учреждений (университеты; библиотеки, музеи и т.д.), что было призвано в известной мере компенсировать территориальные потери и утвердить в новых условиях роль Венгрии как культурного центра в дунайско-карпатском регионе. Завершение эпохи «бетленовской консолидации» связано с экономическим кризисом 1929–1933 гг., усугубившим положение в экономике и социальной сфере и дестабилизировавшим внутривнутриполитическую ситуацию.

В дальнейшем, в условиях наступления фашизма в Европе, граф Бетлен возглавлял проанглийское крыло хортистской политической элиты, последовательно выступал против сближения Венгрии с «третьим рейхом», а летом 1941 г. против объявления войны СССР. После оккупации Венгрии вермахтом 19 марта 1944 г. скрывался. С декабря 1944 г. находился в распоряжении Красной Армии под домашним арестом. Отказался сотрудничать с коммунистами в деле формирования антифашистского правительства Венгрии. Опасаясь, что влиятельнейший политик станет знаменем антикоммунистического лагеря Венгрии, советские спецслужбы депортировали Бетлена в СССР в апреле 1945 г. Умер в больнице бутырской тюрьмы. См.: Лукьянов Ф.Е. Исчезновение графа И. Бетлена (о судьбе венгерского политического деятеля 1920–1940-х гг.) // Славяноведение, 1994. № 6.

17. Курецтвоование – от слова «куруцы». Со времен восстания Дёрдя Дожи (1514 г.) так назывались в Венгерском королевстве участники крестьянских антифеодальных выступлений. В конце XVII – начале XVIII вв. под куруцами понимали участников антигабсбургских ос-

вободительных движений под руководством трансильванских князей Имре Текели и Ференца Ракоци и прежде всего бойцов армии Ракоци в период освободительной войны 1703–1711 г. После заключения австро-венгерского Соглашения 1867 г. и образования дуалистической Австро-Венгрии куруцы для венгерских либеральных и части консервативных интеллектуалов, считавших исторически обоснованным компромисс Венгрии с домом Габсбургов, стали символом национальной ограниченности, изоляции от культурных веяний, идущих с Запада. Наиболее законченное, программное и даже провокативное выражение такая позиция нашла в творчестве известного мыслителя и историка неоконсервативной ориентации Дюлы Секфю (1883–1955), который в одной из своих ранних работ (биографии Ф.Ракоци) изобразил одного из национальных героев Венгрии в виде донкихотствующего чудака-идеалиста, тщетно пытавшегося противостоять исторической необходимости, требовавшей союза с Габсбургами как условия беспрепятственного вхождения Венгрии в ареал западноевропейской цивилизации.

18. Деже Сабо (1879–1945) – писатель. В нашумевшем романе «Унесенная деревня» (1920) проводил идею защиты чистоты «венгерской расы» от чуждых инородных влияний, едва ли не в первую очередь еврейского. Воспринятый венгерским общественным сознанием на фоне неудавшегося социалистического эксперимента 1919 г. и униженного Трианонского мирного договора, роман стал одним из идейных манифестов хортистской контрреволюции. С другой стороны, некоторыми демократическими тенденциями своего творчества (неравнодушием к положению и судьбам крестьянства) сильно повлиял на так называемых «народных писателей» (Д.Ийеш, Л.Немет, П.Вереш и др), одно из самых заметных течений в венгерской художественной литературе и литературно-общественной жизни 1930–1950-х годов. Крайне отрицательно отнесся к гитлеровской оккупации Венгрии, Холокосту и нилашистскому террору. Погиб во время штурма Будапешта.

19. Поражение Австрии в австро-франко-итальянской войне 1859 г. и ее уход из Северной Италии, и особенно ее поражение в австро-прусской войне 1866 г., означавшее полное вытеснение Габсбургов из процесса объединения Германии, ознаменовали собой глубокий

кризис власти, переживаемый венским двором. В этих условиях император Франц Иосиф I был вынужден пойти на компромисс с венгерской политической элитой во главе с Ференцем Деаком, отказавшейся от борьбы за полную независимость Венгрии в обмен за приобщение к управлению большой европейской державой и получение почти неограниченного суверенитета во внутренних делах. В соответствии с Соглашением 1867 г. общими для двух частей дуалистической Австро-Венгерской монархии остались внешняя политика, армия и их финансирование. Власть венгерской элиты распространилась на все историческое Венгерское королевство, включавшее в себя обширные земли, заселенные другими народами (доля венгров в населении восточной половины двуединой монархии составляла около 50%).

Для Венгрии Соглашение 1867 г. означало возврат к важнейшим конституционным завоеваниям революции 1848–1849 гг., утраченным с ее поражением. В то же время дуалистическая система вызвала острую неудовлетворенность национальных движений славянских народов (а также румын), боровшихся за ее трансформацию в некую иную государственную конструкцию, отвечающую потребностям их национального развития (концепции триализма и т.д.). Национальный вопрос явился «миной замедленного действия», заложенной Соглашением 1867 г. под все устройство Венгрии эпохи дуализма. К тому же дуализм лишь на время приглушил австро-венгерские противоречия – в начале XX в. они вступили в полосу кризиса, ряд ведущих политических сил Венгрии выступает с эскалацией требований к Вене (о введении венгерского языка в армии, пересмотре в пользу Венгрии таможенной политики в империи). По мере дальнейшего углубления кризиса дуализма идеологи национальных движений все более связывали свои политические идеалы с разрушением монархии Габсбургов.

И.Бибо, в различных своих работах обращавшийся к осмыслению Соглашения 1867 г., весьма критически относился к нему. С венгерской стороны в самом акте заключения Соглашения, по мнению мыслителя, проявились комплексы страха перед собственными национальными меньшинствами, выступавшими со все более радикальной политической программой. Этим комплексам не были чужды даже такие крупные политики XIX в., как Йозеф Этвеш и Ференц Деак. Страх подавлял голос здравого смысла, требовавшего

пойти на компромисс не столько с Габсбургами, сколько с национальными движениями в регионе в интересах создания более совершенной конструкции, нежели дуалистическая австро-венгерская модель, так и не сумевшая примирить венгерский национализм и демократию. В условиях дуализма венгерская политическая элита продолжала испытывать те же комплексы страха, что нашло отражение в практической национальной политике, попытках ассимиляции меньшинств. Между тем, осуществление идеала разноязыкой венгерской политической нации (а этому идеалу отдали дань даже самые выдающиеся венгерские умы) также с самого начала было несбыточной иллюзией.

20. В соответствии с Трианонским мирным договором 1920 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия) получило Хорватию (обладавшую с 1868 г. автономией в рамках Королевства Венгрия) и Воеводину, Чехословакия – Словакию и Закарпатскую Украину, Австрия – самые западные районы Венгрии, образовавшие после 1920 г. австрийскую провинцию Бургенланд. Наиболее значительны были территориальные приобретения Румынии. Перешедшие в ее владение Трансильвания и прилегающие к ней области Банат, Парциум (согласно румынской терминологии – Кришана) и Марамуреш занимали площадь более 100 тыс. кв. км., что превосходило по территории Венгрию в ее новых границах (93 тыс. кв. км.).

Территория нового венгерского государства согласно Трианонскому договору составила около 30% площади исторического Венгерского королевства. На ней в год Трианона проживал всего 41% населения довоенной Венгрии, при этом наряду с землями, где основное ядро населения составляли прежние национальные меньшинства (хорваты, сербы, румыны, словаки, закарпатские русины), к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием венгерского этноса (в частности, в Южной Словакии и в Восточной Трансильвании, вдали от венгеро-румынских границ). Таким образом, неизменно претендовавшая на ведущую роль на востоке Центральной Европы Венгрия после поражения в Первой мировой войне была низведена до положения одного из малых государств (соседние Румыния, Чехословакия и Югославия каждая в отдельности превосходили Венгрию по площади и по численности населения).

Внешняя политика хортистских правительств, направленная на ревизию трианонских границ, находила поддержку в весьма широких слоях венгерского общества, с немалым трудом психологически адаптировавшегося к новой геополитической ситуации. Особенно восприимчивыми к реваншистским, ревизионистским лозунгам оказались 3 млн. венгров, волею держав-победительниц оторванных от матери-родины. С точки зрения внутренней политики лозунг ревизии Трианона имел огромное консолидирующее значение, будучи важнейшим инструментом достижения национального единства.

О венских арбитражах 1938 и 1940 гг., в результате которых был пересмотрен Трианонский договор, и о других территориальных приращениях Венгрии в 1938–1941 гг. см. прим. 8.

21. Миклош Каллаи (1887–1967) – премьер-министр Венгрии с марта 1942 по март 1944 г., в 1942–1943 гг. одновременно министр иностранных дел. Во внутренней политике, преследуя коммунистов, вместе с тем противился стремлению части политической элиты ликвидировать парламентаризм и перестроить государственную систему по образцам «третьего рейха». Начиная с 1942 г., но особенно интенсивно после поражения немцев под Сталинградом и разгрома венгерской армии на Дону в январе 1943 г. стремился к налаживанию контактов с западными державами в целях обеспечения более благоприятных условий выхода из войны в случае краха Германии. При этом делал расчет на высадку англо-американских войск на Балканах. Стремясь предотвратить потерю стратегически важного союзника, Германия оккупирует Венгрию, а Каллаи под угрозой ареста скрывается в турецком посольстве. Выманенный оттуда в ноябре 1944 г., арестован нилашистами, находился в заключении в Маутхаузене и Дахау. После войны в эмиграции в Италии и США. Опубликовал мемуары: *Kallay N. Hungarian Premier. A Personal Account of a Nation's Struggle in the Second World War.* New York, 1954. Венгерское издание: *Kállay M. Magyarország miniszterelnöke voltam. 1942–1944.* I-II. Bp., 1991.

22. Стремление правительства графа П.Телеки (1939–1941) к расширению внешнеполитических маневров в условиях продолжающейся Второй мировой войны привело к заключению 12 декабря

1940 г. договора Венгрии с королевской Югославией о «постоянном мире и вечной дружбе». Тем не менее 28 марта 1941 г. под нажимом немецкой дипломатии и собственного генералитета Хорти дает разрешение на проход немецких войск через территорию Венгрии в Югославию. 30 марта в Будапеште было подписано венгеро-немецкое соглашение о совместных военных действиях против Югославии. Принимая во внимание договор с Белградом, венгерское правительство свое непосредственное участие в военной акции обставило определенными условиями – венгерская армия могла пересечь границу с Югославией лишь в случае распада югославского государства, нападения Югославии первой на Венгрию, а также в случае, если будет подвергнута угрозе жизнь этнических венгров, проживавших в Югославии. Наступление немецкой армии в направлении Югославии было начато 2 апреля. На следующий день премьер-министр граф П.Телеки в знак протеста против участия Венгрии в кампании застрелился в своей резиденции. 6 апреля части вермахта вторгаются в Югославию. В Венгрии в этот день происходит мобилизация войск, но на границе принимаются лишь меры оборонительного характера. 7 апреля в условиях начавшейся войны с Германией югославские ВВС подвергли бомбардировке венгерские города Печ и Сегед, что дало Венгрии один из поводов для непосредственного вмешательства в конфликт. 11 апреля, после объявления «независимой» Хорватии и начавшейся эвакуации югославской администрации и отступления войск из Воеводины, венгерская армия переходит границу, занимает г. Суботицу и в течение 4 дней овладевает землями, ранее входившими в состав исторического Венгерского королевства, в том числе г. Нови-Садом. Тем самым Венгрия вступила во Вторую мировую войну.

23. 18 марта 1944 г. Хорти встречался с Гитлером близ Зальцбурга. Фюрер, знавший о попытках премьер-министра М.Каллаи навести мосты к западным державам, в ходе встречи угрожал, что отнимет у Венгрии приобретенные начиная с 1938 г. земли, разрешит румынским и словацким войскам оккупировать их. Регент отказался подписать письмо с приглашением немецких войск и в то же время согласился образовать правительство, угодное Берлину. На следующий день началось вторжение немецких соединений в Венгрию.

В отсутствие Хорти, еще не вернувшегося из Зальцбурга, Каллаи, убедившись в нежелании венгерского генералитета оказать сопротивление вермахту, отдал приказ о сложении оружия, в тот же день снял с себя полномочия премьер-министра и укрылся в турецком посольстве. Подробнее см.: *Ránki György*. 1944. március 19. Magyarország német megszállása. Budapest, 1968. На наш взгляд, Бибо здесь явно преувеличивает возможность выхода Венгрии из войны 19 марта 1944 г.

24. Пап Карой (1897–1945) – венгерский писатель, много занимался судьбами еврейства в Венгрии. Жертва Холокоста.

25. Речь идет об отмечавшемся в 1896 г. тысячелетии прихода венгров в Среднее Подунавье. См. прим.15а.

26. В результате революции 30–31 октября 1918 г. в Венгрии была свергнута власть Габсбургов. Этому предшествовали события в других частях многонациональной Австро-Венгерской монархии, ознаменовавшие собой ее стремительный распад – провозглашение 28 октября самостоятельного Чехословацкого государства, выход Хорватии из Австро-Венгрии и ее вхождение в образованное югославянское государство, начало 29 октября революции в Вене. 31 октября в Будапеште было создано революционное правительство М. Каройи. 15 ноября страна была провозглашена республикой. Жесткий диктат Антанты, требовавшей отвода венгерских войск с обширных территорий, ранее принадлежавших Венгрии, привел к падению 21 марта 1919 г. правительства М. Каройи. К власти пришло правительство коммунистов и левых социал-демократов, установившее по примеру российской революции правление в форме Советов и приступившее к социалистическим экспериментам, сопровождавшимся левацкими эксцессами. Лишившись вследствие скоропалительных аграрных реформ поддержки крестьянства, Венгерская Советская республика пала 1 августа после начавшегося наступления румынской армии на Будапешт.

27. Имеется в виду печально известный кирпичный завод в районе Обуда – место сбора будапештских евреев весной–летом 1944 г. перед отправкой их в немецкие лагеря уничтожения.

28. В 1945–1950 гг. около 60 тыс. человек привлекалось к суду за сотрудничество с фашистами, более 10 тыс. было приговорено к различным срокам тюремного заключения, 189 казнено. Среди казненных было 4 бывших премьер-министра Венгрии – Б. Имреди, Л. Бардоши, Д. Стояи, Ф. Салаша. В числе привлеченных к ответственности значительную (но не поддающуюся точному определению) долю составляли лица, виновные в осуществлении насилия в отношении евреев. По некоторым свидетельствам, приговоры в отношении военных преступников воспринимались частью венгерского общества как проявления еврейской мести за Холокост (см.: *Romsics Ignác. Magyarország története a XX. században. Budapest, 1999, 279–281. o.*).

29. Осенью 1919 – летом 1920 гг. в селах междуречья Дуная и Тисы действовали террористические отряды, совершавшие бесчинства в отношении сторонников Венгерской Советской республики, а также евреев. Во время одного из погромов, совершенного в ноябре 1919 г., погибло около 60 человек. (См. также прим. 3.)

30. Первые заметные антисемитские выступления в послевоенной Венгрии имели место в феврале–марте 1946 г. Так, в местечке Озд на севере страны 23 февраля 1946 г. демонстрация под антисемитскими лозунгами завершилась погромом. Крупный антиеврейский погром, приведший к человеческим жертвам, имел место 21 мая того же года в Кунмадараше близ Сольнока. 31 мая в Мако близ Сегеда была подожжена синагога, и лишь по счастливой случайности никто не погиб. Линчеванием евреев и разгромом полицейского участка сопровождалось события в Мишкольце 30 июля и 1 августа, вызвавшие отклик по всей стране (см.: *Pelle János. Az utolsó vérvádak. Az etnikai gyűlölet és a politikai manipuláció kelet-európai történetéből. Budapest, 1995; Ständeisky Éva. Antiszemita megmozdulások Magyarországon a koalíciós időszakban // Századok. Budapest, 1992. № 2*). Под первой и второй вспышками насилия Бибо очевидно имеет в виду события в Кунмадараше и Мишкольце. Третья вспышка, о которой он упоминает, была менее значительна и не нашла освещения в исторической литературе. Бибо мог из прессы почерпнуть сведения о крестьянских выступлениях, происходивших в ряде сел летом 1947 г. Антисе-

митская составляющая была в них, по его справедливой оценке, невелика.

Антисемитские погромы имели место в первые послевоенные годы и в других центральноевропейских странах, особенно значительные – в Польше. Так, в г. Кельце 4 июля 1946 г. погибло 42 человека, а вместе с соседними деревнями – 80. Всего в Польше в это время в результате насильственных акций погибло 1500 евреев. О погромах в Польше см.: *Marc Hillel. Massacre des survivants en Pologne, 1945–1947.* Plon, 1985; *Bozena Szaynok. The pogrom of jews in Kielce. July 4, 1946* // *Yad Vashem Studies XXII.* Jerusalem 1992.

Избранная литература

- Bower, Tom.* The Nazi Gold. The Full Story of the Fifty-Year Swiss-Nazi Conspiracy to Steal Billions from Europe's Jews and Holocaust Survivors. New York, Harper-Collins, 1997.
- Braham, Randolph L. (Ed.)* The Destruction of Hungarian Jewry. A Documentary Account. Vol. I-II. New York, 1963.
- Braham, Randolph L.* The Politics of Genocide: The Holocaust in Hungary. Vol. I-II. Revised and enlarged edition. New York, Columbia University Press, 1994.
- Braham, Randolph L.; Miller, Scott, eds.* The Nazis' Last Victims: The Holocaust in Hungary. Detroit, Michigan. Wayne State University Press, 1998.
- Cesarani, David, ed.* Genocide and Rescue: The Holocaust in Hungary, 1944. Oxford, Berg, 1997.
- Deák, István.* The Holocaust in Hungary // The Hungarian Quarterly. Vol. 45. № 176. Budapest, Winter 2004.
- Finkelstein, Norman G.* The Holocaust Industry. Reflections on the Exploitation of Jewish Suffering. London – New York, Verso, 2000.
- Gerlach, Christian; Aly, Gotz.* Das letzte Kapitel. Realpolitik, Ideologie und der Mord an dem ungarischen Juden. 1944/1945. München – Stuttgart, Deutsche Verlags – Austalt, 2002.
- Goldhagen, Daniel.* Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. New York, Knopf, 1996.
- A History of the Jewish People. Cambridge, Mass., 1994.

- The Holocaust Chronicle. A History in Words and Pictures. Lincolnwood, Illinois. Publications International Ltd., 2001.
- Haumann, Heiko.* A History of East European Jews. Budapest – New York, CEU Press, 2002.
- Junz, Helen B.* Where did all the money go? Pre-Nazi Era Wealth of European Jewry. Berne, Staempfli Publishers, 2002.
- Kádár, G.; Vági, Z.* Self-Financing Genocide: The Gold Train, the Becher Case and the Wealth of Hungarian Jews. Budapest–New York, CEU Press, 2004.
- Kádár, G.; Vági, Z.* Rationality or Irrationality? The Annihilation of Hungarian Jews // The Hungarian Quarterly. Vol.45. N.174. Buda-pest, Summer 2004.
- Karády, Victor.* The Jews of Europe in the Modern Era. A Socio-historical Outline. Budapest–New York, CEU Press, 2004.
- Kramer, T. D.* From Emancipation to Catastrophe: The Rise and Holocaust of Hungarian Jews. Lanham, Maryland. University Press of America, 2000.
- New Jewish Identities. Contemporary Europe and Beyond. Ed. by Z.Gitelman, B.Kosmin, A.Kovács. Budapest–New York, CEU Press, 2003.
- Patai, Raphael.* The Jews of Hungary. History, Culture, Psychology. Detroit, Michigan. Wayne State University Press, 1996.
- Ránki, V.* The Politics of Inclusion and Exclusion: Jews and Nationalism in Hungary. New York, Holmes and Meier, 1999.
- Unanswered Questions. The Genocide of the Jews. Ed. Francois Fure. New York, 1989.
- Yahil, Lani.* The Holocaust. The Fate of European Jewry. New York, Oxford University Press, 1992.
- Bajtay P.* Emberírtás, embermentés. Svéd követjelentések 1944-ből. Az Auschwitz-i Jegyzőkönyv. Budapest, 1994.
- Benedek István Gábor, Vámos György.* Tépd le a sárga csillagot. Interjúk az 1944-es budapesti zsidó ellenállásról. Bp., 1990.
- Béni-Lichtner János.* Együtt-élés. A zsidóság szerepe Magyarország legújabbkori történetében, 1790–1918. Bp., 1995.

- Erdei A.* A magyarországi zsidóság migrációja (1945–1955) // Beszélő. Budapest, 2004 április.
- Fejtő Ferenc.* Magyarság, zsidóság. Zeke Gyula közreműködésével. Budapest, 2000.
- Friedlander, S.* A náci antiszemitizmus. Egy tömegpszichózis története. Budapest, 1996.
- Csepeli György.* ...és nem is kell hozzá zsidó. Az antiszemitizmus társadalomlélektana. Budapest, 1990.
- Dokumentumok zsidóság üldöztetésének történetéhez. Szerk. Ságvári Ágnes. Budapest, 1994.
- Ember Mária.* Wallenberg Budapesten. Budapest, 2000.
- Gonda László.* A zsidóság Magyarországon 1526–1945. Budapest, 1992.
- Györi Szabó R.* A kommunista párt és a zsidóság Magyarországon (1945–1956). 2., jav., bőv. kiadás. Budapest, 1997.
- Gyurgyák János.* A zsidókérdés Magyarországon. Politikai eszmetörténet. Budapest, 2001.
- Haraszti György.* Kát világ határán. Magyar Zsidó Történelem. Budapest, 1999.
- Karády Viktor.* Zsidóság, polgárosodás, asszimiláció. Tanulmányok. Budapest, 1997.
- Karády Viktor.* Túlélők és újrakezdők. Fejezetek a magyar zsidóság szociológiájából 1945 után. Budapest, 2002.
- Karády Viktor.* Önazonosítás, sorsválasztás. A zsidó csoportazonosság történelmi alakváltozásai Magyarországon. Budapest, 2001.
- Karsai László.* Holokauszt. Budapest, 2001.
- Katzburg, Nathaniel.* Fejezetek az újkori zsidó történelemből Magyarországon. Budapest, 1999.
- Kende Péter.* Röpirat a zsidókérdésről. Budapest, 1989.
- Kende Tamás.* Vérvád. Egy előítélet működése az újkori Közép- és Kelet-Europában. Budapest, 1995.
- Komoróczy G.* A pernye beleég a bőrünkbe. Budapest, 2000.
- Lévai Jenő.* Fekete könyv a magyar zsidóság szenvedéseiről. Budapest, 1946.
- A magyar zsidóság 1945 után. Dokumentumok // Beszélő. Budapest, 2004 április.

- Küzdelem az igazságért. Tanulmányok Randolph L. Braham 80. születésnapjára (Szerk.: Karsai L., Molnár J.). Budapest, 2002.
- Monori A. A szembenézés kudarca. A Haladás «holokauszt-vitája» 1946-ban // Beszélő. Budapest, 2004 július-augusztus.
- Novák Attila. Átmenetben. A cionista mozgalom négy éve Magyarországon. Budapest, 2000.
- Pelle János. Az utolsó vérvádak. Az etnikai gyűlölet és a politikai manipuláció kelet-európai történetéből. Budapest, 1995.
- Standeisky Éva. Antiszemita megmozdulások Magyarországon a koalíciós időszakban // Századok. Budapest, 1992. N.2.
- Standeisky Éva. A miskolci pogrom, ahogyan Rákosiék látták // Társadalmi Szemle. Budapest, 1990. N.11.
- Stark Tamás. Zsidóság a vészidőszakban és a felszabadulás után, 1939–1955. Budapest, 1995.
- Ungvári Tamás. Ahasvérus és Shylock. A «zsidókérdés» Magyarországon. Budapest, 1999.
- Varga L. A magyar zsidóság 1945 után // Hiány. Budapest, 1990, febr. 27.
- Varga L. A miskolci népitélet 1946 // Medvetánc. Budapest, 1986. N. 2–3.
- A zsidó népesség száma településenként (1840–1941). Szerk. Kepes József. Budapest, 1993.
- Zsidókérdés, asszimiláció, antiszemitizmus. Tanulmányok a zsidókérdésről a huszadik századi Magyarországon (Sajtó alá rendezte: Hanák Péter). Budapest, 1984.
- Zsidóság az 1945 utáni Magyarországon. Paris, 1984.

Содержание

<i>От издателя</i>	5
Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года	
I. Наша ответственность за произошедшее	9
II. Евреи и антисемиты	59
III. Ассимиляция и еврейское самосознание	132
IV. Обстановка сегодня	174
Заключение	226
<i>Комментарии и библиография [А. Стыжалин]</i>	230

Иштван Бибо
Еврейский вопрос в Венгрии
после 1944 года

ISBN 5-94607-0056-8

Издательство «ТРИ КВАДРАТА», Москва, 2005

Издатель и арт-директор: Сергей Митурич

Исполнительный директор: Савва Митурич

Верстка: Татьяна Боголюбова

Корректурa: Галина Элькина

Производство: Елена Кострикина

Издательство «ТРИ КВАДРАТА»

Москва 125319, Усиевича д. 9, тел. (095)1516781, факс 151-0272
e-mail: triqua@postman.ru

Подписано в печать 28.10.2005. Формат 70x100/32. Печать офсетная.

Бумага офсетная №1. Печ. л. 8,0. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии АКО-Принт

ИМРЕ КЕРТЕС
ЯЗЫК в изгнании

Статьи и эссе

БЕЛА ХАМВАШ
SCIENTIA SACRA
[Священное знание]

ИШТВАН БИБО
О СМЫСЛЕ европейского
развития и другие работы

ПЕТЕР НАДАШ
ТРЕНИНГИ СВОБОДЫ

АТТИЛА ЙОЖЕФ
КРАЙ ЗАБРОШЕННЫХ
НАДЕЛОВ

